

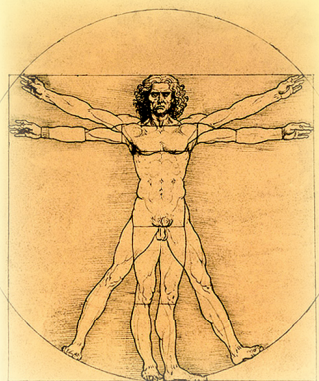
ISSN 2076-4359

Учёные записки

№ IV (84)

2025

Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета

富足

Науки о человеке, обществе и культуре

16+

Рукописи проходят обязательное рецензирование.

Отделы журнала «Управление», «Вычислительная техника и информатика», «Машиностроение», «Культурология и искусствоведение» включены в перечень изданий ВАК РФ.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций России. Свидетельство ПИ № ФС7738212 от 30.11.2009.

ISSN 2076-4359 = Učenyje zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta

Уважаемые авторы, пожалуйста, присылайте свои материалы на адрес электронной почты: journal@knastu.ru

Правила оформления материалов размещены на странице журнала «Учёные записки КНАГУ», находящейся на сайте <https://uzknastu.ru>

Материалы, оформленные с нарушением данных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес учредителя и издателя: 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 27
Телефон для справок: +7 (4217) 528-548

Адрес редакции: 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Комсомольская, д. 50, ауд.508

Индекс журнала в каталоге Роспечать: 66090.

Цена свободная.

© Все права на опубликованные материалы принадлежат учредителю журнала – ФГБОУ ВО «КНАГУ», при их цитировании ссылка на журнал обязательна.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Комсомольский-на-Амуре государственный университет»

Журнал основан в 2010 году

Редакционная коллегия:

Главный редактор журнала:	Алексей Иванович Евстигнеев , доктор технических наук, профессор. E-mail: diss@knastu.ru
Заместитель главного редактора журнала:	Александр Витальевич Космынин , доктор технических наук, профессор. E-mail: avkosm@knastu.ru
Выпускающий редактор серии «Науки о природе и технике»:	Евгения Павловна Иванкова , кандидат технических наук, доцент. E-mail: peit@knastu.ru
Выпускающий редактор серии «Науки о человеке, обществе и культуре»:	Галина Алексеевна Шушарина , кандидат филологических наук, доцент. E-mail: lmk@knastu.ru
Литературный редактор:	Татьяна Николаевна Карпова . E-mail: karpovat@list.ru
Технический редактор:	Татьяна Николаевна Карпова . E-mail: karpovat@list.ru
Перевод на английский язык:	Галина Алексеевна Шушарина , кандидат филологических наук, доцент. E-mail: lmk@knastu.ru
Дизайн и верстка:	Оксана Вадимовна Приходченко , кандидат технических наук. E-mail: cik@knastu.ru
Менеджер информационных ресурсов:	Татьяна Владимировна Степанова . E-mail: osnid@knastu.ru
Администратор сайта:	Оксана Вадимовна Приходченко , кандидат технических наук. E-mail: cik@knastu.ru

Серия: «Науки о природе и технике»

Ответственный секретарь серии «Науки о природе и технике»	Евгения Павловна Иванкова , кандидат технических наук, доцент. E-mail: peit@knastu.ru
---	---

Отделы:

1. Авиационная и ракетно-космическая техника (2.5.13 - Проектирование, конструкция и производство летательных аппаратов)	Сергей Иванович Феоктистов , доктор технических наук, профессор. E-mail: ssf@knastu.ru Сергей Борисович Марьин , доктор технических наук, доцент. E-mail: as@knastu.ru
2. Энергетика (2.4.2 - Электротехнические комплексы и системы)	Константин Константинович Ким , доктор технических наук, профессор. E-mail: kimkk@inbox.ru Александр Владимирович Сериков , доктор технических наук, профессор. E-mail: em@knastu.ru Сергей Николаевич Иванов , доктор технических наук, доцент. E-mail: snivanov57@mail.ru
3. Управление (2.3.3 - Автоматизация и управление технологическими процессами и производствами)	Вячеслав Алексеевич Соловьев , доктор технических наук, профессор. E-mail: kepapu@knastu.ru Андрей Юрьевич Торгашов , доктор технических наук, доцент. E-mail: torgashov@iacp.dvo.ru
4. Вычислительная техника и информатика (1.2.2 - Математическое моделирование, численные методы комплексы программ)	Валерий Иванович Одинокоев , доктор технических наук, профессор. E-mail: osnid@knastu.ru Александр Витальевич Космынин , доктор технических наук, профессор. E-mail: avkosm@knastu.ru
5. Машиностроение (2.5.5 - Технология и оборудование механической и физико-технической обработки)	Борис Яковлевич Мокрицкий , доктор технических наук, профессор. E-mail: boris@knastu.ru Владимир Сергеевич Щетинин , доктор технических наук, доцент. E-mail: schetynin@mail.ru
6. Материаловедение и химические технологии (2.6.17 - Материаловедение)	Эдуард Анатольевич Дмитриев , доктор технических наук, профессор. E-mail: rector@knastu.ru Олег Викторович Башков , доктор технических наук, профессор. E-mail: bashkov_ov@mail.ru
7. Математика и механика (1.1.8 - Механика деформируемого твердого тела)	Анатолий Александрович Буренин , доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН. E-mail: burenin@iacp.dvo.ru Константин Сергеевич Бормотин , доктор физико-математических наук, доцент. E-mail: as@knastu.ru Олег Викторович Башков , доктор технических наук, профессор. E-mail: bashkov_ov@mail.ru Олег Евгеньевич Сысоев , доктор технических наук, профессор. E-mail: sia@knastu.ru

Серия: «Науки о человеке, обществе и культуре»

Ответственный секретарь серии «Науки о человеке, обществе и культуре»	Галина Алексеевна Шушарина , кандидат филологических наук, доцент. E-mail: lmk@knastu.ru
---	--

Отделы:

1. Культурология и искусствоведение (5.10.1 - Теория и история культуры, искусства)	Яна Станиславовна Крыжановская , доктор культурологии, доцент. E-mail: krijanowskaia.yana2012@yandex.ru Евгения Валерьевна Савелова , доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент. Виктория Юрьевна Прокофьева , доктор филологических наук, профессор. Илья Игоревич Докучаев , доктор философских наук, профессор.
2. Психология и педагогика (5.8.1 - Общая педагогика, история педагогики и образования)	Татьяна Евгеньевна Наливайко , доктор педагогических наук, профессор. E-mail: tenal@knastu.ru
3. История (5.6.1 - Отечественная история)	Жанна Валерьевна Петрунина , доктор исторических наук, профессор. E-mail: petrunina71@bk.ru, history@knastu.ru

Периодичность: два раза в квартал (один номер каждой серии в квартал)

Содержание

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Брейтман А. С. ЯКУТСКАЯ МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КОСМОГОНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ЭКРАНА: О МИРОВОМ ФЕНОМЕНЕ ЯКУТСКОГО КИНО (1990 – 2020-Е ГОДЫ).....	4
Гамалей С. Ю. О СПЕКТАКЛЯХ, ПОСТАВЛЕННЫХ НА СЦЕНЕ РУССКОГО НАРОДНОГО ТЕАТРА БИРОБИДЖАНА. 1958–1992 ГОДЫ.....	12
Го Тинтин НАСЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА ГУЦИНЯ В КИТАЕ.....	20
Завалишин А. Ю., Костюрина Н. Ю. ДЕТСКИЕ СУБКУЛЬТУРЫ – TERRA INCOGNITA ИЛИ ENFANT TERRIBLE?.....	25
Климова Е. В. РОЛЬ ТРАДИЦИОННОЙ ИГРУШКИ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ.....	32
Наливайко Т. Е., Иванов В. В. КУЛЬТУРА ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ.....	36
Радь Э. А., Сивожаелезова Е. А. БИБЛЕЙСКИЙ ТЕКСТ В СТРУКТУРЕ РОМАНА А. М. СТОЛЯРОВА «МИЛОСТЬ ГОСПОДНЯ».....	41
Смирнова И. И. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ОТОБРАЖЕНИЯ ОБРАЗА РЕБЁНКА В ХОРРОР-ЖАНРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ).....	46
Усанов И. Г., Усанов Г. И. ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ КУЛЬТУРЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА.....	54
Шереметьева М. А., Савелова Е. В. РЕТРОСПЕКТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ИГРЫ.....	64
Щёлкина Е. А. ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА КАК КООРДИНАТОР ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ).....	71

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Бурдакова Г. И., Наливайко Т. Е., Бянкин А. С. ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА «ОБУЧЕНИЕ СЛУЖЕНИЕМ».....	76
Ларченко Ю. Г. ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА В ФОРМАТЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОЕКТА: АКТУАЛЬНОСТЬ, ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ, АЛГОРИТМ РАЗРАБОТКИ.....	81
Пухов А. А., Новгородов Н. А., Ткачева Ю. И. РАЗВИТИЕ ОДАРЁННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО СРЕДНЕГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ, ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	87

ИСТОРИЯ

Дербенев А. С., Макарова Е. А. ДИНАМИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ США С БЛИЖНЕВОСТОЧНЫМИ СОЮЗНИКАМИ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ В ГАЗЕ.....	97
Гулевич Д. П., Федирко О. П. ИЗМЕНЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ЛАНДШАФТА КИТАЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	104
Караваев Д. Г., Федирко О. П. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-ЯПОНСКОГО РАЗГРАНИЧЕНИЯ КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ.	111
Юрченко Е. С. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА США ЗА МЕЖСОЮЗНОЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ СОГЛАШЕНИЕ В КОНЦЕ 1918 – НАЧАЛЕ 1919 ГОДОВ.	117

Брейтман А. С.
A. S. Breitman

**ЯКУТСКАЯ МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КОСМОГОНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ЭКРАНА:
О МИРОВОМ ФЕНОМЕНЕ ЯКУТСКОГО КИНО (1990 – 2020-е ГОДЫ)**

**YAKUT MYTHOLOGICAL COSMOGONY IN THE SCREEN SPACE: ABOUT THE WORLD
PHENOMENON OF YAKUT CINEMA (1990 – 2020s)**

Брейтман Александр Семёнович – доктор философских наук, профессор кафедры международных коммуникаций, сервиса и туризма Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск); тел. +7(4212)40-73-94. E-mail: brejtman54@mail.ru.

Alexander S. Breitman – Doctor of Philosophy, Professor, International Communications, Service and Tourism Department, Far Eastern State Transport University (Russia, Khabarovsk); tel. +7(4212)40-73-94. E-mail: brejtman54@mail.ru.

Аннотация. В статье исследуется феномен мирового признания современного кинематографа Якутии. Взгляд на якутское кино в широком историческом контексте позволяет прийти к выводу, что на рубеже XX – XXI веков оно перестаёт быть лишь массовым зрелищем или в лучшем случае одним из современных искусств. Кинематографические интерпретации мифологических истоков якутской культуры позволяют рассматривать ряд кинолент как средство самопознания и осмысления основ национальной культуры. Вместе с тем фильмы нового якутского кино удостоены престижных наград международных кинофестивалей. Таким образом, национальная якутская культура через получивший мировой признание кинематограф включается в общемировой культурный контекст.

Summary. The article examines the phenomenon of the world recognition of modern cinema of Yakutia. A look at Yakut cinema in a broad historical context allows us to conclude that at the turn of the 20th – 21st centuries it ceased to be just a mass spectacle or, at best, one of the modern arts. Cinematographic interpretations of the mythological origins of the Yakut culture turn a number of films into a modern means of self-knowledge and understanding of the foundations of national culture. At the same time, films of the new Yakut cinema have been awarded prestigious awards at international film festivals. Thus, the national Yakut culture is included in the global cultural context through cinematography that has received worldwide recognition.

Ключевые слова: национальная культура, мифологические сюжеты, этнокультурное своеобразие, якутское кино, кинематограф, кинофестивали, киноязык.

Key words: national culture, mythological plots, ethnocultural uniqueness, Yakut cinema, cinematography, film festivals, film language.

УДК 168.522

Ещё в статусе балаганного зрелища, в одном ряду с кабинетами восковых фигур и цирковыми аттракционами, немой чёрно-белый кинематограф поражал зрителей своими безграничными возможностями. В XX веке с учётом социальной востребованности и доступности (нередко мнимой), кинематограф в формах и массового кинозрелища, и высокого искусства был, как известно, важнейшим из искусств. Синтетический, по эйзенштейновскому определению [15], экранный образ заключал в себе «известное равновесие духовного и материального..., непосредственно отражающее их равновесие в реальном бытии человека... <что позволяло> синтетическому искусству занять центральное место в художественной культуре» [3]. Синтетическая природа кино предполагает его обусловленность традиционными искусствами, уходящими корнями в изначальную глубину нерасчленённого (синкретического) мифологического сознания человека первобытной эпохи.

Сегодня ни у кого не вызывает возражений, что по степени популярности и массовой востребованности в XX веке с кино не могло сравниться ни одно из искусств. Более того, с проникно-

вением телевидения, а затем видео в каждый дом экранный характер современной культуры становится очевидным (см. прим. 1). А с повсеместным распространением ПК «экран» уже окончательно превращается в культурную доминанту, и всё большее количество *пользователей* предпочитают экранные «встречи» в *виртуале* взамен контактам в *реале*. Парадоксальное для 70-х годов прошлого века «откровение» Маршала Маклюэна о «глобальной деревне» ещё за три десятилетия до изобретения Всемирной паутины [6] – объективная реальность XXI века.

В начале 80-х годов прошлого века в связи с бурным развитием компьютерных технологий в кинематографической среде нередко высказывались опасения по поводу вторжения «кибернетического монстра» на территорию кино. Делались апокалиптические прогнозы о том, что универсальный инструментальный и доселе невиданные носители нового содержания в руках «виртуозов-технарей» будут способны к созданию столь совершенной виртуальной среды, включая и виртуальных персонажей, что надобность в актёрах отпадёт за полной их ненужностью. Заодно упразднение предрекалось режиссёрам, операторам, костюмерам, гримёрам... Но в начале 1990-х годов ситуация «парадоксально перевернулась» [9]. «Компьютерным гениям», творцам киберпространства оказалось нечем и некем «заселить» его, нечего предложить потенциальным пользователям: они знали *как*, но не знали *что*. Это *что*, т. е. образы новой синтетической виртуальной реальности, было под силу лишь «старым» кинематографистам. Ведь именно в киноискусстве, в работах великих киномастеров XX века – от Эйзенштейна и Гриффита до Тарковского и Феллини – были заложены основы всепобеждающей экранной выразительности. И никто, кроме кинематографистов – от творцов киноискусства до фильмейкеров массовой кинопродукции – не владел этим синтетическим языком экрана. Именно киномастерам принадлежит заслуга превращения виртуального «хаоса» в виртуальный «космос». Таким образом, владение киноязыком – языком современного экрана – позволяет осмыслить и «декодировать» культуру, породившую искусство, заслуженно названное в прошлом веке Десятой музой. В конечном итоге благодаря универсальным возможностям киноязыка именно кинематограф предопределил экранный характер современной культуры. Сегодня «экран», «экранная культура» – привычное, подчас основное пространство взаимодействия с миром для подавляющего большинства пользователей ПК и мобильных телефонов.

Другое дело, в эпоху интернета и всеобщей цифровизации массовое кино перестало быть законодателем мод и вкусов, а киноискусство, или так называемый артхаус (фестивальное, экспериментальное и авторское кино), и вовсе оказалось востребованным лишь на узких клубно-фестивальных просмотрах и в киноведческих штудиях. Простое сравнение: абсолютных лидеров советского проката – фильмы «Калина красная» (1974), «Пираты двадцатого века» (1980) и «Москва слезам не верит» (1980) – посмотрело соответственно 140, 87,6 и 84,5 млн зрителей, а лидирующие коммерческие проекты в российском прокате – «Чебурашка» (2023), «Холоп 1, 2» (2019, 2024) и «Бременские музыканты» (2024) – соответственно 23,5, 22 и 8,5 млн человек [12]. К концу XX века с широким распространением домашнего фильмопотребления кино и в России, и в других странах с развитой кинематографией (киноиндустрия США и стремительно растущий кинорынок Китая составляют исключение и требуют отдельного разговора) постепенно утратило роль «важнейшего из искусств» (см. прим. 2). И тем не менее в первые десятилетия XXI века в Якутии формируется кинематографический феномен.

Кино – огромная и затратная индустрия. И при сложившихся условиях никто, кроме государства, не взял бы на себя риск финансирования национального кинопроизводства в отнюдь не «кинематографическом» регионе. Имеющийся советский опыт взаимоотношений художника и власти, когда государство – заказчик, а творец – исполнитель, мягко говоря, неоднозначен: всегда есть опасность превращения искусства в средство идеологии и пропаганды. Тем более поразителен якутский кинобум: цели художника и власти по возрождению основ национальной культуры совпали. Приведём лишь некоторые красноречивые цифры:

- Отправной точкой якутского «кинопрорыва» сами якутские кинематографисты считают апрель 1992 года, когда одновременно с принятием Конституции и подписанием Федеративного договора первый избранный президент Якутии Михаил Николаев утверждает проект, заклады-

вающий основы «Сахафильма» – первой якутской киностудии. В её задачи входило «создание кино- и видеофильмов различных видов и жанров для развития и сохранения традиционной культуры коренных жителей Якутии..., пропаганда этой культуры посредством кино-, видеофильмов..., создание киновидеолетописи экономического, политического, культурного развития республики...» [14].

- При поддержке республиканского министерства культуры с 2011 года начинает работу Международный кинофестиваль арктических фильмов. Традиционно фильмы для конкурса представляют государства Арктического региона: Финляндия, Дания, Швеция, Норвегия, Исландия, Гренландия, Россия, США, Канада.

- По рейтингу отслеживающей статистику российского кинорынка информационно-аналитической группы Невафильм Research, уже к 2010 году в кинотеатрах Якутии демонстрировались ежегодно 15-20 фильмов производства «Сахафильм», а к 2014 году «по количеству местного кино в прокате республика обогнала все остальные регионы России... За 2011-2014 годы в республике было снято 55 картин. Для сравнения: второе место в этом рейтинге заняла Бурятия с 16 местными лентами за тот же период» [7].

- На заседании Агентства стратегических инициатив в Москве (2024) глава республики Саха Айсен Николаев говорил об эффективности совместных усилий: «Мы гордимся тем, что являемся самым активным кинорегионом, третьим по производству фильмов после Москвы и Питера» [1].

- На сегодняшний день проекты «Сахавуда» (см. прим. 3) активно инвестирует местный бизнес, а государство оказывает всяческую поддержку для развития отрасли.

- По итогам 2019 года «Якутия стала третьим регионом России по объёмам кинопроизводства после Москвы и Санкт-Петербурга» [13]; с 2018 по 2022 год кассовые сборы от проката якутских фильмов в самой республике составили 33 % от общего проката, а их посещаемость – 35 % от общей посещаемости кинотеатров» [13].

- По официальным данным, якутские кинопроизводители завоевали в 2024 году 19 % всех зарубежных наград российского кино, т. е. 10 из 52 [1].

Счастливая прокатная судьба якутских фильмов в самой республике, международное признание «якутской киноволны» – удивительный малоизученный феномен.

В чём причина лидирующего положения киноискусства в культуре Якутии второй половины 1980-х – 2020-х годов? Чем объясняется международное признание якутского кино?

О продуктивности совместных усилий кинематографистов и органов власти в становлении национального кинематографа было сказано выше. Безусловно, господдержка (финансирование, режим благоприятствования и т. д.) важный фактор, но, скорее, внешний. Внутренние же причины нужно искать в особенностях якутской культуры в её исторической динамике. Попробуем рассмотреть «новое» якутское кино в контексте национальной культуры.

Отмечая, что «для изолированного огромными территориями и суровыми природно-климатическими условиями населения экран стал окном в большой мир, принес с собой огромный спектр новых значений, культур, народов, историй» [4], автор диссертационного исследования «Этнокультурное своеобразие якутского кино» Г. А. Красильникова делает вывод об огромной его просветительской роли. Это так, если учесть, что на протяжении почти всего XX века (практически до конца 90-х годов) для большей части населения России кинематограф тоже был таким «окном». Автор упомянутого исследования пишет, что «возникновению оригинального игрового кино предшествовал длительный период “вращивания” экрана в культуру – период создания документальных лент» [4], в частности, фильмы «Дорога в тайгу» (1931), «На берегах Алдана» (1931), «Лето в Арктике» (1937). Первой ласточкой в направлении игрового кино назван фильм Александра Довженко «Аэроград» (1935), в котором одного из героев сыграл якутский актёр (на то время – студент ВГИКа).

Безусловно, такое «вращивание» определяется не только длительностью периода адаптации «экрана» в культуру Якутии, но и самой природой документального и игрового в пространстве экрана. Так, Александр Сокуров, живой классик отечественного и мирового кинематографа, в разговоре с журналистами отметил: «Мне очень трудно отвечать, когда меня спрашивают о разнице

между моими двумя “жанрами”, почему я делаю игровые и документальные фильмы» [11]. Начиная как режиссёр документального кино и получивший мировое признание в обоих жанрах, А. Сокуров убеждён, что в эстетике игрового и документального нет принципиальной разницы и что в обоих случаях постановщик использует тот же профессиональный инструментарий, и разница лишь в том, что при «сборке» фильма на монтажном столе может оказаться и документальный, и игровой, а иногда и смешанный материал.

Движение к собственному национальному кинематографу предполагает появление профессиональных кинематографистов. Н. Савинов – первый профессиональный кинооператор-якут. С 1962 года им, автором сценариев и одновременно оператором, были сняты более пятисот киносюжетов и очерков, где определился «по-настоящему якутский взгляд на Якутию» [4]. А уже сценарий к игровому фильму «Тайна предков» М. Арипова (1972) пишет якутский сценарист, и к самой постановке приглашены известные театральные актёры-якуты и даже недавняя выпускница Всесоюзной творческой мастерской эстрадного искусства. Конечно, названные ленты ещё не означали рождение национального кинематографа, скорее, это может быть названо лишь «первыми пробами, свидетельствующими о движении по пути освоения языка кино ещё на уровне отождествления и преимущественно через русскую школу» [4]. Но уже на этом этапе наметился переход от известного конструирования этнографической модели через преодоление внешней атрибутики к созданию национального кинематографа. И, наконец, на рубеже XX – XXI веков якутское кино от простого заимствования самой киноформы и кинохроники (советская школа) приходит к созданию национального кинематографа.

Изучение киноматериала и скрупулёзная работа в республиканских киноархивах позволили Г. А. Красильниковой [4] обозначить в первом приближении этапы становления и эволюции национального якутского кинематографа:

- *первый этап* (1930 – 1970-е годы) – трансдукция форм, иными словами, освоение киноформы как технического средства;

- *второй этап* (1980-е – 2020-е годы) – трансдукция смыслов в процессе создания кинопроизведений на базе собственного кинопроизводства.

Сегодня, говоря о кино как феномене культуры, чаще всего имеют в виду его принадлежность к массовой, зрелищной культуре; реже – к искусству, авторскому кино с его художественными поисками и экспериментами. В истории кино не так уж много примеров, когда фильмы, получившие высокие оценки кинокритиков и киноведов, отмеченные жюри международных фестивалей, имели кассовый успех. В якутском кино, как представляется, удачно сошлись, дополняя друг друга, зрелищное и особенное, массовое и уникальное, авторское. Важно то, что финансовые потоки попали на подготовленную почву живой национальной культуры. «Устная традиция якутов, – по оценке Е. Н. Романовой, – до сих пор несёт в себе “культурные тексты” прошлого, что, безусловно, требует их правильного “прочтения”» [10]. Исследование традиционных оснований современного якутского социума позволяет автору упомянутого исследования прийти к выводу, что «многие мифологические тексты переживают сегодня новое рождение и становятся символами национальной, культурной и политической идеологии» [10].

У истоков национального якутского кинематографа – «Маappa» (1986), дипломный проект выпускника ВГИКа, первого профессионального якутского кинорежиссёра, впоследствии первого художественного директора «Сахафильма» А. Романова. «Маappa» – первый фильм, снятый по сценарию якутского писателя Н. М. Заболоцкого-Чысхаана режиссёром-якутом с якутскими актёрами на якутском языке. Звучавшую в «Маappe» якутскую речь «режиссёр объединил с исполнением Олонхо (героический эпос саха) и звуками природы – воющей метелью, скрипом снега и половиц, создав слышимый диалог пространства и человека...» [10]. В центре фильма – встреча в заснеженной тундре заплутавшего юного Ильи с неупокоенным призраком Маappa, воплощения женского идеала красоты в якутском представлении. По оценке специалистов [4], в дебютной короткометражке можно обнаружить все признаки национального кино:

- литературная основа – новелла якутского прозаика Заболоцкого-Чысхаана по мотивам якутского фольклора с сюжетом о встрече замерзающего путника с призраками во время пурги;

- традиционные фольклорные символы: орнаменты одежды, жертвенная берёза, девушка-спасительница Мааппа;

- традиционные представления о семье и браке, о жизни и смерти, посмертном существовании.

Одновременно прочитывается и общечеловеческий характер фольклорных сюжетов и символов.

Прикосновение к мифологическим основам якутской культуры позволило начинающему режиссёру в поисках собственного киноязыка «создать экранный образ, в котором нашли выражение этнокультурные традиции его народа, комплекс этических и эстетических идеалов, определённые механизмы мышления, нормы поведения, ценности, восприятие событий и явлений, отношение к ним» [4]. В дебютной короткометражке молодой режиссёр сумел прикоснуться к темам, в последующем получившим развитие в творчестве как самого А. Романова, так и других представителей «новой волны» в кинематографе Якутии. Обозначим лишь некоторые:

- мифологическая якутская космогония, сжатая до пространства экрана («Царь-птица» А. Новикова (2018));

- кинематографическая интерпретация мотивов и образов Олонхо («Надо мною солнце не садится» (2019) и «Не хороните меня без Ивана» (2022) Л. Борисовой);

- тема «дороги» и вечного странничества в новой авторской интерпретации («Дорога» (2012), «Белый день» (2014), «Вертолёт» (2022) М. Лукачевского);

- эстетика повседневности и документализма в пространстве экрана Д. Давыдова («Костёр на ветру» (2016), «Нет бога кроме меня» (2018), «Пугало» (2020), Нелегал» (2021), «Песни лета» (2022)).

Национальный якутский кинематограф формируется на наших глазах и как результат творческого переосмысления на современном материале важнейших мотивов и сюжетов якутского героического эпоса Олонхо, и как выход за рамки этнического в область национального и общечеловеческого. Многие фильмы *новой волны* были отмечены как на общероссийских, так и на международных кинофестивалях. В числе прочих это:

- «Костёр на ветру» Дмитрия Давыдова. Мировая премьера фильма состоялась в Корее на кинофестивале International Film Festival (Пусан); североамериканская премьера в Торонто в 2016 году (Канада) – приз в номинации Best Feature Drama, Imagine NATIVE; гран-при Пятого Якутского международного кинофестиваля в 2017 году и т. д. По словам продюсера Сарданы Саввиной, в 2017 году фестиваль в южнокорейском Пусане показал сразу 12 республиканских лент, сделав исключение в регламенте для Якутии: обычно такую спецпрограмму здесь составляют из картин целых стран, а не отдельных регионов;

- «Генезис 2.0» (2018), совместная лента Максима Арбугаева и Кристиана Фрайа (Швейцария). Своего рода фильм-сенсация, отмеченный двумя десятками мировых призов, в том числе национального американского кинофестиваля независимого кино «Сандэнс» и Московского международного кинофестиваля 2018 году;

- «Пугало» (2020) Дмитрия Давыдова: национальная премия российской кинокритики и кинопрессы «Белый слон» в номинации «Лучший режиссёр», приз зрительских симпатий за лучший российский фильм на 18-м Международном кинофестивале стран Азиатско-Тихоокеанского региона во Владивостоке «Меридианы Тихого», гран-при и приз имени Даниила Дондурея Гильдии киноведов и кинокритиков России 31-го кинофестиваля «Кинотавр», приз в номинации «Вера в кино» Международного кинофестиваля в Тромсё (Норвегия);

- «Река» (2020) Дмитрия Давыдова: «Гран-при» и «Лучшая режиссура» в международном конкурсе Международного фестиваля короткометражных фильмов «BAIQONYR International Short Film Festival» (Казахстан);

- «Им» (2021) Степана Бурнашева и Дмитрия Давыдова. Киноальманах о жизни «маленьких людей» якутского социума награждён специальным призом Варшавского кинофестиваля;

- «Выход» (2023) Максима Арбугаева и Евгении Арбугаевой. Признан лучшим короткометражным документальным фильмом на 38-й ежегодной премии IDA Documentary Awards в Лос-

Анджелесе, номинирован на премию Киноакадемии США «Оскар». В этом же году авторы фильма получают предложение стать членами Американской киноакадемии;

- «Чума» (2024) Дмитрия Давыдова. Приз Lucania Film Festival (Италия), приз FIPRESCI (Федерации международной прессы) в Германии;

- «Потерянные письма» (2024) Александра Иннокентьева. Приз за лучший анимационный фильм Budapest Short Cut Film Festival (Венгрия), приз за лучший анимационный фильм Центральной Азии и СНГ на Международном фестивале анимационных фильмов в Алма-Ате;

- «Мунха» (2024) А. Моруо, М. Мартынова занял первое место в категории «Лучшая анимация» на Budapest Short Cut Film Festival в Венгрии;

- «Легенды вечных снегов» Алексея Романова (2024 год, продолжение «Маппы» 1986 года) – гран-при Бишкекского МКФ (Киргизия); приз за лучший сценарий на 33-м Международном кинофестивале «Киношок» в 2024 году. Фильм получил приглашение для участия в международных кинофестивалях 2025 года: «Окно в Европу» в Выборге, «Жемчужина Шёлкового пути» в Ташкенте, AFI FEST в Лос-Анджелесе и International Film Festival Rotterdam в Роттердаме.

Победы на международных конкурсах и зрительский успех – самый убедительный довод в пользу состоятельности нового якутского кино.

Причинами, предопределившими популярность якутских фильмов в самой республике, по мнению специалистов [4], являются:

- художественная образность фильмов, связанная с коллективной памятью народа саха и затрагивающая глубинные архетипы национального сознания;

- участием якутских актёров, говорящих на родном (якутском) языке;

- известные люди Якутии как персонажи целого ряда фильмов;

- пейзаж и предметный мир фильмов – национальные посёлки, деревни и города;

- наличие в ряде лент характерных для культуры саха и северной культуры в целом притчево-философского подтекста, недосказанности, немногословности, символичности.

Вместе с тем, как представляется, для культуры саха в целом это кино – больше чем кино. Внимание к интерпретациям символических текстов и феномену современного шаманства в фестивальных репортажах и киноведческих штудиях говорит о том, что «в Якутии идёт процесс создания новой системы символов и ценностей, опирающийся на программу символической коммуникации, мифологической символики традиционной культуры» [8]. Вместе с тем обращение якутских кинематографистов к мифологическим истокам культуры саха вовсе не означает создание костюмированных фильмов по сюжетам якутского эпоса в сказочно-приключенческой стилистике (как, например, показанный в 2018 году на канале «Культура» индийский телесериал «Рамаяна», поражающий красотой костюмов, количеством серий и отчаянной скукой). Фильмы нового якутского кино, как правило, истории простых людей (персонажи якутских лент чем-то сродни «маленькому человеку» из русской литературы), трудно, нередко драматично и даже трагично живущих в суровых условиях (см. прим. 4) самой большой в мире административно-территориальной единицы. В ситуации экзистенциального выбора (одиночество, изгойство, болезнь, смерть близких...) люди, подчас не ведая того, обретают себя, прикасаясь к глубинным истокам культуры своего древнего этноса. Отсюда мотивы и персонажи Олонхо, возникающие «вдруг» в сложных перипетиях судьбы «маленького» якутского человека. Перед сидящими в зале неожиданно разворачивается извечная мистерия повседневности в её обыденности и драматизме.

Якутское кино – от заимствования самой формы экранной коммуникации до создания в последние три десятилетия национального, документального и игрового кинематографа – востребованная часть современной якутской культуры. Власть традиции и поиски новых форм и смыслов – оппозиционное единство, порождающее вечное становление и обновление культуры. И именно получивший в последние десятилетия мировое признание якутский кинематограф всё более берёт на себя роль некоего механизма воспроизводства, трансляции и, что немаловажно, дальнейшего развития национальной якутской культуры.

Согласно известному положению, искусство есть своего рода самосознание и код культуры, и важнейшая функция искусства – быть её «зеркалом, портретным образом, оттого через ис-

кусство мы входим в глубины культуры вернее, легче, органичнее» [2]. Для традиционной культуры саха кинематограф с его универсальной (вместе с тем неповторимо авторской) экранной выразительностью становится таким средством самопознания и перекодировки уникального этнического в национальное и общечеловеческое.

Взгляд на эволюцию якутского кино в широком историческом контексте позволяет прийти к выводу, что на рубеже XX – XXI веков оно перестаёт быть лишь массовым зрелищем или в лучшем случае одним из современных искусств, но становится важнейшим средством национального самопознания и осмысления основ национальной культуры в динамике их дальнейшей эволюции, необходимой для сохранения и дальнейшего развития уникальной национальной культуры и её носителя – этноса саха. Таким образом, в первых десятилетиях XXI века национальная якутская культура через получивший мировое признание кинематограф включается в общемировой культурный контекст.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айсен Николаев: креативные индустрии развивают человеческий капитал Якутии // РИА Новости, 06 декабря 2024 г. – URL: <https://ria.ru/20241206/nikolaev-1987820640.html> (дата обращения: 12.04.2025). – Текст: электронный.
2. Каган, М. С. Избранные труды в VII томах. Том III. Труды по проблемам теории культуры / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 2007. – 756 с.
3. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1996. – 415 с.
4. Красильникова, Г. А. Этнокультурное своеобразие якутского кино: дис. ... канд. культурологии: 5.10.1 / Красильникова Гела Алексеевна. – Владивосток, 2025. – 227 с.
5. Липков, А. Современный кинематограф: перспективы / А. Липков // Киномеханик. – 1996. – № 3. – С. 92.
6. Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М.: Кучково поле, 2007. – 464 с.
7. Отчёт: Рынок кинотеатров в России. Итоги. 2024 // Невафильм Research. – URL: <https://www.research.nevafilm.ru/research/statistika/> (дата обращения: 13.04.2025). – Текст: электронный.
8. Нохрина, Я. Якутское кино: о чём зовут Земля и призраки? // Whereminsk, городской журнал, 26.02.2023. – URL: <https://whereminsk.by/iakyskoe-kino-o-chem-zovyut-zemlia-i-prizraki/> (дата обращения: 13.04.2025). – Текст: электронный.
9. Прохоров, А. Век второй. От cinema к screenema / А. Прохоров // ИК. – 1996. – № 11. – С. 139-149.
10. Романова, Е. Н. Мифология и ритуал в якутской традиции: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07 / Романова Екатерина Назаровна. – Москва, 1999. – 388 с.
11. Сокуров / сост. Л. Аркус. – СПб.: СЕАНС-Пресс, 1994. – 392 с.
12. Список самых кассовых фильмов в СССР. Список самых кассовых фильмов в России // Википедия: свободная энциклопедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D1%81%D0%B0%D0%BC%D1%8B%D1%85_%D0%BA%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85_%D1%84%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BC%D0%BE%D0%B2_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 15.04.2025). – Текст: электронный.
13. Учредительные документы – Сахафильм // Сахафильм: официальный сайт. – URL: <https://sakhafilm.ru/uchreditelnye-dokumenty/> (дата обращения: 12.04.2025). – Текст: электронный.
14. Фильмы – Сахафильм // Сахафильм: официальный сайт. – URL: <https://sakhafilm.ru/movies/> (дата обращения: 12.04.2025). – Текст: электронный.
15. Эйзенштейн, С. Избранные сочинения в 6 томах / С. Эйзенштейн. – М.: Искусство, 1964-1971.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Так, по данным А. Липкова, уже в 1985 году «количество видеокассет (1 200 000 000), взятых американцами напрокат впервые, превысило количество книг (1 197 000 000), выданных в тот же период в публичных библиотеках» [5].

Брейтман А. С.

ЯКУТСКАЯ МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КОСМОГОНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ЭКРАНА:
О МИРОВОМ ФЕНОМЕНЕ ЯКУТСКОГО КИНО (1990 – 2020-Е ГОДЫ)

2. В настоящее время в мире только киноиндустрия США – источник супердоходов. Так, на начало 2020-х Америка оставалась крупнейшим мировым рынком кинематографических развлечений с доходом почти в 24 миллиарда долларов. В последние два десятилетия мы являемся свидетелями китайского чуда: совокупный доход китайской киноиндустрии в соответствующий период составил 12 миллиардов долларов. За ними следует Япония с доходами примерно 3,6 миллиарда долларов. В данном случае при подсчётах учитываются не только кассовые сборы от проката фильмов в кинотеатрах, но и поступления от рекламы, аналогового и цифрового домашнего видео и телевизионных программ. Для сравнения: совокупный доход российской киноиндустрии за тот же период составил 926 млн долларов.

3. По аналогии с американским Голливудом и индийским Болливудом «Сахафильм» неофициально называют Сахавуд.

4. В районе Оймякона находится один из полюсов холода Северного полушария с абсолютным минимумом температуры –68 °С. В целом же вечная мерзлота занимает почти всю континентальную территорию Якутии.

Гамалей С. Ю.
S. Yu. Gamaley

О СПЕКТАКЛЯХ, ПОСТАВЛЕННЫХ НА СЦЕНЕ РУССКОГО НАРОДНОГО ТЕАТРА БИРОБИДЖАНА. 1958–1992 ГОДЫ

ABOUT THE PERFORMANCES STAGED ON THE STAGE OF THE RUSSIAN NATIONAL THEATER OF BIROBIDZHAN. 1958–1992

Гамалей Софья Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД РФ имени И. Ф. Шилова (Россия, Хабаровск). E-mail: s.u.gamaley@mail.ru.

Sofya Yu. Gamaley – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, I. F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia, Khabarovsk). E-mail: s.u.gamaley@mail.ru.

Аннотация. В статье раскрываются особенности творчества русского народного театра Биробиджана, который работал на территории Еврейской автономной области с 1958 по 1992 год и на протяжении более тридцати лет своей деятельности создавал качественные спектакли. Используя материалы газеты «Биробиджанская звезда», автор анализирует основные работы коллектива, раскрывает разнообразие репертуарной линии, представленной пьесами на военную тематику, комедиями современных советских авторов и классиков, драматическими произведениями. Автор приходит к выводу, что под руководством талантливых режиссёров М. Шименко, Н. Желудковой непрофессиональные актёры народного театра чувствовали свою причастность к процессу формирования культурного пространства г. Биробиджана и всей ЕАО. Лишь политический кризис, разразившийся в РСФСР, а не творческая работа коллектива, которая всегда была на высоком уровне, по мнению зрителей и журналистов, привёл к закрытию русского народного театра Биробиджана, творческий опыт которого могут использовать и современные творческие коллективы.

Summary. The article reveals the creative features of the Russian Folk Theater of Birobidzhan, which operated in the Jewish Autonomous Region (JAR) from 1958 to 1992 and has been creating high-quality performances for more than thirty years of its activity. Using the materials of the Birobidzhanskaya Zvezda newspaper, the author analyzes the main works of the collective, reveals the variety of the repertoire line represented by plays on military subjects, comedies by modern Soviet authors and classics, dramatic works. The author concludes that under the guidance of talented directors M. Shimenko, N. Zheludkova, non-professional actors of the national theater felt their involvement in the process of forming the cultural space of Birobidzhan and the entire JAR. Only the political crisis that broke out in the RSFSR, and not the creative work of the collective, which was always at a high level in the opinion of viewers and journalists, led to the closure of the Russian national Theater of Birobidzhan, the creative experience of which can be used by modern creative teams.

Ключевые слова: народный театр, Еврейская автономная область, русский народный театр Биробиджана, самодеятельный коллектив, М. М. Шименко, «Биробиджанская звезда».

Key words: National Theater, Jewish Autonomous Region, Russian National Theater of Birobidzhan, amateur group, M. M. Shimenko, «Birobidzhan Star».

УДК 792.03

Театр всегда играет важную роль в культурном развитии человека и социума. Такую роль он выполняет благодаря особенностям, которые коррелируют напрямую с самой сущностью культуры, предполагающей создание иной по отношению к биологическому миру реальности бытия человека, разыгрывание социальных и культурных сценариев, осмысление окружающего мира в контексте театрализованной лексики (лицедеи, роли, маски, марионетки, трагедия, герой и его амплуа, закулисы и др.). По мнению многих исследователей, проблема театрализации общественных отношений становится наиболее актуальной в периоды кризиса, слома, «когда культурная мысль

ищет язык, с помощью которого можно было бы зафиксировать и осмыслить происходящие перемены» [13, 27]. Театр как особый вид искусства помогает осмыслению происходящего, в том числе и через творчество непрофессиональных трупп, которые особо популярны были в советский период в небольших населённых пунктах, где жители имели ограниченные возможности знакомства с профессиональными театральными коллективами.

Актуальность представленной темы обусловлена реализацией в Российской Федерации «Стратегии культурной политики РФ», согласно которой культура признана важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, гарантом сохранения единого культурного пространства России. Естественно, что её реализация невозможна без использования накопленного страной исторического опыта, именно поэтому целью статьи стало исследование творчества русского народного театра г. Биробиджана как уникального творческого коллектива, который своей деятельностью в условиях отсутствия в Биробиджане профессионального драматического театра способствовал знакомству зрителей с литературными произведениями русских и советских авторов, формируя тем самым высокий уровень культуры у жителей Еврейской автономной области.

Отметим, что в конце 1950-х годов по всему Советскому Союзу особое распространение получили народные театры. Этот новый вид театра представлял собой самодеятельный драматический театральный коллектив, который благодаря своим творческим успехам смог добиться признания зрителей и победить на каком-либо конкурсе. Данный статус, присваиваемый самодеятельному коллективу, давал возможность его существованию на постоянной основе, а также иметь профессионального режиссёра, который формировал репертуар и подбирал актёров. По мнению деятелей искусств, подобные театры, целью которых было профессиональное обслуживание небольших городов и посёлков, могли успешно заниматься культурным обслуживанием населения при минимальных затратах на их содержание со стороны государства. В результате на протяжении 1960-х годов количество профессиональных коллективов в стране сократилось (36 государственных театров из 281 существующих в стране сняли с государственной дотации), а количество народных театров с каждым годом возрастало. Так, в 1964 году функционировало 700 народных театров, а в 1974 году в СССР существовало уже свыше 2 тысяч подобных коллективов [2, 40].

В современных условиях к опыту народных театров начали возвращаться главы отдельных субъектов Российской Федерации. Так, в 2001 году по инициативе губернатора Приморского края О. Кожемяко и при поддержке регионального Министерства культуры произошло создание народного театра в Артёме; в настоящий момент подобных коллективов в Приморском крае насчитывается шесть. Созданные на Дальнем Востоке народные театры плодотворно работают и имеют постоянного зрителя. Именно поэтому исследование творчества отдельных народных театров РСФСР представляет определённый интерес как для руководителей народных театральных коллективов, которые уже существуют, так и для руководства отдельных краёв и областей, где создание подобного вида театра было бы приемлемым, всё с той же целью – культурное обслуживание населения небольших по численности городов и посёлков полупрофессиональными творческими коллективами.

Обращение к историческому опыту Еврейской автономной области (ЕАО), где с 1949 по 1976 годы не существовало ни одного профессионального театра, а особую роль играли народные театры, предпринято впервые. Используя комплексный подход, который объединил источниковедческий анализ статей из периодических изданий и комплексный анализ спектаклей, поставленных на сцене русского народного театра Биробиджана, автор анализирует работу коллектива, его творческие успехи, впервые упоминает имена актёров и режиссёров, внёсших свой вклад в развитие этого уникального коллектива.

Русский народный театр Биробиджана начал свой творческий путь небольшим коллективом из 13 человек с ноября 1958 года премьерой спектакля «В поисках радости». Трудная, но плодотворная работа молодого самодеятельного драматического коллектива увенчалась полным успехом. Спектакль был принят зрителем и членами жюри на краевых конкурсах, благодаря чему самодеятельному коллективу присвоили звание «народный театр» [9, 3].

Отметим, что русский народный театр Биробиджана создавался с большими сложностями из-за отсутствия помещения для работы, поэтому коллективу первоначально разрешили репетировать в здании областного музея, но это не остановило его творчество, а, напротив, сплотило коллектив. Его первым главным режиссёром была М. М. Шименко, а заведующим постановочной частью – В. Х. Бергалин [8, 50]. Как и все народные театры, коллектив не имел постоянных актёров, желающие выступать на его сцене были людьми разных профессий и образования, но стремление всех участников к искусству, их энергия и любовь к делу увенчались успехом.

На протяжении первых десяти лет работы русский народный театр Биробиджана поставил спектакли «Барабанщица», «Иркутская история», «Стряпуха». Одними из первых в стране биробиджанцы сыграли пьесу Теннесси Уильямса «Орфей спускается в ад», затем в 1964 году, в юбилейный вечер А. П. Чехова, показали спектакль «Свадьба», который представлял собой инсценировку чеховских рассказов. В 1965 году русский народный театр завоевал право участвовать во Всероссийском смотре народных коллективов в Москве, показав зрителям свой спектакль «Женитьба Бальзамина» (А. Н. Островский). Данная гастрольная поездка и высокая оценка жюри конкурса вдохновили коллектив на новые творческие цели.

Так, в 1968 году в честь своего 10-летия русский народный театр подготовил новую премьеру – спектакль Ю. Нагибина и Ц. Солодаря «Суджанские мадонны», режиссёром выступила М. М. Шименко [3, 4]. Данный спектакль поднимал военную тему, эта была первая попытка обратиться к драматическому произведению, близкому любому гражданину страны, которое рассказывало о женщинах времён Великой Отечественной войны.

Спектакль был высоко оценён зрителями и журналистами. Вот что можно прочесть о нём в газете «Биробиджанская звезда»: «На сцене была представлена простая декорация. Сам спектакль был посвящён фашизму в его отвратительном проявлении. Ведь война определяла чётко границы чёрного и белого. И хотя все зрители знали итог этого события, на сцене развернулась борьба двух характеров. С одной, староста – человек с идеей, порочной и жестокой, но всё-таки с идеей. Он есть враг в исполнении М. Берковского. И второй человек – женщина Надежда Петровна, сила которой крепнет, растёт и раскрывается в процессе сюжета пьесы» [4, 3].

Спектакль повествовал о женщинах, которые пережили войну, каждая из героинь имела свою историю, свой характер – от десятилетней до шестидесятилетней: деловитая Анна Сергеевна (артистка А. А. Бровцина), которой первая запалила свою избу, чтобы указать дорогу партизанам; Дуняша (Е. Фефелова), потерявшая возлюбленного и стойко выносящая тяготы судьбы; старая Комариха; в своей гневливой ярости Настя (В. Берязнекова), для которой война принесла самое страшное для женщины унижение.

Все актрисы, по мнению критиков, справились с возложенными на них ролями, и спектакль получил заслуженное признание зрителей [4, 3], это был полный успех коллектива, который доказал, что русский народный театр Биробиджана за десять лет сумел сформироваться как состоявшийся и профессиональный коллектив, способный справиться с любой задачей.

Одновременно, набираясь опыта, русский народный театр попробовал привлечь к своему творчеству подрастающего зрителя. Возможно, для того, чтобы молодёжь также составила его актёрскую труппу в будущем. Ведь главной проблемой народных театров был актёрский состав, численность и наполнение которого постоянно менялись. В результате данные театральные коллективы ставили небольшие по количеству персонажей спектакли, но и те, которые удавалось создать, находились в сложной ситуации, ведь уход из коллектива нескольких актёров по любым причинам приводил к тому, что спектакль исчезал из его репертуара. Исследование репертуара народных театральных коллективов показывает, что в течение года народный театр выпускал не более двух спектаклей, но количество выступлений данного коллектива превышало зачастую 100 выступлений в год.

Естественно, что проанализировать все спектакли русского народного театра Биробиджана, работающего в городе на протяжении 1958-1992 годов, не представляется возможным, но показать их палитру, используя для этого материалы периодических изданий, прежде всего статьи из газеты «Биробиджанская звезда», следует.

Так, помимо военной тематики, народный театр Биробиджана ставил и сказки для детей ввиду отсутствия в городе театра юного зрителя. К примеру, в 1967 году была поставлена сказка «Катя и чудеса» (Н. Гарнет и Г. Ягдфельд). В данной пьесе причудливо сочетались элементы реального и фантастического. На сцене пионеры Катя и Лисичкин благодаря волшебной книге школьной уборщицы Акулины Ивановны попадают в другой мир, где господствуют тёмные силы, где смеётся кикимора, чахнет жадный леший. Дети попадают в сказку, чтобы освободить Василису Прекрасную, и благодаря своему разуму и справедливости они одерживают победу над злом.

Этот спектакль стал дебютной работой школьников С. Купликовой в роли Кати и К. Максимова в роли Лисичкина. К недостаткам постановки журналисты отнесли исполнение отдельных ролей и отсутствие созвучности музыки с ходом спектакля. Но эта попытка работы коллектива на детскую аудиторию заслужила уважение [6, 4].

В 1970 году театр работал над комедией «Звонок в пустую квартиру» (по роману Д. Угрюмова) [3, 4], которая пользовалась особой популярностью среди зрителей. Так, например, в 1971 году на состоявшейся творческой встрече русского народного театра Биробиджана с рабочими завода силовых трансформаторов фрагмент из этого спектакля вызвал положительные отклики в статьях от имени зрительской аудитории [12, 4]. Данные гастроли по заводам и фабрикам были регулярными в жизни любого творческого коллектива и продолжались вплоть до начала 1990-х годов. Все организованные гастроли и выезды способствовали популярности народного театра, признанию его творчества. Естественно, что местная публика, не избалованная актёрами профессиональных театров, с удовольствием посещала постановки русского народного театра и положительно отзывалась о них.

В честь 50-летия окончания Гражданской войны на Дальнем Востоке коллектив поставил спектакль «Бронепоезд 14-69» (Вс. Иванов). Пьеса по своему сюжету была сложная, но режиссёр театра М. М. Шименко всё же решила обратиться именно к ней, поскольку Гражданская война на Дальнем Востоке – это особый период в истории региона. Постановка была принята зрителем, хоть и с определёнными замечаниями. В спектакле проявил себя исполнитель главной роли И. Локтионов. По мнению журналистов, режиссёру спектакля удалось качественно поставить сцены «у колокоelni», «у насыпи», а также эффектный финал, где участники ждут сигнала к восстанию [16, 3].

В 1976 году коллектив, отказавшись от патриотических постановок, поставил спектакль «Старомодная комедия» (А. Арбузов). Её бытовой сюжет раскрывал события, произошедшие в одном из прибалтийских санаториев, где встречаются два одиноких человека, и между этими уже пожилыми людьми возникает любовь. В спектакле были заняты лишь два актёра: Н. Капитонова и З. Шувал, ветераны народного театра. Любовь между героями пьесы проста и старомодна, но в ней режиссёр показал непростую судьбу Родины, т. к. спектакль поднимал вечные вопросы о счастье человека и его предназначении на Земле.

Постановка была высокопрофессиональной. Вот что о ней писали критики: «Режиссура спектакля была лаконична. Хотя наличие лишь двух персонажей могло показать пустую сцену, но чёткие мизансцены, наполненные глубокой мыслью, не позволяли обращать на это внимание. Очень удачно спектакль дополняет музыкальное оформление. Это органная музыка – Бах, Вивальди, произведения советских композиторов. Спектакль удался, и в нём заложена большая воспитательная сила» [10, 4].

В 1977 году народный театр под руководством нового режиссёра А. Н. Турова поставил спектакль комедийного жанра «Калошин и другие», в котором раскрывается сатирический рассказ администратора гостиницы, обнаружившего в номере незнакомого мужчину. Однако желание выгнать его исчезает у главного героя, когда он узнаёт, что незнакомец москвич.

В спектакле присутствовало много сатиры, особенно в действиях главного героя, который менял свои интонации и движения в зависимости от ситуаций, в которые он попадал.

В 1981 году русский народный театр поставил спектакль «Тревога» по пьесе белорусского самодельного драматурга А. Петрашкевича. Данная постановка скорее напоминала агитационный спектакль, т. к. поднимала актуальную тему о недопустимости равнодушия к пьянству как

социальному злу. Режиссёр-постановщик А. В. Таскаева смело взялась за данную тему и создала публицистический спектакль, используя форму театрализованного судебного процесса. Это была первая её работа в народном театре, которая получила высокую оценку краевого творческого совета.

Отметим, что премьере предшествовала длительная работа. Режиссёр поставила задачу найти пьесу с большим количеством действующих лиц, чтобы привлечь в коллектив народного театра молодёжь. В результате в спектакле было занято свыше 30 чел., из них лишь 6 – ветераны сцены народного коллектива. Этот был первый опыт вовлечения такого количества участников, и он увенчался успехом.

Сюжет спектакля прост: в белорусском селе Добринёво живут разные люди, многие связаны между собой чувствами и узами родства и поэтому не всегда понимают, что житейская снисходительность к слабости ближнего может обернуться бедой. Так, живёт в этом селе женщина, которая утаивает пьяные бесчинства мужа, и только трагический случай раскрывает всем глаза. В центре спектакля – судебный процесс над пьяницей, где проясняются все истинные моменты об отношении селян к происходящему.

Вот что о данной постановке писали журналисты: «Зрители, бывшие на премьере, с удовольствием просмотрели спектакль. В нём играли обычные люди, рабочие обувной фабрики (М. Ю. Сучков), дошкольные работники (Л. Макарова), кассир железнодорожного вокзала (Л. Гончарова), слесарь (В. Чужой) и другие» [14, 3], ведь стать актёром народного театра мог каждый взрослый человек.

Отметим, что фактически каждый народный театр страны возвращал творческую интеллигенцию, многие из участников народных коллективов продолжили работать в качестве профессиональных актёров. Например, из первого состава русского народного театра Биробиджана пятеро актёров стали профессиональными (в Ленинграде играл В. Штейнбах, в Омске – М. Фрог) [3, 4].

В 1983 году коллектив вновь попробовал свои силы в новом жанре. Под руководством нового режиссёра была поставлена трагикомедия А. Соколовой «Фантазии Фарятьева». Выбор пьесы был смелым, потому что каждая сцена этого оригинального произведения отличалась своим внутренним смыслом: откровение, загадка, аллегория и бытовая комедия. В спектакле были задействованы всего пять персонажей, но наличие глубокого подтекста держало зрителя в постоянном напряжении. Предположительно режиссёра привлекла и актуальность темы – проблема человеческих взаимоотношений, любви. Сюжет состоял в том, что зубной врач Фаратьев погружён в научные исследования, причём не связанные с лечением зубов. Он пытается выяснить причины равнодушия людей, отчуждённости, жестокости и помочь подобным себе [15, 3]. Спектакль, как и предыдущие работы народного театра, был высоко оценён критиками.

Таким образом, на протяжении двадцати лет русский народный театр Биробиджана экспериментировал, пробуя в своём творчестве различные жанры: драму, комедию, спектакли не только для взрослых, но и для детей. Хотя большинство постановок коллектива были созданы по произведениям советских авторов, прежде всего потому, что актуальность подобных пьес могла скрыть непрофессионализм актёров, о котором часто писали журналисты в своих статьях, посвящённых его отдельным спектаклям. Ведь непрофессиональные актёры тяжело вживались в роли, слабо раскрывали характеры героев, а простой, комедийный сюжет или актуальная пьеса скрывали данные шероховатости.

Но коллектив театра мечтал о классике. Именно поэтому в 1986 году была поставлена бессмертная комедия Ж.-Б. Мольера «Мещанин во дворянстве» под руководством нового режиссёра Н. Желудковой. Спектакль начинался танцевальным прологом, поскольку режиссёр-постановщик определил жанр спектакля как комедия-балет. Главную роль в нём исполнил слесарь обувной фабрики Марк Гольберг.

Отметим, что, как и большинство спектаклей коллектива, он рождался крайне трудно. Актёры долго сомневались в правильности выбора пьесы из-за отсутствия профессионализма, а также качественных декораций и костюмов. Поэтому работа над ним стала для коллектива проверкой на стойкость, зрелось и дружескую симпатию [11, 3]. Зрители и журналисты по достоинству оценили данную работу. Помимо М. Гольберга, критики выделили игру токаря авторемзавода А. Лы-

сенко, инженера строительной лаборатории треста биробиджанского агропромстороя В. Складорова, врача М. Поповой, студентки техникума лёгкой промышленности М. Хватовой.

По мнению Н. Желудковой, спектакль был актуален, поскольку в начале 1980-х годов советское общество претерпевало качественные изменения, появилась прослойка, которую можно было назвать «мещане», – люди, которые скупали вещи не для того, чтобы ими пользоваться, а для того, чтобы они демонстрировали окружающим их статус успешности. Именно на осмеяние этих мещанских амбиций и был направлен спектакль.

Отметим, что в нём было задействовано 35 исполнителей, и хотя одни произносили сложные монологи, играли сложные сцены и участвовали в искрометных диалогах, а другие не произносили ни слова, все они в равной степени были причастны к работе и сумели создать качественный спектакль [11, 3].

Не менее успешной была и вторая работа Н. Желудковой, посвящённая 40-летию победы (1985) – «Отпуск по ранению» (В. Кондратьев).

Данный спектакль был поставлен в сложных экономических и политических условиях перестроечного времени, когда в силу различных причин интерес зрителя к творчеству стал ослабевать. Актёры массово уходили из коллектива, спектакли стали не востребованы на предприятиях, кризис производства которых стал ощутим. Именно поэтому режиссёр принимает решение разнообразить формы работы и более активно привлекать зрителя в театр, прививать вкус к разумному проведению досуга. Для этого творческий коллектив проводил выездные спектакли в красных уголках молодёжных общежитий областного центра и даже создал свой клуб «Диалог», театр миниатюр и молодёжную студию. Эта деятельность вызвала интерес со стороны потенциальных зрителей. Молодёжь стала посещать ежемесячные встречи в клубе «Диалог», где желающие могли исполнять свои интермедии и скетчи. В какой-то момент перед коллективом даже встала дилемма о сохранении классического стиля либо превращении театра в формат варьете, где на сцене ставятся небольшие мизансцены, читаются юмористические зарисовки [5, 4].

Однако режиссёр коллектива всё же решила сохранить традиционный стиль работы. А в 1986 году русский народный театр поставил спектакль «Диктатура совести» М. Шatroва. Отметим, что этот спектакль вполне успешно дебютировал на сцене Московского театра Ленинского комсомола. Однако коллектив Биробиджана не стал копировать его у москвичей, это была отдельная успешная работа коллектива.

Жанр спектакля был ближе всего к коллажу – приёму изобразительного искусства, когда на какую-нибудь основу, в данном случае верность идеям Ленина и Октябрьской революции, накладываются разные по фактуре и манере исполнения фрагменты, объединённые единым замыслом художника. Но техника коллажа проста только на взгляд неискушённого человека. Поэтому «актёры театра не сразу осознали трудности, с которыми им придётся столкнуться. Особенно это касалось героев неоднозначных, не укладывающихся в рамки плаката».

Спектакль был поставлен в виде диспута, что позволило наглядно показать вопросы, раскрываемые в нём. Он был создан в очень сжатые сроки. Особенно критики выделили работу Л. Воробьевой, исполнительницы роли Н. Крупской, которая «сумела сохранить искренность и душевную чистоту», Оксаны Опанасенко в роли Наташи Давыдовой, которой «хоть и не хватало опыта, но заряжала её энергия». А трагическая судьба Карбышева в исполнении А. Парахина, который «просто и спокойно агитирует за Советскую власть, причём лучше, чем иные плакаты», вызвал подлинный восторг зрителей.

Что касается режиссуры, то данный спектакль наглядно продемонстрировал профессионализм режиссёра, её интересный индивидуальный почерк. Новая работа позволила говорить о её творческой смелости. Отметим, что «уже в последние дни перед самой премьерой наконец было найдено и интересное оформление игровой площадки». В финале на сцену вышла вся труппа народного театра, и чувствовалась гордость актёров за свою работу, за ускорение, которое набрал коллектив» [7, 3].

Данный спектакль стал одной из последних удачных постановок русского народного театра Биробиджана. В условиях экономического кризиса, разразившегося в РСФСР, культура попала в

тяжёлые условия, из-за отсутствия зрителей даже профессиональные театры вынуждены были закрываться. Народные театры исчезали, помещения клубов, в которых они давали спектакли, стали сдаваться в аренду, т. к. были вынуждены переходить на самоокупаемость. Этот духовный кризис отразился и на репертуаре.

В результате коллектив народного театра в 1989 году сократился до 10 человек, которые также не могли собираться постоянно, поэтому спектаклей коллектив фактически не ставил, играя отрывки из имеющихся в репертуаре пьес.

Лишь в 1990 году народный театр осуществил попытку возрождения и поставил спектакль «Реприза». Данное название с французского языка переводится как возобновление или повторение. Пьеса полностью символизировала желание коллектива работать на творческом поприще. Это была драматургическая и творческая биография автора Н. Р. Эрдмана, пьесы которого «Мандат» и «Самоубийца», признанные в мире и являющиеся образцом сатирического жанра, не ставились на советской сцене. Возможно, поэтому данным спектаклем народный театр хотел привлечь зрителя к своей работе. В рамках объявленной гласности началось разоблачение сталинизма, обращение к работам опального автора было актуальным, и коллектив надеялся, что постановка будет востребована.

В основу спектакля были положены миниатюры «Квалификация» и «Домовая охрана» и две интермедии «К Пугачеву». «Сцена открывается, и зритель видит парадный вход в центре, слева стол, покрытый казённым канцелярским полотном, а справа дверь чёрного хода. На сцене подсвечены красным фонарем два силуэта: дама и мужчина екатерининской эпохи; загорается свет, и Екатерина II и её статс-секретарь Храповицкий начинают свой диалог. Секретарь рассказывает императрице о великих деяниях, читает куплеты для оперы, и всё остальное: мор, набеги, наводнения и прочие мелочи» [7, 3] – так о спектакле писали журналисты газеты «Биробиджанская звезда».

В целом спектакль был наполнен ассоциациями и параллелями с современной эпохой, а избранный режиссёром О. Мельниковой жанр пересекался с газетным стилем, появившимся в театральных постановках в конце 1980-х годов.

Сюжет спектакля повествовал о прошлом и настоящем одновременно, о тех проблемах безграмотности и профанации общечеловеческих ценностей, которые настигли советского человека в начале 1990-х годов. Несмотря на камерный состав актёров и экономные выразительные средства, спектакль нёс значительную смысловую нагрузку. В сцене «Домовая охрана» – дуэт Кнобельмана и Фишмана – колоритная игра ветеранов сцены доставила зрителем массу удовольствия. На эту премьеру пришли и бывшие актёры коллектива [1, 3].

Успех спектакля вновь показал возможности и необходимость существования народных театров. Однако кризис советского режима, построение нового демократического государства, формирование рыночной экономики не позволяли народным коллективам сохранять свой статус. Кризис духовности стал особенностью 1990-х годов в России. Именно это привело коллектив к закрытию, как и большинство народных театров в стране.

Сегодня в условиях экономической и социальной стабильности наблюдается новое возрождение культуры; гарантированность Конституцией 1993 года защиты культурных ценностей позволяет говорить о качественно новом витке развития культуры, где народные театры смогли бы сыграть свою важную роль. Огромный творческий опыт русского народного театра Биробиджана, постановка спектаклей разных жанров, о которых шла речь в данной статье, и которые можно было бы возродить на самодеятельных сценах, заслуживают внимания со стороны деятелей культуры и общественности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архиткина, Т. Премьера после долгого антракта / Т. Архиткина // Биробиджанская звезда. – 1990. – 11 мая. – С. 3.
2. Бортников, С. Д. Театральное искусство Сибири в 1960-1985 гг. / С. Д. Бортников // Мир науки, культуры и образования. – 2007. – № 4. – С. 39-47.

3. В театре поднимается занавес // Биробиджанская звезда. – 1970. – 12 мая. – С. 4.
4. Вайнер, В. В поисках радости / В. Вайнер // Биробиджанская звезда. – 1968. – 4 августа. – С. 3.
5. Желудкова, Н. Творчество – всегда поиск / Н. Желудкова // Биробиджанская звезда. – 1986. – 1 января. – С. 4.
6. Иванова, Л. Народный театр – юному зрителю / Л. Иванова // Биробиджанская звезда. – 1967. – 5 мая. – С. 4.
7. Клименков, М. «Диктатура совести» / М. Клименков // Биробиджанская звезда. – 1986. – 20 декабря. – С. 3.
8. Кудиш, Е. И. Театральный Биробиджан / Е. И. Кудиш. – Биробиджан: [б. и.], 1996. – 90 с.
9. Международный день театра // Биробиджанская звезда. – 1986. – 26 марта. – С. 3.
10. Паташова, А. Старомодная комедия / А. Паташова // Биробиджанская звезда. – 1976. – 11 февраля. – С. 3.
11. Соломатов, В. Господин Журден и другие / В. Соломатов // Биробиджанская звезда. – 1986. – 24 мая. – С. 3.
12. Творческая встреча // Биробиджанская звезда. – 1971. – 23 октября. – С. 4.
13. Тимофеева, И. Ю. Театр между «зрелищем» и «рынком»: учреждение культуры в контексте современных культурных индустрий / И. Ю. Тимофеева // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2024. – № IV (76). – С. 27-32.
14. Филипкина, Н. Премьера бьёт в набат / Н. Филипкина // Биробиджанская звезда. – 1981. – 31 июня. – С. 3.
15. Филипкина, Н. Предупреждение об опасности / Н. Филипкина // Биробиджанская звезда. – 1983. – 29 мая. – С. 3.
16. Фридман, Н. Броненосец 14-69 / Н. Фридман // Биробиджанская звезда. – 1972. – 16 апреля. – С. 3.

Го Тинтин
Guo Tingting

НАСЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА ГУЦИНЯ В КИТАЕ

INHERITANCE OF CHINESE GUQIN CULTURE AND ART

Го Тинтин – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Санкт-Петербург); 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9. E-mail: st104133@student.spbu.ru.

Guo Tingting – Postgraduate Student, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg); 199034, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9. E-mail: st104133@student.spbu.

Аннотация. Гуцинъ является представителем традиционной китайской культуры. Искусство игры на гуцине воплощает в себе моральные нормы и воззрения конфуцианства, даосизма и дзен-буддизма. Игра на гуцине порождает всплеск человеческих эмоций и объединяет природу и жизнь, культуру и искусство. В статье анализируется наследование культуры и искусства гуциня в трёх аспектах. Прежде всего, кратко описываются история гуциня и его строение. Во-вторых, исходя из трёх аспектов (различные партитуры, школы и музыкальные произведения для гуциня) анализируются способ передачи и эволюция гуциня в процессе исторического наследования. Наконец, подробно описан современный способ наследования искусства гуциня. Автор подчёркивает важность эффективного распространения культуры и искусства гуциня в современном обществе. Представленные в статье методы и примеры современного наследования искусства гуциня способствуют достижению цели содействия распространению традиционной китайской культуры и содействия наследованию и развитию традиционной китайской культуры.

Summary. Guqin is the representative of traditional Chinese culture, and its performance art embodies the moral standards and viewpoints of Confucianism, Taoism and Zen. Playing the guqin can stimulate people's emotions and integrate nature with life, culture and art. The article analyzes the inheritance of guqin culture and art from three aspects. Firstly, the history and structure of Guqin are briefly introduced. Secondly, it analyzes the inheritance mode and historical evolution of Guqin in the process of historical inheritance from the aspects of music score, genre and repertoire. Finally, the paper expounds the modern inheritance mode of Guqin art in detail, and emphasizes the importance of effectively spreading Guqin culture and art in modern society. The methods and examples of modern guqin art inheritance mentioned in this paper are helpful to realize the goal of promoting the spread of traditional Chinese culture and promoting the inheritance and development of traditional Chinese culture.

Ключевые слова: гуцинъ, музыка, Китай, искусство, традиционная культура, наследование.

Key words: guqin, music, China, art, traditional culture, inheritance.

УДК 78.01

Введение

Гуцинъ – древнейший щипковый инструмент Китая, он имеет богатую культурную историю и отражает философию, эстетику и мировоззрение древнего китайского народа [5, 56]. Гуцинъ, также известный как «семиструнный цинь» [15], входит в состав восьми видов музыкальных инструментов как «шёлковый» (см. прим. 1). Длина современного гуциня обычно составляет от 119 до 125 см [9, 15]. Самый ранний гуцинъ изготавливался в форме туловища феникса или человеческой фигуры: он имел лоб, шею, плечи, туловище, талию и хвост. Символизируя каждую часть человеческого тела, он показывал то значение, которое древние китайцы придавали образу благородного мужа с опрятной одеждой, хорошими манерами, высокими моральными качествами и надлежащим поведением [8, 24].

История гуциня насчитывает более 2000 лет, у китайских классиков имеются различные записи о его происхождении. Среди возможных создателей гуциня отмечают Фуси, Шэньнуна, Хуан-ди, Ян-ди, Яо, Шуня, Вэнь-ди и У-ди (см. прим. 2) [14]. Версии происхождения гуциня разно-

образны, что отражает его долгую и богатую историю. В настоящее время археологи и эксперты придерживаются теории, что создателем инструмента был Шунь. Археологические данные показывают, что в Китае начали выращивать тутового шелкопряда в период правления Шуня, производство шёлка явилось материальной основой для создания музыкального инструмента (так как это основной материал для струн гуциня).

Самый ранний обнаруженный гуцинь относится к периоду Воюющих царств (476–221 гг. до н. э.). Это десятиструнный цинь, найденный в гробнице князя И (умер в 433 г. до н. э.), правителя княжества Цзэн в Лейгудуне, уезд Суйсянь, провинция Хубэй. Он представлен в виде полукоробчатой конструкции, имеет неровную панель и лишён ладов (см. прим. 3) [3, 132]. Гуцинь, датируемый серединой периода Воюющих царств и найденный в 1993 году в Годяне, Цзинмэнь, провинция Хубэй, представляет собой самый ранний известный экземпляр гуциня. Эта находка знаменует собой важный этап в развитии музыкального искусства, т. к. именно она положила начало семиструнной системе [6, 37]. Самый ранний гуцинь, чьи функции и способ использования совпадают с современным гуцинем, датируют периодом жизни Цзи Кана (223–262 гг.).

Наследование культуры гуциня

Партитура для гуциня представляет собой основной носитель наследия этого искусства в Китае и играет ключевую роль в его передаче и сохранении. Первоначальная знаково-иероглифическая нотация *вэньцзы пу* превратилась в нотную запись сокращёнными иероглифами *цзяньцзы пу* (табулатура), в настоящее время нотную запись сокращёнными иероглифами сравнивают с «двухстрочным обозначением», пятистрочным обозначением и цифровой (или нумерованной) музыкальной нотацией *цзяньпу*. Эволюция нотной записи отражает эволюцию метода наследования искусства гуциня в Китае [1, 233]. В древние времена наследование искусства гуциня в основном опиралось на «устную передачу и внушение сердцем», тогда как нотная запись воспринималась лишь как вспомогательный инструмент. Практиковать гуцинь имели возможность лишь представители аристократических кругов, образованные интеллигенты и литераторы. В эпоху Мин Чжу Цюань выдвинул идею о том, что «гуцинь не следует передавать бездумно», и это косвенно указывает на особенности передачи этого искусства в древности и акцентирует внимание на его высоком социальном статусе [1, 233].

Самые ранние партитуры записывались письменно, поэтому их называли знаково-иероглифической нотацией. Эта система была разработана Юнмэнь Чжоу, музыкантом из царства Ци, в период Воюющих царств (476/403–221 гг. до н. э.). Единственная сохранившаяся партитура – «Мелодия каменной стелы – Одинокая орхидея» («Цзеши дяо – Ю лань»), составленная Цю Мином из династии Лян (502–557 гг.) в эпоху Южных династий. Данная партитура на самом деле является рукописной копией времён династии Тан (оригинал должен относиться к более раннему времени, но он утерян), сейчас она хранится в Токийском национальном музее [13, 87]. Поскольку иероглифические обозначения были слишком сложными, во времена поздней династии Тан музыкант Цао Жоу (730–? гг.) сократил их и превратил в нотную запись с помощью упрощённых иероглифов (также известную как табулатура). В настоящее время значительное количество репертуара гуциня записано и сохранено с использованием нотной записи, основанной на упрощённых иероглифах системы *цзяньцзы пу*. Самым ранним из сохранившихся сборников нотных записей, выполненных в этой упрощённой иероглифической системе, является «Чудесные тайные ноты» («Шэньци мипу») (см. прим. 4).

Являясь символом зрелости развития искусства гуциня, различные школы этого инструмента значительно способствовали сохранению и продвижению его наследия. Передача традиций различных школ, партитур и теоретических концепций обеспечила многообразие искусства гуциня [10, 1].

Во времена династии Северная Сун (960–1127 гг.) музыка для гуциня различалась, выделялись: Гэпу (партитура гуциня, унаследованная из Наньчана, Цзянси), Ганьпу (музыкальная партитура гуциня, унаследованная из провинции Цзянси) и Чжэпу (музыкальная партитура, унаследованная от чжэцзянской школы гуциня) (см. прим. 5). Это знаменует собой зарождение жанра гуцинь. На времена правления династии Южная Сун (1127–1279 гг.) пришёлся расцвет Чжэпу.

Культура гуциня в Чжэцзяне, где располагалась Чжэпу, также бурно развивалась. На её основе Го Мянь (также известный как Го Чуван) основал чжэцзянскую школу гуциня, первую школу гуциня в Китае (см. прим. 6). Позже Лю Чжифан, Сюй Тяньминь и Мао Миньчжун объединили исследования гуциня Го Мяня в «Партитуру Цзысядун». В процессе работы Сюй Мэнцзи, представитель школы «Сюймэнь Чжэцзян» в третьем поколении (внук Сюй Тяньмина), и другие отправились в Чаншу, чтобы преподавать и привнесли в это место стиль чжэцзянской школы гуциня, заложив основу для последующего оформления юйшаньской школы гуциня [10, 3]. В конце правления династии Мин (1368–1644 гг.) чжэцзянская школа начала приходить в упадок, а юйшаньская (см. прим. 7) – расцветать. На основе традиционной чжэцзянской школы юйшаньская школа объединила характерные черты северного и южного стилей гуциня, образуя стиль, характеризующийся «утончённостью и глубокомысленностью, спокойствием и умиротворённостью». В то же время школа Юйшань также является первой школой гуциня в истории Китая, у которой были свои музыкальные партитуры, теоретические программы и региональные особенности. В начале династии Цин (1644–1911 гг.) возникает школа Гуанлин в Янчжоу, наследуя и развивая стиль школы Юйшань. Школа Гуанлин основана на лёгкости и элегантности школы Юйшань, объединяет тонкость и сдержанность школы У, смелость школы Шу, а также древний и строгий стиль школы Чжунчжоу, образуя свой собственный уникальный и непринуждённый стиль (см. прим. 8) [11, 7]. Школа Гуанлин являет собой прекрасный пример наследования и развития искусства гуциня. Позже возникают школы Минь (фуцзянская школа) (см. прим. 9), сычуаньская школа (см. прим. 10), школа Линнань (см. прим. 11), школа Пучэн (см. прим. 12), школа Цзиньлин (см. прим. 13), школа Цзюи (см. прим. 14), школа Чжучэн (см. прим. 15) и другие школы гуциня. Происхождение этих школ восходит к трём крупным школам: Чжэцзян, Юйшань и Гуанлин. Среди них школа Чжучэн делится на две школы, предшественником одной из них является школа Юйшань, а предшественником другой – школа Цзиньлин. Во времена Китайской Республики возникла школа Мэйань, самая молодая школа гуциня в Китае, традиции взаимоотношений в рамках школы были унаследованы от школы Чжучэн (см. прим. 16). Ван Яньцин, основатель школы Мэйань, подчёркивал важность ритма в искусстве гуциня. Эта концепция ускорила распространение и наследование гуциня в современном обществе, а также заложила основу для «перевода» и «нотации» гуциня. Впоследствии Ван Яньцин преподавал гуцинь в Нанкинском высшем педагогическом университете, став первым преподавателем гуциня в высшем учебном заведении Китая, направив искусство гуциня на путь профессионализации и специализации.

Современные подходы к наследованию искусства гуциня

1. «Чтение нот».

Поскольку сохранившиеся партитуры гуциня записаны в традиционной нотной системе с использованием упрощённых иероглифов цзяньцзы пу, они содержат лишь информацию об аппликатуре, последовательности струн и расположении ладов, но не указывают точную высоту звука (тона) и ритмические обозначения. Следовательно, в современном процессе наследования музыки гуциня должна быть воссоздана посредством «чтения нот» мастерами гуциня (см. прим. 17). Для успешного современного наследования искусства гуциня требуется преобразовать нотную запись, выполненную упрощёнными иероглифами цзяньцзы пу, в формат пятистрочной нотации или цифровой (нумерованной) музыкальной нотации, а также применить метод «двухстрочной нотации» [1, 234]. Для корректного «чтения нот» требуется мастер гуциня, который обладает глубокими знаниями как теории, так и техники исполнения. Этот специалист восстанавливает оригинальную музыку, стремясь понять эмоциональные переживания автора и контекст произведения [3, 5]. Таким образом, задача «чтения нот» оказывается весьма сложной. Она включает не только корректировку текстов, но и понимание структуры партитуры, знание музыкальной школы, исторического контекста и замысла произведения, а также выявление возможных ошибок в существующих версиях, анализ аппликатуры, ритма, высоты звука (тона) и сложных компонентов. В настоящее время крайне мало специалистов, способных выполнить эту работу по «чтению нот» гуциня, что подчёркивает необходимость повышения их квалификации и подготовки нового поколения кадров. Важно, чтобы вся музыка гуциня, оставленная древними мастерами, была в ближайшем бу-

душем переведена в привычную пятистрочную нотацию или цифровую (нумерованную) музыкальную нотацию, что значительно упростит процесс исполнения, обучения и наследования этого уникального искусства.

2. Создание и развитие учебных учреждений.

В начале XX века, с тех пор как Ван Яньцин и Ван Синькуй пришли преподавать в Нанкинский педагогический университет и Пекинский университет, наследование гуциня превратилось из народного наследия в «академическое наследие» [13, 36]. В 1958 году факультет народной музыки Шанхайской консерватории учредил специальность «гуцинь», а также пригласил известного музыканта Лю Цзиншао в качестве профессора гуциня. Это событие открыло путь для «академической передачи» искусства гуциня [11, 143]. Однако нынешняя система обучения гуциню по-прежнему неудовлетворительна, и учеников, изучающих гуцинь, крайне мало. Чтобы способствовать академической передаче искусства гуциня, необходимо проводить набор по специальности гуцинь в специализированных учебных заведениях и общеобразовательных университетах по всей стране, а также привлекать мастеров гуциня со всей страны для преподавания. В то же время в университете созданы факультативы по гуциню, позволяющие студентам выбирать изучение гуциня в соответствии со своими предпочтениями, а преподавателям сосредоточиться на обучении студентов с отличными оценками.

Кроме того, для успешного продвижения гуциня необходимо активно использовать концерты, электронные средства массовой информации, а также развивать международные обмены и сотрудничество. Это позволит сохранить традиционные аспекты искусства, одновременно адаптируясь к современным реалиям и обеспечивая передачу культурного наследия [1, 106].

Заключение

Гуцинь как традиционная китайская культурная и художественная форма играет важную роль в китайском обществе. Наследование и развитие культуры и искусства гуциня имеют ключевое значение в распространении китайской национальной культуры и искусства, а также в укреплении традиционных культурных основ Китая. Это способствует повышению культурной уверенности в себе и самостоятельности национальной культуры. Являясь элементом политики культурной мягкой силы, искусство гуциня помогает создавать выгодный имидж страны. В эпоху экономической глобализации и культурного разнообразия культурная политика способствует гармоничному и стабильному развитию международных отношений. В связи с этим крайне важно продолжать развивать традиционную китайскую культуру, глубоко исследовать ценность гуциня и активно наследовать это уникальное искусство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вэй Вэй. Исследование эволюции музыки для гуциня и традиций исполнения музыки гуцинь / Вэй Вэй // Художественная сотня. – 2014. – № 30. – С. 233-234.
2. Ли Эркан. Освобождение индивидуальности в музыке гуцинь в период Вэй-Цзинь / Ли Эркан // Вестник Северного университета Китая (издание по общественным наукам). – 2022. – № 4. – С. 131-135.
3. Лю Шуан. Исследование взаимосвязи между оригинальной партитурой, звуковой частотой и переведённой партитурой в практике нотации гуцинь на примере «Ли Сао» У Вэньгуана: диссертация / Лю Шуан; Сычуаньская консерватория. – Чэнду, 2023. – 200 с.
4. Лю Шутун. Исследование школы гуциня Чжучэн: «Одно происхождение, разные течения»: магистерская диссертация / Лю Шутун; Шанхайская консерватория. – Шанхай, 2016. – 108 с.
5. Се Мэнши. Текущее состояние и будущие тенденции развития художественного наследия гуцинь из Линнань / Се Мэнши // Экспертиза произведений искусства. – 2024. – № 3. – С. 56-59.
6. Сун Юйчао. Исследование гравировок на китайских гуцинь: диссертация / Сун Юйчао; Цзилиньский университет. – Цзилинь, 2021. – 597 с.
7. Сяопэн Сунь. Наследие, развитие и инновации Чжучэна Гуциня в Шаньдуне / Сяопэн Сунь // Конференция по искусству, дизайну и современному образованию, Бинчжоу, январь 2015 года. – Бинчжоу: Профессиональный колледж Бинчжоу, 2015. – С. 104-108.
8. Тун Бэйчунь. Прикладное исследование применения формы гуцинь в дизайне игрушек во времена династии Тан / Тун Бэйчунь, Цэн Ли // Мир игрушек. – 2023. – № 4. – С. 23-26.

9. Хуан Ин. Анализ музыковедческого значения музыкальных инструментов, таких как цинь и чжэн, в эпоху Хань, Вэй и периода шести династий: диссертация / Хуан Ин; Тяньцзиньская консерватория. – Тяньцзинь, 2015. – 64 с.
10. Чжай Синьлай. Размышления и вопросы о наследии традиционных школ гуциня в контексте современных «новых школ»: диссертация / Чжай Синьлай; Шанхайская консерватория. – Шанхай, 2022. – 30 с.
11. Чжао Сюань. Исследование наследия и развития игрового искусства гуцинь школы Чжучэн / Чжао Сюань, Чжан Юй // Деятели искусства. – 2021. – № 1. – С. 142-143.
12. Чжао Тао. Увлекательный рассказ о ярких и многообразных школах гуциня / Чжао Тао // Блистательные произведения. – 2023. – № 10. – С. 6-8.
13. Ши Фэнкай. Исследование структурных особенностей музыки гуциня «Цзеши дяо – Ю лань» («Мелодия каменной стелы – Одинокая орхидея») на основе анализа аудиоконтента / Ши Фэнкай // Вестник Нанкинского университета искусств (музыка и исполнительство). – 2023. – № 3. – С. 87-91.
14. Истоки гуциня // Holistic. – URL: <http://www.4001180057.com/news/542.html> (дата обращения: 29.03.2025). – Текст: электронный.
15. Названия и происхождение струн гуциня // Гоцин Ван. – URL: <https://www.guoqinwang.com/news/1748.html> (дата обращения: 29.03.2025). – Текст: электронный.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Восемь видов музыкальных инструментов» – это древний китайский метод классификации музыкальных инструментов, который делит их на восемь категорий в соответствии с материалом, из которого они сделаны: металл, камень, земля, кожа, шёлк, дерево, тыква-горлянка и бамбук.
2. Считается, что первоначально у гуциня было пять струн. Правитель Вэнь-ди добавил одну струну, У-ди – ещё одну. С тех пор у гуциня стало семь струн.
3. Лады – маркеры, обозначающие последовательное расположение гармонических ладов. На гуцине 13 ладов, расположенных по возрастающей – справа налево.
4. Партитура составлена Чжу Цюанем. Поскольку Чжу Цюань получил прозвище «Цюйсянь», её также называют «Чудесные тайные ноты Цюйсяня».
5. Юань Цзюэ. Собрание сочинений учёного человека с благородными манерами на покое. Древняя литература Чжэцзяна, 2015. № 44.
6. Чжэцзянская школа: основатель Го Мян. Репрезентативные музыкальные партитуры: «Волшебные тайные ноты. Мистические музыкальные произведения» и «Подлинная история партитур для цинь».
7. Репрезентативные для циня: «Высокая гора», «Бегущая вода», «Тёплая весна», «Песни царства Чу» и т. д.
8. Юйшаньская школа: основатель Янь Тяньчи, сын министра, служившего при дворе династии Мин. Репрезентативные музыкальные партитуры: «Партитура Сунсяньгуань» и «Партитура Дахуаньгэ».
9. Репрезентативные пьесы для циня: «Облака над реками Сяо и Сян» и «Пришвартоваться ночью на осенней реке».
10. Школа Гуанлин: основатель Сюй Чаньюй. Репрезентативные музыкальные партитуры: «Партитура Чэнцзянтан», «Партитура Учжичжай», «Партитура Цзыюаньтан» и т. д.
11. Репрезентативные пьесы для циня: «Песня о цветах сливы в трёх куплетах», «Поэма Гуанлина», «Облака над реками Сяо и Сян» и т. д.
12. Школа Минь: основатель Чжу Тунцзюнь. Репрезентативные произведения: «Партитура Югучжай» и «Дополнение к партитуре Югучжай».
13. Репрезентативные пьесы для циня: «Дикий гусь падает на тихую отмель», «Ночью на осенней реке встали на якорь», «Встреча ветра с облаками» и т. д.
14. Сычуаньская школа: основатель Чжан Куншань.
15. Репрезентативные нотные записи: «Партитура Тяньвэньгэ» и «Партитура Байпинчжай».
16. Репрезентативные музыкальные произведения для циня: «Текущая вода», «Вечерняя песня пьяного рыбака», «Заклинание монаха Пуана» и т. д.
17. Школа Линнань: основатель Хуан Цзинсин. Репрезентативные нотные записи: «Постижение сути снежной горы». Репрезентативные пьесы: «Струющийся в горах лазурный поток» и «Чайки и цапли подлетают к тому, кто не имеет на них видов».

Завалишин А. Ю., Костюрина Н. Ю.
A. Y. Zavalishin, N. Y. Kosturina

ДЕТСКИЕ СУБКУЛЬТУРЫ – TERRA INCOGNITA ИЛИ ENFANT TERRIBLE?

CHILDREN'S SUBCULTURES – TERRA INCOGNITA OR ENFANT TERRIBLE?

Завалишин Андрей Юрьевич – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры истории и регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: native59@rambler.ru.

Andrey Yu. Zavalishin – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and Regional Studies, Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications (Russia, Saint Petersburg). E-mail: native59@rambler.ru.

Костюрина Надежда Юрьевна – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры медиакоммуникаций и рекламы Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: kosturina@mail.ru.

Nadezda Yu. Kostyurina – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Professor of the Department of Media Communications and Advertising, Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics (Russia, Saint Petersburg). E-mail: kosturina@mail.ru.

Аннотация. В статье поднимается проблема детских субкультур, возникших в последние годы: квадроберов, лапкеров, петрокеров и др. Сделан акцент на сложности их научного изучения и угрозах, связанных с возможным деструктивным влиянием на детскую психику и здоровье. Обозначены такие особенности детских субкультур, как быстрота возникновения и угасания к ним интереса со стороны детей и подростков; часто запоздалая и преимущественно алармистская реакция на них со стороны общественности и СМИ; недостаточная на данный момент научная разработанность данной темы; информационная и организационная роль в распространении детских субкультур социальных сетей и бизнеса; не всегда научно обоснованная реакция на эту проблему со стороны законодательных и правоохранительных органов государства.

Summary. The article raises the issue of children's subcultures that have emerged in recent years: quadrobbers, lappers, etc. Emphasis is placed on the complexity of their scientific study and the threats associated with the possible destructive influence on children's psyche and health. The following features of children's subcultures are identified: the speed of the emergence and fading of interest in them from children and teenagers; the often belated and predominantly alarmist reaction to them on the part of the public and the media; insufficient scientific development of this topic at the moment; informational and organizational role in the spread of children's subcultures of social networks and business; not always scientifically substantiated response to this problem from the legislative and law enforcement agencies of the state.

Ключевые слова: детство, субкультура, териантропия, фурри, квадроберы, лапкеры, общественное мнение, СМИ, социальная сеть.

Key words: childhood, subculture, therianthropy, furies, quadrobbers, lappers, public opinion, media, social network.

УДК 130.2;316.624.2;316.723

Тема детства как самостоятельный предмет исследования попала в сферу научных интересов сравнительно недавно – лишь во второй половине XX в. И это неслучайно. Именно на это время пришлось завершение второго демографического перехода в наиболее развитых странах мира, когда на фоне повышения качества и уровня жизни людей, сопровождавшегося общим ростом средней продолжительности жизни, произошёл массовый отказ от многодетности, типичной стала нуклеарная семья, состоящая из двух родителей и одного ребёнка, а то и вообще бездетная [3]. Как следствие, возник и продолжает усиливаться процесс депопуляции населения. Соответ-

ственно, дети (как бы цинично это ни звучало) из «расходного материала» цивилизации превратились в ценный «ресурс», от качества которого (физического, психологического, социального, культурного) теперь зависит ближайшее будущее человечества. Проблема «отцов и детей» из фигуры речи превратилась в фактор выживания [18]. В равной степени это касается и современной России [1; 11].

Количество публикаций, посвящённых проблемам детей и подростков, увеличивается с каждым годом, и при этом со всё большей очевидностью заявляет о себе парадокс – фатальное отставание научных рефлексий от динамики процессов, происходящих в детской среде. Если до начала XX в. в общественном мнении и в научном сообществе детей воспринимали как «маленьких взрослых», которые отличаются от последних только низким ростом, физической слабостью и недостаточным объёмом знаний/навыков/информации, то позже стало очевидно, что детство – это особый мир, во многом «закрытый» от посторонних, изучение и понимание которого требует разработки и использования специальных методов исследования [15].

Действительно, с одной стороны, дети доступны для наблюдения родителей/учителей/исследователей, поскольку существуют «здесь и сейчас», рядом с нами, с другой стороны, закрыты, поскольку подчиняются иной логике, иным ценностям и иному мировоззрению, чем у взрослых. Мы видим, *как* ведут себя дети, но часто не в состоянии понять, *почему* они это делают. Дети младшего возраста не могут, а подростки не хотят отвечать на вопросы, которые кажутся им неуместными или нарушающими их личное пространство (вспомним мем – «дети при взрослых матом не ругаются»). Непонимание взрослыми логики поступков детей часто вызывает не только опасения (возможно, и обоснованные), но и желание запретить/оградить от «нежелательного контента» и т. д. [4].

Одним из примеров закрытости детства, которая и привлекает, и настораживает одновременно, является тема детских субкультур, которые возникают как бы сами собой, без участия родителей/педагогов/воспитателей и уже этим, по их мнению, несут угрозу не только безопасности детей и подростков, но и обществу в целом [10].

Недавней субкультурой, иллюстрирующей данное явление, стало движение квадроберов (или квадробинг), со скоростью пандемии распространившееся по всей территории России среди детей и подростков в возрасте преимущественно от 7 до 15 лет. Притом что само это явление, как считается, возникло в Японии ещё в начале 2000-х гг., в нашей стране его появление было отмечено лишь в 2023 г., а широкую огласку и общественный резонанс получило с весны 2024 г. В данном случае для нас представляет интерес не столько сама эта субкультура, в которую при широком географическом охвате оказалось вовлечено сравнительно немного детей (см. рис. 1), сколько реакция на неё российской общественности.

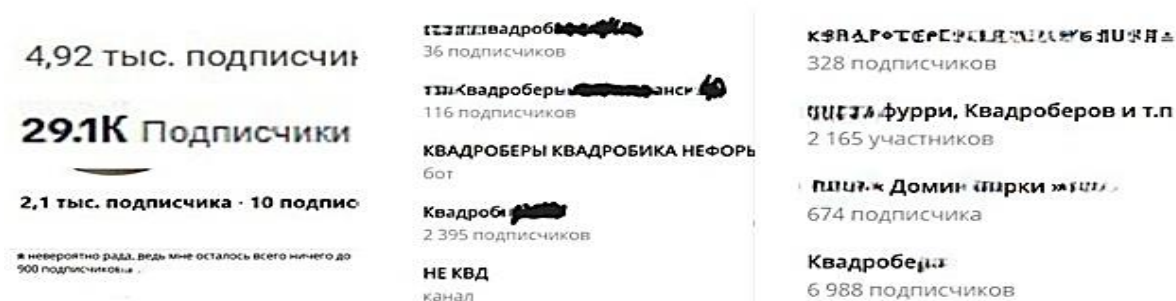

Рис. 1. Число подписчиков в разных каналах и соцсетях, случайные данные. Названия каналов скрыты по этическим причинам

Что обращает на себя внимание прежде всего?

1. Скорость возникновения и угасания как самого явления, так и интереса к нему. Со времени появления первой информации о квадроберах в СМИ (апрель 2024 г.) и практически полной

утраты внимания к ним со стороны общественности прошло менее года. То есть к тому моменту, когда общественный резонанс достиг максимума (октябрь 2024 г.), само движение уже пошло на спад. Ему предшествовали субкультуры фурри (субкультура поклонников антропоморфных животных) и хобихорсеров (субкультура любителей скачек/езды на имитации лошади), на смену пришли лапкеры (суть субкультуры – уход за питомцем – игрушечной лапкой животного), позже петрокеры (суть субкультуры – уход за питомцем-камнем) и т. д.

2. Запоздалая и преимущественно алармистская реакция на квадроберов со стороны родителей, журналистов и специалистов, называющих себя «детскими психологами» и «педагогами» (мы взяли эти понятия в кавычки, поскольку в большинстве случаев их «экспертные» комментарии были поверхностными и тенденциозными). В качестве иллюстрации можно привести названия публикаций того времени в СМИ: «Врачи забили тревогу из-за распространяющегося среди детей квадробинга» (май 2024 г.), «Квадробинг: новый тренд или потенциальная опасность?» (июнь 2024 г.), «Квадробинг раздора. В Челябинске родители угрожают заявить о педофилии на соседа, защищающего новое увлечение детей» (август 2024 г.), «Безобидное хобби или крушение моральных устоев» (октябрь 2024 г.) и т. п.

3. Крайне незначительная реакция научного сообщества на новое явление среди молодёжи, впрочем, вполне объяснимая, поскольку любое серьёзное научное исследование, в отличие от публикации журналиста, требует обстоятельной рефлексии и продолжительного времени. Научные выводы не могут быть скоропалительными. Вот показательное сравнение: в течение апреля 2024 г. – января 2025 г. в российских СМИ было опубликовано более 100 материалов, посвящённых квадроберам. За тот же период времени из печати вышли 25 научных статей, так или иначе касающихся данной темы, а посвящённых непосредственно квадробингу – лишь 7 из них (подсчитано нами).

Показательно, что авторы большинства публикаций, претендующих на объективный научный анализ, также продемонстрировали склонность к недостаточно мотивированной негативной оценке данной субкультуры. Основываясь на результатах опросов небольших по численности референтных групп (квадроберов, фурри и т. д.), а также родителей и педагогов, выбранных по рандомному принципу, исследователи утверждали, что «с точки зрения ювенально-девиантологического дискурса, можно сказать, что квадробика как современное течение является детско-подростковой расчеловеченной субкультурой» [5, 19]; «реакция людей (на квадробинг – авт.) должна быть отрицательной и жёсткой, и чуждые субкультурные образцы, разрушающие стиль жизни, элиминированы» [8, 61]; «представители молодёжных сообществ всё чаще переоделяются в костюмы зверей из отряда псовых и кошачьих, чтобы получить недостающее им социальное “поглаживание”... В детстве такие игры влияют на психику благотворно: развивают эмоциональную сферу, способствуют формированию эмпатии, в более старшем возрасте “превращения” сигнализируют об уходе человека в другую реальность, где включается механизм регресса психики до примитивных животных реакций» [2, 181-182].

Возможно, приведённые выше выводы и утверждения верны, однако обоснованные сомнения в валидности использованных многими авторами количественных и качественных методов исследования, а также масштабов выборки социологических опросов не позволяют считать их вполне релевантными.

Справедливости ради нужно отметить, что есть и иные оценки квадробинга как вида спорта и как субкультуры. Так, Е. А. Макарова утверждает, что «лучший совет, который можно дать родителям, – оставаться в курсе событий, поддерживать коммуникацию со своими детьми и быть вовлечёнными. Ваша задача не подавлять их интерес к квадробике, а направлять их к принятию здорового решения и безопасных форм физической активности» [7, 83]. Т. М. Шкапенко и Е. А. Городецкая, сравнивая три современные анималистические субкультурные практики – териантропию, фурри и квадробику, – сделали вывод о том, что последняя «сочетает в себе элементы аэробики с анималистическими мотивами и не имеет принципиального духовного подтекста. Териантропия, напротив, охватывает не только игровые аспекты, но и претендует на внутреннее отождествление человека с животным миром. Фурри, в свою очередь, сосредоточены на антропо-

морфных образах животных в формате творческого развлечения» [14, 3737]. Многие зарубежные авторы делают акцент прежде всего на физической (см. рис. 2, 3) составляющей увлечения квадروبингом, оставляя за рамками исследования его возможные социально-психологические последствия, что проявляется и в используемой ими терминологии (quadrupedal (англ.) – четвероногий) (см.: [16; 17] и др.).

- В квд 1 год
- Рекорд в высоту: ~80-90см
- В ширину: ~2м

- 👤 - Вы занимаетесь квадрупой у себя в комнате?
- 👤 - Кем бы вы хотели стать в будущем?

Я только там и занимаюсь квд, не выхожу квадрупить если можно так сказать на улицу. Меня один раз забили из-за квд, я теперь уже 4 месяца только в коридоре дома занимаюсь.

да.. было, я руки растянула в 23 году, когда я узнала, что такое квд и тд, пхаха... 2 месяца руки болели, но об этом никто не знал, кроме моей подруги 🙄

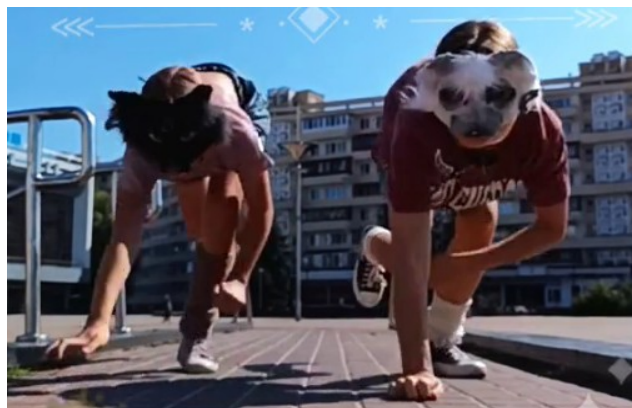

Рис. 2. В чатах и каналах обсуждаются условия и результаты тренировок, полученные травмы, договариваются о совместных тренировках, местах встреч, перспективах

Рис. 3. Совместная тренировка квадроберов

4. Огромную, если не определяющую роль в возникновении детских субкультур сегодня играют интернет и социальные сети. Если в доинформационную эпоху многие детские увлечения распространялись по стране исключительно передачей буквально из уст в уста – «сарафанным радио» – и благодаря этому быстро вовлекали в свою сферу всё подрастающее население (представители старшего поколения, поднимите руку, кто играл «в резиночку» или делал «секретки»), то теперь передача и получение любой информации, создание групп интересов доступны каждому, независимо от места проживания. И если ещё возможен какой-то контроль со стороны надзорных ведомств за содержанием подозрительных сайтов, которые можно заблокировать (но это неточно) и деятельностью блогеров, которых можно привлечь к административной и уголовной ответственности за распространение противоправного контента, то локальные сети и сети по интересам, которые создают сами дети, неподконтрольны никому в принципе. Поэтому можно предположить, что мы (взрослые) видим лишь вершину айсберга – так называемые «видимые» субкультуры, проявляющиеся во внешности и поведении детей, а что происходит онлайн, остаётся для нас terra incognita. И это действительно проблема (см. [6; 8] и др.).

5. Заметным триггером распространения и институционализации детских субкультур является бизнес, который быстро откликается на запросы по созданию и тиражированию соответствующей атрибутики (меховые маски и хвостики для квадроберов, силиконовые лапки для лапкеров, камни с «глазами» для петрокеров и т. д. – см. рис. 4), объективно способствуя этим росту популярности соответствующих течений. Тема этичности/безопасности подобной продукции или материалов, из которых она сделана, часто уходит на второй план («ничего личного, просто бизнес»!) [9].

Следует учитывать и то, что создание масок или лапок, обучение технике прыжков, рисование людей и животных (создание образов) – источник дохода (см. рис. 5) для самих участников субкультур, это также способствует устойчивой принадлежности субкультурным группам.

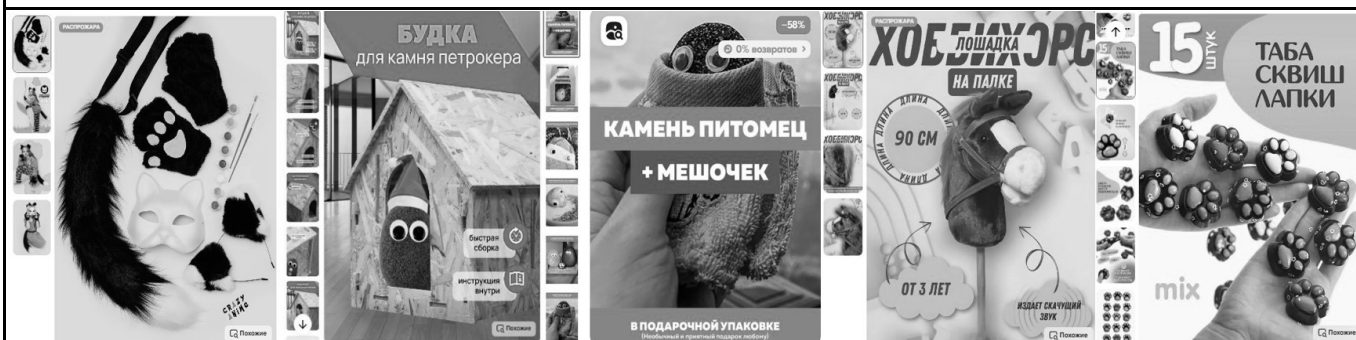

Рис. 4. Предложения онлайн-площадок: наборы квадропера (маска, хвост, лапки, наколенники), головы лошадей на палке для хоббихорсеров, лапки или наборы для создания сквиш-лапок, камни-питомцы

6. Невозможно обойти вниманием и реакцию властных структур, прежде всего депутатов разных уровней, а также представителей РПЦ, которые пристально следят за процессами в стране, откликаясь на общественное мнение и одновременно пытаясь управлять им. В этом смысле внимание к детям является беспрецедентным, поскольку от них зависит будущее страны. Люди, наделённые властными полномочиями, так же как лидеры общественного мнения, сами нередко оказываются в роли объектов манипулирования со стороны журналистов и «озабоченной общественности» и спешат принимать недостаточно обоснованные решения, от которых позже приходится отказываться (сентябрь 2024 г.: «РПЦ осудила квадробинг, назвав его противоречащим церковному учению», «В Совфеде заявили о необходимости запрета квадробинга»; март 2025 г.: «В России передумали запрещать квадроберов»).

у вас есть пинтерест?
заказывали маски от популярных квд?
любите печенье?

Заделал маску на продажу ,но лень ее фоткать)

Я рисую любых животных

- Это так же относится к фурри
- Как понять сложный ли у вас окрас?
- Окрас включает в себя более 3-х цветов
- На окрасе присутствуют сложные узоры или многочисленные пятна/полосы (к примеру окрас: тигра/леопарда)
- Как понимать расценку фона?
- Лёгкий включает в себя геометрические фигуры/различные узоры на однотонном/цветном фоне, или упрощённый фон, а также если вы хотите вставить какую либо картинку на задник из интернета
- Сложный фон имеет детализированные формы/образы
- Как будет расцениваться арт с человеком?
- В случае если вы хотите чтобы я нарисовала вас в маске какого либо животного/существа цены будут такие же как для фурри
- Просто людей я тоже рисую

ну смотрите примерно через неделю придет основа (пластик) и мех

У меня есть проволока, значит буду делать непромокайку

ФУРРИ:

- Алкоголь + 70р
- Сложный + 150р
- . . . —
- Варан
- Алкоголь + 150р
- Сложный + 100р
- . . . —
- Полный рост 500р

ЗВЕРЬКИ:

- Алкоголь + 50р
- Сложный + 150р
- Варан бесплатно
- Сложный + 50р
- . . . —
- Алкоголь + 150р
- Сложный + 200р
- . . . —
- Полный рост 450р

Рис. 5. Прайс на рисунки фурри, квадроберов, создание образа. Информация и запрос об изготовлении масок (один из многочисленных примеров)

Тема возможности/необходимости правового регулирования (вплоть до введения административной/уголовной ответственности для родителей за поощрение квадробинга у их детей) поднимается и представителями юридических наук. Мнения на этот счёт высказываются разные. Исследователь из Узбекистана Ф. М. Фазилов полагает, что «если действия квадроберов на публике будут вызывать страх или восприниматься как угроза, местные власти могут ввести запреты на их мероприятия... принятие проактивных мер может помочь избежать негативных социальных и правовых последствий, таких как агрессивное поведение или нарушение общественного порядка» [12, 14]. Иную точку зрения высказали М. Ю. Черенков и О. В. Цуканов: «Анализ норм семейного права позволяет сделать вывод, что занятия квадробингом и их распространение среди детей не

могут быть предметом непосредственного правового регулирования. Мы солидарны с позицией психологов и психиатров, считающих появление подобных субкультур естественным процессом в социокультурной жизни общества» [13, 41]. Последнее слово по этому вопросу, как очевидно, останется за российскими законодательными органами.

Выводы.

Детские субкультуры в современном информационном обществе стали закономерным и важным объектом исследования, который привлекает внимание и общественности, и учёных. При этом далеко не всегда внимание к ним и реакция на них со стороны взрослых являются адекватными, нередко носят алармистский характер, что только усугубляет ситуацию.

При изучении и оценке детских субкультур, как нынешних, так и тех, которые неизбежно возникнут в будущем, с учётом всей их возможной экстравагантности и «асоциальности», нужно иметь в виду, что в детской среде они как ничто другое подвержены моде – быстро возникают и также быстро исчезают, сменяясь новыми. Интерес к прежним паттернам игрового/субкультурного поведения, как правило, длится от нескольких месяцев до года.

Мы намеренно взяли в кавычки слово «асоциальность» (= расчеловечивание), поскольку всё, что происходит в обществе, априори имеет социальную природу и может быть осмыслено только таким образом. Детские субкультуры возникают неслучайно и выполняют важные социальные функции. Задача исследователя, соответственно, должна состоять в поиске и объяснении этих функций, а не акцентировании внимания только лишь на их возможных негативных последствиях, чем грешат авторы многих публикаций, в том числе и претендующих на научность. Любое социальное явление амбивалентно по своей природе, и ставить под сомнение наличие положительного (компенсаторного?) эффекта детских субкультур также нет никаких оснований.

Превалирование презумпции запрета над правом детей на самовыражение («всё новое потенциально опасно») не является продуктивным, особенно сейчас, когда любой запрет на новое социальное движение может перевести его в онлайн-пространство и сделать «невидимым»/неконтролируемым со стороны взрослых. Задача состоит не в том, чтобы «гнать и не пущать», а понять социальные причины возникшего девиантного поведения и стремиться устранить именно эти причины, а не только порождённое ими явление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безвербный, В. А. Депопуляция геостратегических территорий Российской Федерации в зеркале пространственной демографии: теоретико-методологические аспекты / В. А. Безвербный, Т. Р. Мирязов // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 185-206.
2. Григорьева, Н. И. Феномен зооантропоморфизма в современной психиатрии / Н. И. Григорьева // Актуальные вопросы психиатрии, наркологии и клинической психологии: сборник материалов V Междунар. междисциплинар. научно-практ. конф. к 160-летию со дня рождения А. Альцгеймера (Кемерово, 4 октября 2024 г.) / отв. ред. Г. В. Акименко. – Кемерово: КемГМУ, 2024. – С. 179-187.
3. Гудкова, Т. Б. Концептуализация второго демографического перехода: эвристический потенциал и ограничения теории / Т. Б. Гудкова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2018. – № 43. – С. 125-136.
4. Законодательство о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. – М.: Изд. Государственной Думы, 2014. – 224 с.
5. Клейберг, Ю. А. Квадробинг как угроза психологической безопасности личности несовершеннолетнего / Ю. А. Клейберг, Д. В. Деулин // Экстремальная психология и безопасность личности. – 2025. – № 2 (1). – С. 16-25.
6. Кольцова, И. В. Исследование отношения населения к квадробингу и меры по гражданскому воспитанию населения / И. В. Кольцова, О. В. Хилько // Международный научно-исследовательский журнал. – 2025. – № 4 (154). – С. 1-7.
7. Макарова, Е. А. Териантропия: угроза ментальному здоровью или детская игра? / Е. А. Макарова // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2024. – № 4. – С. 79-85.
8. Мальцева, Р. И. Кризисные тенденции сетевого общества: способы самоидентификации личности / Р. И. Мальцева, М. В. Безрукавая // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2024. – № 6 (122). – С. 57-62.

9. Сергеев, Р. Маски, лапы и хвосты. Атрибуты для квадроберов могут быть небезопасными / Р. Сергеев // Аргументы и Факты. – 2024. – 5 ноября. – URL: <https://aif.ru/society/safety/maski-lapy-i-hvosty-atributy-dlya-kvadroberov-mogut-byt-nebezopasnymi> (дата обращения: 05.05.2025). – Текст: электронный.
10. Смирнова, Е. О. Современная детская субкультура и её последствия / Е. О. Смирнова // Современное дошкольное образование. – 2022. – № 6 (114). – С. 35-41.
11. Соболева, С. В. Особенности второго этапа депопуляции в России / С. В. Соболева, Н. Е. Смирнова, О. В. Чудаева // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2021. – № 16-1. – С. 752-758.
12. Фазилов, Ф. М. Попытка осмысления правового регулирования квадробики / Ф. М. Фазилов // Universum: экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн. – 2024. – № 11 (121). – С. 12-15. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/popytka-osmysleniya-pravovogo-regulirovaniya-kvadroiki> (дата обращения: 10.05.2025). – Текст: электронный.
13. Черенков, М. Ю. Основания гражданско-правовой ответственности за квадробинг / М. Ю. Черенков, О. В. Цуканов // Научно-практический журнал «Диалог». – 2025. – № 2. – С. 40-41.
14. Шкапенко, Т. М. Современные анималистические субкультурные практики и их прецеденты в русской лингвокультуре / Т. М. Шкапенко, Е. А. Городецкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17. – Вып. 10. – С. 3734-3738.
15. Щеглова, С. Н. Как изучать детство? Социологические методы исследования современных детей и современного детства / С. Н. Щеглова. – М.: ЮНПРЕСС, 2000. – 58 с.
16. Buxton J. D. The Effects of a Novel Quadrupedal Movement Training Program on Functional Movement, Range of Motion, Muscular Strength, and Endurance / J. D. Buxton, etc. // Journal of Strength and Conditioning Research. 2022. Vol. 8. P. 2186-2193. DOI: 10.1519/JSC.0000000000003818.
17. Matthews M. J. Quadrupedal movement training improves markers of cognition and joint repositioning / M. J. Matthews, M. Yusuf, M. J. Matthews, C. Doyle // Human Movement Science: Journal. 2016. Vol. 47. P. 70-80. DOI:10.1016/j.humov.2016.02.002.
18. Youth in Development Policy: Realizing the Demographic Opportunity. – Washington, DC, 2012. – 36 p. // URL: https://www.dai.com/uploads/Youth_in_Development_Policy_0.pdf.

Климова Е. В.
E. V. Klimova

РОЛЬ ТРАДИЦИОННОЙ ИГРУШКИ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

THE ROLE OF TRADITIONAL TOYS IN SHAPING THE CULTURE AND CULTURAL HERIAGE OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE RUSSIAN FAR EAST

Климова Екатерина Викторовна – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации социально-гуманитарного факультета Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: katekl@mail.ru.

Ekaterina V. Klimova – Senior Lecturer, Linguistics and Intercultural Communication Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: katekl@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается роль традиционной игрушки в культуре коренных народов Дальнего Востока России. Особое внимание уделяется связи игрушек с культом предков, мифологическими и религиозными представлениями народов. Автор анализирует, как игрушки отражают гендерные роли в традиционных обществах и какие функции они выполняли: развлекательные, образовательные, ритуальные и символические. В статье особое внимание уделяется работе современных мастеров народного творчества в сохранении культурного наследия через мастер-классы и выставки, а также их роли в адаптации этнических игрушек к современным условиям, внедрении новшеств в их создание. Статья подчёркивает важность поощрения современных мастеров в сохранении уникальных традиций изготовления и использования игрушек.

Summary. The article examines the role of traditional toys in the culture of the indigenous peoples of the Russian Far East. The materials from which the toys were made, their functions and symbolic meaning are described. Special attention is paid to the connection of toys with the cult of ancestors, mythological and religious beliefs of peoples. The author analyzes how toys reflect gender roles in traditional societies and what functions they performed in traditional society: entertainment, educational, ritual and symbolic. The article highlights the importance of studying traditional toys for understanding the cultural heritage of the indigenous peoples of the Far East and preserving the unique traditions of making and using toys.

Ключевые слова: культура, культурное наследие, самобытность, традиционная игрушка.

Key words: culture, cultural heritage, identity, traditional toy.

УДК 37+930.85

Изучение культуры детства коренных народов Дальнего Востока России выявляет сходство многих аспектов между разными этносами, особенно в отношении такого явления, как традиционная игрушка [1]. В контексте культурного наследия традиционная игрушка представляет собой уникальный образ целой культуры и её мироздания.

Традиционная игрушка аборигенов – это инструмент к разгадке прошлого, древних традиций, обычаев, ритуалов, символов и знаков, а также мифологических и нравственных взглядов этносов. Манера изготовления игрушки мастером отчётливо отражает самобытность традиционного искусства [5].

Игрушка, созданная мастерами Дальнего Востока, является важным этнокультурным артефактом. Её изучение помогает глубже понять, как она влияла на формирование мировоззрения детей в традиционных обществах аборигенов. В первобытном социуме игра была тесно связана с ремеслом, искусством и таинствами [2]. Игрушка не рассматривалась как обособленный объект,

она часто наделялась священным значением и выполняла функцию оберега. Таким образом, традиционные игрушки представляют собой неотъемлемую часть культурного наследия коренных народов Дальнего Востока России. Они не только служили средством развлечения детей, но и выполняли образовательные, ритуальные и символические функции, являясь частью культурного наследия [3].

В статье мы рассмотрим, каким образом традиционные игрушки способствуют формированию и сохранению культуры коренных народов, проживающих на территории Дальнего Востока России.

Во-первых, игрушки, созданные в традиционных обществах, тесно связаны с культом предков и природными явлениями. Они изготавливались из натуральных материалов, которые имели сакральное значение, как и узоры, которые их украшали. Процесс их создания и технология обработки были частью ритуала, закреплённого культурной традицией. Коренные народы Дальнего Востока России имеют многовековые традиции, которые передаются из поколения в поколение. Традиционные игрушки часто изготавливались из природных материалов, таких как дерево, кость, шкура животных [5]. Во-вторых, каждая игрушка не только отражает повседневные реалии жизни этих народов, но и хранит в себе мифы, легенды и традиции [6].

В игрушке народностей юга Дальнего Востока отмечается соединение мифологических и религиозных слоёв, реальности и игры. В традиционных социумах, где строго регламентировано распределение гендерных ролей, детские игрушки также подразделяются на три категории: предназначенные для девочек, для мальчиков и универсальные, которые могут быть использованы обеими группами детей [1]. Изготовлением игрушек для девочек занимался исключительно женский пол: сёстры, матери, бабушки и прочие представительницы рода; отцы, братья и другие мужчины изготавливали игрушки для мальчиков.

Традиционная игрушка аборигенов представляет собой весьма неоднородное явление, характеризующееся не только разнообразием материалов, используемых для её создания, таких как кости животных, рыб и птиц, камни, ткань, дерево, но и многообразием функций [5]. Зооморфные и антропоморфные игрушки, созданные из костей животных, птиц и рыб, являются наследием более ранних этапов развития традиционного общества [1]. Семантическое значение игрушек для мальчиков и девочек связано с мифологическими представлениями. Так, игрушки в форме птиц в религиозных представлениях коренных народов Приамурья символизируют душу, жизнь и силу [5].

Интерес представляют деревянные игрушки, которые возможно отнести ко второму этапу становления и развития традиционной игрушки. У эвенков в изготовлении игрушек принимали участие мужчины, женщины и дети, среди игрушек было много фигурок животных, сделанных из берёсты. Для мальчиков изготавливали игрушечное оружие – луки, которые служили не только средством защиты, но и оберегом, а для девочек были характерны куклы с кукольной утварью [3]. В рамках данного исследования можно выделить две категории кукол: плоские и объёмные. В культурах народов Приамурья существует детская кукла (хупику), которая, не утратив своего первоначального магического значения, сохранила древнюю традиционную форму, такая кукла не имела лица, рук и ног [5]. Куклы изготавливались из бумаги или ткани, а также из кожи рыбы или берёсты, у нанайцев такая кукла называется «акоан». Сэвэны и бучуэкэны – тактильные игрушки из дерева для мальчиков, отличительной особенностью такой игрушки являлась её защитная функция от злых духов [5]. Сэвэны – игрушки в антропоморфном или зооморфном виде, также сэвэнами называли амулеты и обереги, которые шаман использовал в своих обрядах. Более кропотливую работу проделывали мастерицы, которые изготавливали объёмных кукол для девочек, наряды для кукол изготавливались вручную и полностью повторяли национальные халаты взрослого поколения, но в уменьшенном варианте. Ноги кукол украшала обувь, изготовленная из настоящей рыбьей кожи. Традиционно у кукол отсутствуют лица, узнать пол куклы возможно исключительно по наряду, головы кукол мужского пола были покрыты меховой шапкой, а головы кукол женского пола украшали две чёрные косы [5].

В настоящее время традиционные игрушки постепенно исчезают из обихода коренных народов Дальневосточного региона России. Дети предпочитают современные игрушки, что ставит

под угрозу уникальные традиции изготовления и использования игрушек. Однако мастера народного творчества и культурные организации стараются возродить интерес к традиционным игрушкам через мастер-классы, выставки и образовательные программы. Такой метод борьбы за сохранения культурного наследия коренных народов укрепляет культурную идентичность и способствует развитию интереса к традиционной культуре [4]. Ежегодно проводится большое количество мастер-классов и конкурсов по изготовлению традиционных игрушек среди мастеров декоративно-прикладного искусства коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации («Ремёсла Земли Дерсу», «Родная игрушка», «Дальний Восток мастеровой» и др.).

Игрушки играли важную роль в процессе обучения детей. Они помогали передавать опыт и навыки, необходимые для выживания в суровых условиях Дальневосточного региона. Например, игрушки в виде животных могли использоваться для обучения детей охоте и рыбалке. В настоящее время, изготавливая игрушки самостоятельно, дети учатся работать с разными материалами, развивают свои моторные навыки и креативность. В архаичном социуме игрушки часто имели глубокий символический смысл. Например, они могли представлять собой обереги, защищающие детей от злых духов. Во многих народах существовала практика изготовления игрушек в определённые времена года или на определённые праздники, что подчёркивает их связь с природными циклами и традициями [4].

Современные мастера внедряют новые элементы в традиционные игрушки, они используют современные технологии, материалы, добавляют элементы современного дизайна при создании игрушек и изготавливают сувенирные и коллекционные варианты игрушек. Алексей Крутов известен своими куклами-оберегами, которых он изготавливает по древним шаблонам. Он активно участвует в выставках и культурных фестивалях, где демонстрирует свои работы и обсуждает философию нанайского искусства. Его работы выполнены из экологически чистых материалов, что подчёркивает уважение к природе. Мастерница Елена Баранова специализируется в детализированной живописи на игрушках. Её подход основан на исследовании традиционных мотивов и орнаментов, она придаёт им новую жизнь, используя акриловые краски. Каждая игрушка, созданная мастерницей, становится не только предметом декора, но и носителем культурной информации. Современные мастера играют важную роль в сохранении и популяризации традиций. Благодаря их усилиям старинное ремесло не только продолжает существовать, но и адаптируется под современные реалии. Мастера активно участвуют в образовательных программах, проводя мастер-классы для желающих изучить этот уникальный вид искусства. Они продолжают развивать это наследие, сочетая старинные традиции с современными тенденциями. Их творчество вдохновляет новые поколения, сохраняя дух традиционной культуры и открывая её миру.

В настоящее время традиционные игрушки активно используются в музейных экспозициях, в детских садах и школах национальных посёлков, на культурных мероприятиях. Современное направление изготовления традиционных игрушек включает создание обучающих групп для детей, организацию творческих мастерских для взрослых, проведение фестивалей и конкурсов среди профессиональных мастеров.

Традиционные игрушки играют ключевую роль в формировании и сохранении культуры коренных народов Дальнего Востока России. Они не просто выполняют развлекательную функцию, но и помогают современному обществу приобретать опыт предков, передают знания и традиции. Важно поддерживать мастеров и инициативы, которые способствуют возрождению и сохранению этого уникального культурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус / отв. ред. С. Н. Майорова-Щеглова. – М.: Изд-во РОС, 2018. – 638 с.
2. Климова, Е. В. Культура детства: стратегии локального изучения / Е. В. Климова, Я. С. Иващенко // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2021. – № II (50). – С. 16-22.

Климова Е. В.

РОЛЬ ТРАДИЦИОННОЙ ИГРУШКИ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ
И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

3. Климова, Е. В. Культура коренных народов Приамурья сегодня: аксиологический и коммуникативный аспекты / Е. В. Климова // Сборник материалов XXIII Свято-Троицких ежегодных международных академических чтений в Санкт-Петербурге: сборник докладов и сообщений, Санкт-Петербург, 24-27 мая 2023 года. – СПб.: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, 2023. – С. 23-30.
4. Смирнова, Е. С. Культурология детства: учеб. пособие / Е. С. Смирнова, Я. С. Иващенко. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВО «КНАГТУ», 2017. – 105 с.
5. Соболевская, Н. А. Каталог игрушек народностей юга Дальнего Востока (из собрания Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н. И. Гродекова) / Н. А. Соболевская // Вестник Сахалинского музея. – 1997. – № 1 (4). – С. 66-129.
6. Шушарина, Г. А. Миромоделирующие природные образы в нанайском фольклоре / Г. А. Шушарина // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 4 (120). – С. 220-225.

Наливайко Т. Е., Иванов В. В.

T. E. Nalivaiko, V. V. Ivanov

КУЛЬТУРА ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

CULTURE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGY APPLICATION IN HIGHER EDUCATION

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики, психологии и социальной работы Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; тел. 8(4217)52-84-25. E-mail: tenal@knastu.ru.

Tatiana E. Nalivaiko – Doctor of Pedagogy, Professor, Head of Pedagogy, Psychology and Social Work Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27 Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, zip code 681013; tel. 8(4217)52-84-25. E-mail: tenal@knastu.ru.

Иванов Виктор Викторович – аспирант кафедры «Электромеханика» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; тел. 8(909)863-22-15. E-mail: viktorxgv@yandex.ru.

Viktor V. Ivanov – Postgraduate Student, Electromechanics Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27 Lenin Avenue, Komsomolsk-on-Amur, 681013; tel. 8(909)863-22-15. E-mail: viktorxgv@yandex.ru.

Аннотация. В работе рассмотрены результаты перекрёстного исследования культуры восприятия и применения технологии искусственного интеллекта студентами университета. Описаны способы применения генеративного искусственного интеллекта в среде высшего образования с целью повышения степени усвоения знаний и вовлечённости студентов в образовательный процесс. Данные об этапе обучения участников исследования и их восприятии применения генеративного искусственного интеллекта в академической среде были собраны и статистически проанализированы.

Summary. The paper discusses the results of a cross-sectional study of university students' culture of perception and application of artificial intelligence technology. Ways of applying generative artificial intelligence in a higher education environment to increase student learning and engagement in the educational process are described in order. Data on the study participants' stage of learning and their perceptions of the application of generative artificial intelligence in the academic environment were collected and statistically analysed.

Ключевые слова: культура применения, искусственный интеллект, исследование, высшее образование.

Key words: culture of application, artificial intelligence, research, higher education.

УДК 378.147

Искусственный интеллект (ИИ) стал значимым инструментом в сфере высшего образования, и степень применения этой технологии неуклонно растёт. Уровень развития технологии искусственного интеллекта повышается быстрым темпом и может стать движущей силой инноваций и улучшить результаты обучения.

Использование искусственного интеллекта в высшем образовании получило общее развитие в различных аспектах, в том числе в улучшении качества обучения студентов, благодаря персонализированному обучению. Такое обучение предполагает использование генеративного ИИ контента для модификации учебной деятельности с учётом потребностей и контекстных факторов конкретного студента с возможностью улучшения усвоения знаний, повышения вовлечённости и творческого потенциала. Кроме того, ИИ может быть использован в системе высшего образования:

- для выставления оценок. Традиционная система оценивания усвоения студентами знаний служит эталоном в высшем образовании. В этой ситуации система оценивания на основе ИИ представляет собой жизнеспособную альтернативу, которая может обеспечить качество, точность и эффективность [1];

- предсказательной аналитики, которая представляет собой целенаправленный подход к повышению вовлечённости студентов в учебный процесс, снижению неуспеваемости [2]. Алгоритмы предсказательного анализа очень хорошо применяются в высших учебных заведениях, используя данные о студентах (прошлые или в режиме реального времени) для прогнозирования результатов обучения и в качестве систем раннего предупреждения потенциальных рисков неуспеваемости студентов [3].

Однако для оценки возможности и целесообразности применения данной технологии в системе высшего образования необходимо определить отношение учащихся к самой идее применения технологии ИИ. Для этого в работе было проведено кросс-секционное проспективное исследование, целью которого является оценка распространённости и восприятия использования генеративного ИИ среди студентов высших учебных заведений (университетов). Данные были собраны в период с января по апрель 2025 года. Использование генеративного ИИ определялось как использование любой формы инструмента искусственного интеллекта, включая такие инструменты моделирования, как чат-бот.

Характеристики опрошенных студентов были обобщены с помощью описательной статистики и представлены в виде подсчётов и процентных долей. Для оценки различий в общем восприятии генеративного ИИ в зависимости от уровня образования был проведён анализ Хи-квадрат Пирсона (χ^2) по закодированным 5-балльным шкалам Лайкерта ответов участников. Во всех статистических анализах значимым считалось двухстороннее значение $p < 0,05$.

Всего было опрошено 136 студентов. Из них 80 (58 %) учились на 1-2-м курсе, а 54 (42 %) – на 3-4-м курсе. Опрос проводился среди студентов, обучающихся по направлению подготовки 13.03.02 «Электроэнергетика и электротехника». В опросе измерялась осведомлённость студентов об использовании генеративного ИИ в академических целях. 61 % (83/136) участников были в высокой или умеренной степени знакомы с использованием генеративного ИИ, 22 % (30/136) и 14 % (19/136) были в некоторой или незначительной степени знакомы. Кроме того, около 94 % (128/136) участников знают об использовании генеративного ИИ в академических целях, а 52 % (71/136) лично использовали генеративный ИИ для решения академических задач. В частности, четырьмя наиболее популярными задачами, для решения которых обычно использовались инструменты ИИ среди участников, заявивших об их использовании (71/136), стали генерация идей (55 %), ответы на вопросы (41 %), обработка и краткое изложение информации (37 %) (см. рис. 1). Действительно, 37 % (26/71) студентов, ответивших «да» на вопрос об использовании генеративного ИИ (71 студент), сообщили о регулярном (всегда или часто) использовании инструментов ИИ, а 61 % (43/71) иногда или редко используют эти инструменты (см. табл. 1).

В табл. 1 представлены восприятие и ожидания участников относительно использования генеративного ИИ. В целом, 56 % (76/136) студентов считают, что генеративный ИИ даёт преимущество при использовании в академических целях, и только 15 % (20/136) не согласны с этим мнением. Кроме того, большинство опрошенных студентов (40 %) положительно оценивают использование генеративного ИИ в академических целях, в то время как 21 % – отрицательно. С точки зрения общего восприятия наблюдалась значительная разница в восприятии генеративного ИИ в группах студентов, находящихся на различном году обучения ($\chi^2 = 20,07$; $p < 0,001$; см. рис. 2).

Что касается факторов, определяющих тип восприятия, было проведено сравнение восприятия генеративного ИИ среди студентов разных курсов обучения. Результаты показывают, что восприятие использования ИИ существенно различается в зависимости от курса обучения (см. табл. 2). В частности, исследование показало, что студенты, обучающиеся на 3-м и 4-м курсах, относительно более позитивно воспринимают использование ИИ по сравнению с теми, кто учится на 1-м и 2-м курсах (см. рис. 2).

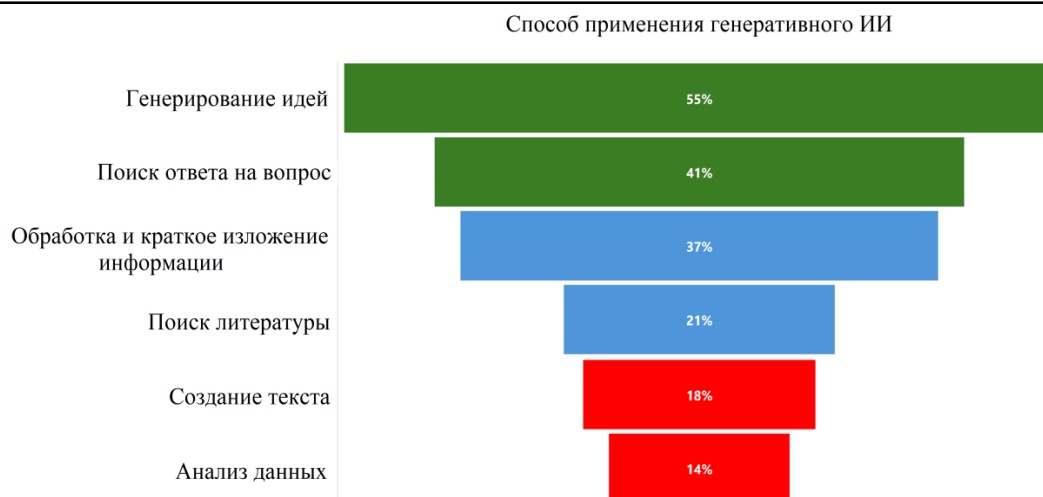

Рис. 1. Академические задачи, для решения которых участники использовали генеративный ИИ

Таблица 1

Осведомлённость и использование генеративного ИИ

Утверждение	Количество (%)
Насколько вы знакомы с генеративным искусственным интеллектом?	
Очень хорошо знаком	26 (19 %)
Знаком	57 (42 %)
Немного знаком	30 (22 %)
Слегка знаком	19 (14 %)
Совсем не знаком	4 (3 %)
Насколько вы осведомлены об использовании генеративного ИИ в академических целях?	
Крайне осведомлён	27 (20 %)
Умеренно осведомлён	54 (40 %)
В некоторой степени осведомлён	26 (19 %)
Слегка осведомлён	21 (15 %)
Совсем не осведомлён	8 (6 %)
Приходилось ли вам использовать генеративный искусственный интеллект?	
Да	71 (52 %)
Нет	65 (48 %)
Как часто вы используете генеративный ИИ для решения учебных задач? (71/136)	
Всегда	4 (6 %)
Часто	22 (31 %)
Иногда	24 (34 %)
Редко	19 (27 %)
Никогда	2 (3 %)

Рис. 2. Общее восприятие генеративного ИИ в зависимости от года обучения

Таблица 2

Восприятие использования генеративного ИИ в академических целях

Утверждение	Количество (%)
Генеративный ИИ даёт академическое преимущество	
Крайне согласен	29 (21 %)
Согласен	47 (35 %)
Не знаю	40 (29 %)
Не согласен	17 (13 %)
Крайне не согласен	3 (2 %)
Каково ваше общее представление об использовании генеративного ИИ?	
Позитивное	55 (40 %)
Нейтральное	53 (39 %)
Негативное	28 (21 %)

Большинство участников опроса (83 %; 112/136) согласились с тем, что в будущем этот инструмент будет всё чаще использоваться в учебных целях. Также 47 % (65/136) студентов согласились с тем, что использование генеративного ИИ должно быть интегрировано в учебную программу университета, а 19 % (25/136) не согласились с этим утверждением (см. табл. 3). Результаты показывают общую высокую осведомлённость о генеративном ИИ. Более половины участников имеют непосредственный опыт его использования в качестве инструмента в своих учебных работах, включая в основном генерацию идей и ответы на вопросы. Из тех участников, которые заявили об использовании генеративного ИИ в академических целях, треть регулярно пользуются этими инструментами. Кроме того, результаты показывают, что более половины опрошенных студентов считают, что использование ИИ даёт преимущества в учёбе, а 40 % в целом положительно оценивают эти инструменты (см. табл. 3).

Перспективы применения генеративного ИИ в академических целях

Утверждение	Количество (%)
В будущем использование генеративного ИИ в академических целях значительно возрастёт	
Крайне согласен	51 (38 %)
Согласен	61 (45 %)
Не знаю	22 (16 %)
Не согласен	1 (1 %)
Крайне не согласен	1 (1 %)
Генеративный ИИ должен быть интегрирован в учебную программу университета	
Крайне согласен	25 (18 %)
Согласен	40 (29 %)
Не знаю	46 (34 %)
Не согласен	13 (10 %)
Крайне не согласен	12 (9 %)

Таким образом, наблюдается высокая осведомлённость о генеративном ИИ среди студентов университета (см. табл. 1), в дополнение к этому некоторые из студентов используют ИИ как инструмент в академических целях, включая генерацию идей и ответы на вопросы (см. рис. 2). Кроме того, студенты в целом положительно относятся к технологии ИИ (см. табл. 2). Более 80 % из студентов считают, что ИИ будет набирать популярность в качестве полезного инструмента в академической среде, при этом около половины участников предлагают интегрировать его в учебные программы (см. табл. 3).

По мере того как искусственный интеллект всё больше и больше внедряется во все аспекты жизни общества, образовательным учреждениям следует рассмотреть возможность его применения, что позволит университетам повысить уровень усвоения академических знаний у студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наливайко, Т. Е. Применение искусственного интеллекта в формировании профессиональных компетенций будущих специалистов в области энергетики / Т. Е. Наливайко, В. В. Иванов // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2024. – № II (74). – С. 62-66.
2. Наливайко, Т. Е. Мониторинг адаптации студентов к образовательному процессу в вузе как инструмент их академической успешности / Т. Е. Наливайко, М. В. Шинкорук // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2014. – № I-2 (17). – С. 28-33.
3. Наливайко, Т. Е. Искусственный интеллект в высшем образовании: анализ повышения мотивации студентов и эффективности усвоения профессиональных компетенций / Т. Е. Наливайко, В. В. Иванов // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2024. – № VIII (80). – С. 74-77.

Радь Э. А., Сивожелезова Е. А.
E. A. Rad, E. A. Sivozhelezova

БИБЛЕЙСКИЙ ТЕКСТ В СТРУКТУРЕ РОМАНА А. М. СТОЛЯРОВА «МИЛОСТЬ ГОСПОДНЯ»

THE BIBLICAL TEXT IN THE STRUCTURE OF A.M. STOLYAROV'S NOVEL «THE MERCY OF THE LORD»

Радь Эльза Анисовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Уфимского университета науки и технологий, Стерлитамакский филиал (Россия, Стерлитамак); Стерлитамак, пр. Ленина, 49; тел. 8(347)320-10-55. E-mail: Elza_rad@mail.ru.

Elza A. Rad – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor, Russian Language and Literature Department, Ufa University of Science and Technology, Sterlitamak Branch (Russia, Sterlitamak); Sterlitamak, 49, Lenin Ave.; tel. 8(347)320-10-55. E-mail: Elza_rad@mail.ru.

Сивожелезова Екатерина Андреевна – учитель русского языка и литературы средней общеобразовательной школы № 11 имени Героя Советского Союза Ахтямова Хасана Багдеевича (Россия, Салават); г. Салават, Школьный переулок, 7; тел. 8(3476)35-44-23. E-mail: sivozelezowa@yandex.ru.

Ekaterina A. Sivozhelezova – Teacher of Russian Language and Literature, Secondary School № 11 named after Hero of the Soviet Union Akhtyamov Hasan Bagdeevich (Russia, Salavat); Salavat, Shkolny pereulok, 7; tel. 8(3476)35-44-23. E-mail: sivozelezowa@yandex.ru.

Аннотация. В статье исследуется роль библейского текста, функционирующего как система аллюзий, цитат и символов в структуре романа А. Столярова «Милость Господня». Философская глубина произведения, затрагивающего социокультурные проблемы современности, достигается как за счёт прямого и косвенного обращения к произведениям русской литературы XIX века, так и за счёт прямых и косвенных аллюзий на тексты Священного Писания. Авторские нарративные стратегии в организации сюжета и образности позволяют подвести читателя к пониманию природы человеческой души, её слабостей и возможностей, пути к духовному возрождению. Представлены лишь некоторые примеры реализации сложной и объёмной темы. Через осмысление апокалиптических ситуаций и характеристики персонажей постигается идейное содержание философско-религиозного произведения, в котором библейский текст выполняет различные функции – от организации сюжета до деконструкции религиозных догм. В работе использованы следующие методы исследования: структурно-семиотический, историко-культурологический, герменевтический.

Summary. The article examines the role of the biblical text, functioning as a system of allusions, quotations and symbols in the structure of A. Stolyarov's novel «The Mercy of the Lord». The philosophical depth of the work, which touches on the socio-cultural problems of modern times, is achieved both through direct and indirect references to the works of Russian literature of the 19th century, and through direct and indirect allusions to the texts of Holy Scripture. The author's narrative strategies in organizing the plot and imagery allow the reader to understand the nature of the human soul, its weaknesses and capabilities, and the path to spiritual rebirth. Here are just some examples of the implementation of a complex and voluminous topic. Through the comprehension of apocalyptic situations and characterization of characters, the ideological content of a philosophical and religious work is revealed, in which the biblical text performs various functions: from the organization of the plot to the deconstruction of religious dogmas. The following research methods are used in the work: structural-semiotic, historical-cultural, hermeneutic.

Ключевые слова: библейские аллюзии, апокалиптика, религиозно-философский роман, архетипы, экзистенциальный выбор.

Key words: biblical allusions, apocalypticism, religious and philosophical novel, archetypes, existential choice.

УДК 821.161.1

Роман современного российского писателя А. М. Столярова «Милость Господня» (2024) представляет собой сложное художественное полотно, синтезирующее элементы христианской традиции, апокалиптической прозы и социальной сатиры. Центральным структурным и смысловым стержнем произведения выступает библейский текст, функционирующий как система аллюзий, цитат и символов. Эти элементы не только формируют сюжетную архитектуру, но и задают философскую глубину в рассмотрении вечных вопросов добра и зла, милосердия и искупления.

В романе автором используются прямые и косвенные аллюзии как на тексты Священного Писания, так и на предшествующие художественные тексты для углубления психологической и философской составляющей сюжета и проработки вечных тем добра и зла, милосердия и искупления. Аллюзия служит определённым «мостом», соединяющим предыдущее со следующим, и представляет собой способ обращения к прошлому, осмысления и категоризации знаний о мире.

В структуре романа «Милость Господня» встречаются такие разновидности аллюзий, как антропонимы, космонимы, мифологические, библейские, исторические, литературные и другие реалии, а также аллюзии в виде цитат, контаминаций, реминисценций. Обозначим основные структурно-тематические моменты, поддержанные библейским текстом и образностью.

Библейские аллюзии как нарративная основа

А. Столяров использует прямые и косвенные отсылки к Священному Писанию, создавая межтекстовый диалог. Например, сюжетная линия «исполнения желаний через молитву» отталкивается от евангельского «Просите, и дано будет вам» (Мф. 7:7) [1], но трансформируется в катастрофический парадокс. Глобальная «Смута» с её эпидемиями, засухами и нашествием саранчи (отсылка к казням египетским – Исх. 10:12-15, Откр. 6:8 [1]) становится метафорой божественного суда над погрязшим в грехах человечеством.

Через прямые цитаты из книг Священного Писания, библейские образы и ситуации автор реконструирует традиционные ценности и ставит под сомнение ценности современности с её общей тенденцией к овеществлению и материализации, побуждая читателей задуматься о человеческом бытии, месте и статусе всего существующего в мире.

Согласно библейской мифологии, Божья карающая мера («...И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы. И сказано было ей, чтобы не делала вреда траве земной, и никакой зелени, и никакому дереву, а только одним людям, которые не имеют печати Божией на челах своих. И дано ей не убивать их, а только мучить пять месяцев...» (Откр. 9) [1]) в столяровском романе представлена в виде мутационного создания, поглощающего всё на своём пути, символизирующего не только кару, но и экологическую катастрофу, спровоцированную самим человеком: «В беспамятстве бежало от них всё живое: если такая туча опускалась на землю, то не оставалось после неё ничего – ни листика, ни былинки, ни корней в дёрне, лишь мёртвая крошащаяся почва, бледные скелеты деревьев, лишённых даже коры, кости зверей, птиц, а то и людей, не успевших уйти» [2, 6].

Апокалиптические образы («пыльные бури», «голод», «Великая Смута» [2, 22-25]) войнами, эпидемиями и социальным коллапсом перекликаются с Откровением Иоанна Богослова: «И вышел дым из кладезя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладезя» (Откр. 9:2) [1]. Однако у А. Столярова апокалипсис лишён эсхатологической надежды, становясь метафорой антропологического кризиса.

А через историю нахождения младенца, отсылающую читателя к библейскому повествованию о Моисее, скрытом в тростниках, и рождении Христа, реализуется в романе библейская идея спасения человеческого рода, отпавшего от Бога. Младенец символизирует надежду на возрождение: человечество будет спасено, ибо на смену тёмным, разрушительным обстоятельствам приходит свет: «Гнев за мгновение, благодать на всю жизнь; вечером пребывает плач, а утром веселится» (Псалом 30:6) [1].

А. Столяров интегрирует прямые цитаты из Писания в диалоги и внутренние монологи персонажей. Например, молитва о дожде [2, 39-40] включает фрагмент из молитвы Филофея Кон-

стантинопольского. В то же время автор иронизирует по поводу формального следования религиозным обрядам, изображая механическое повторение молитв персонажами, не вникающими в их смысл («слова... бесплотными пузырьками всплывают к небу» [2, 14]). Умело обращается писатель к различным религиозным текстам и образам. Например, упоминание о «первом Вселенском соборе» и обсуждение арианства говорит о тяжёлых исторических конфликтах в христианстве, которые также отражают внутренние противоречия персонажей и их борьбу с собственными грехами и сомнениями [2, 29].

Образ отца Доминика, объясняющего смысл существующих ересей, ассоциируется в читательском сознании с образом ветхозаветного учителя, призывающего к мудрости и осознанию собственной веры. Его дискуссии о Боге и понимании искупления на фоне современного хаоса создают напряжённость и иллюстрируют внутренний конфликт между Священным Писанием и современными реалиями [2, 29]. Размышления о Боге и обращения к нему от имени разных персонажей носят смысло- и структурообразующее значение [2, 220, 256, 272-273, 280].

Персонажи как библейские архетипы

Герои романа представляют собой архетипические модели, переосмысленные сквозь призму современности.

Иван – центральный герой – воплощает архетип «избранника», чья судьба связана с сакральной миссией. Его имя отсылает к Иоанну Крестителю, предтече, чьё рождение также сопровождалось чудесами (Лк. 1:57-66) [1]. Подобно библейскому пророку, Иван становится свидетелем трансцендентного: он видит «озёрную деву», противостоит нечисти и в финале обретает дар исцеления. Однако его путь лишён однозначности: он балансирует между святостью и грехом, что подчёркивает человеческую природу героя. Духовные искания Ивана (аскеза, поиск божественного откровения) отсылают к сорокадневному посту Христа (Мф. 4:1-11) [1].

Марика, обладающая магическими способностями, сочетает в себе черты Марии Магдалины и ведьмы из Аэндора (Цар. 28:7-25) [1]. Её способность «воскрешать» природу («смятые былинки медленно выпрямляются» [2, 11]) символизирует надежду на возрождение, но двойственность её образа подчёркивает размытость границ между добром и злом.

Иван и Марика проходят путь от сомнения к откровению, что перекликается с историями Иова или апостола Петра. Духовные искания Ивана, его попытки «ощутить Бога» через аскезу (в главе 3) напоминают сорокадневный пост Христа в пустыне (Мф. 4:1-11) [1]. При этом автор избегает прямолинейной дидактики, подчёркивая амбивалентность божественного вмешательства: «Когда боги хотят погубить человека, они исполняют его желания» [2, 3].

В первой главе, когда главные герои Иван и Марика пробираются по тёмной лестнице, угадываются библейская символика конца света, когда в мире царят беспорядок и хаос, и аллюзия на блуждание евреев по пустыне в поисках земли обетованной (Исх. 19:11) [1]. Темнота лестницы и страх перед «пауками» символизируют не только физический, но и духовный страх, сопряжённый с мотивами греха и искушения. В боязни Марикой пауков воплощён страх человечества перед злом, которое, согласно Библии, обитает в мире.

Аллюзия на библейских демонов и духовные испытания, через которые проходят главные герои, подобно тому как Иисус искушается дьяволом в пустыне (Мф. 4:1-11; Мк. 1:12-13) [1], заключена в образе устрашающего существа Йернода [2, 11], которому противостоит Марика, воплощая традиционную для Библии борьбу добра со злом.

К библейским мотивам искушения и стремления к свободе ассоциативно отсылает читателя эпизод неудавшегося побега Марики и Ивана из приюта. Подобно библейским героям-праведникам, Иван и Марика сталкиваются с представителями «тьмы» – Цугундером и Хорем. Хорь и другие антагонисты главных героев воплощают дьявольские искушения. В ритуале крещения жабы [2, 9], на наш взгляд, спародированы христианские обряды, а болезнь и исцеление Хоря [2, 20] отсылают к истории Иова, чьи страдания стали испытанием веры. Крест, упомянутый в разговоре с Хорем и Кусакой, служит символом христианской идентичности, искупления и духовной борьбы.

Мотив искупления в сюжетной линии Ивана, взявшего на себя ответственность за проклятие и изменившего свою судьбу, содержательно и функционально близок христианскому понятию искупления через страдания и покаяние: «Благословляющий тебя благословен, и проклинаящий тебя проклят!» (Числа 24:9) [1].

Борьба света и тьмы внутри и вовне выступает ключевой характеристикой динамики отношений Марики и Ивана, что согласуется с библейской концепцией веры и безверия, и охватывает широкий круг персонажей романа: наместник Хорь, обманщик и манипулятор, ассоциативно напоминает библейского Иуду; Иван в вопросах веры и религиозной идентичности проживает сложную внутреннюю жизнь, полную сомнений, противоречий и метаний, что позволяет провести параллель между искушениями Ивана и искушениями Христа. Сожжение и самосожжение на костре в финале произведения напоминают библейские суды и распятие Иисуса Христа. Страдания Ивана и обращение «Господи, если Ты есть...» так, как обращался Иисус к Богу в Гефсиманском саду, вызывают в читателе сопереживание и ассоциативные аналогии со страданиями Христа. Имеются в виду страдания, когда Иван поднимается на костёр и просит о спасении Марики. Этот эпизод отсылает к традиции жертвоприношения из библейской истории, где человек волен выбирать между грехом и искуплением. «Господи, если Ты есть, если Ты действительно существуешь, если Ты слышишь нас, если наблюдаешь за нами, если Ты, как мы верим, всемилостив и всеблаг, если Имя Твоё в самом деле начертано внутри наших сердец, то я прошу Тебя, Господи: прими её душу к себе, освободи её, омой слезами прощения...» [2, 270]. Мотив жертвоприношения – один из сюжетобразующих в тексте – сопряжён с размышлениями о жизни и смерти.

Пространство и символы: библейская топография

Пространственная организация романа строится по принципу библейской топографии и с использованием библейских антитез. Так, приют, где растёт Иван, символизирует «Вавилон» – место духовной слепоты и разложения. А его гибель от наступления болота и чертополоха [2, 10] отсылает к падению Содома (Быт. 19:24-25) [1], места духовного разложения. В противовес этому «Белое Царство» Марики [2, 10] есть не что иное, как утопический образ Рая (Эдема), где «лев и ягнёнок мирно живут друг с другом» (Ис. 11:6) [1].

А в Ведьмином лесу (кульминационная сцена главы 2) – месте жертвоприношения – переплетаются мотивы Эдема и Гефсиманского сада. Ритуал жертвоприношения Марики [2, 39] отсылает к истории Авраама и Исаака (Быт. 22:1-19) [1], но отсутствие божественного вмешательства подчёркивает жестокость мира.

Диалог с религиозной традицией: деконструкция и переосмысление

В романе затрагивается тема кризиса религиозных институтов. Коррумпированные монастыри и лицемерные духовники (например, архимандрит Авенир) воплощают фарисейство, осуждённое Христом: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры!» (Мф. 23:27) [1]. Однако автор не отрицает веру как таковую, противопоставляя формализму личный мистический опыт. Сцена дождя [2, 41], где благодать достигается через единение Ивана и Марики, параллельна нисхождению Святого Духа на апостолов в Пятидесятницу (Деян. 2:1-4) [1].

Язык и стиль произведения

Особую роль играет язык произведения. Архаизированная лексика («серафимиты», «исихия») контрастирует с просторечием («на хрен», «чёрт»), отражая конфликт сакрального и профанного. Парадоксальные метафоры («Бог есть Великое Ничто» [2, 30]) отсылают к апофатическому богословию, подчёркивая непостижимость божественного. Апофатическое богословие – часть богословия как учения о «Бог в Самом Себе», утверждающего несоизмеримое превосходство нетварного Божества над созданным Им миром.

В связи с этим отметим, что в третьей главе романа содержится эпизод, требующий, на наш взгляд, отдельного комментария, ибо он также несёт важную смысловую нагрузку и тоже отсылает к «чужому» – библейскому – тексту. Внимательно слушая выступление Патриарха о причине гибели мира: человеческих грехах, дьявольском порождении эпохи – интернете, о православии, способном спасти мир, о россиянах – соли земли [2, 47] – Малька чётко идентифицирует конкрет-

ный библейский текст, на который опирается в своём выступлении Патриарх («Матфей пять тринадцатый»), согласно которому «соль земли» – это верующие.

Россия, граничащая с Богом, и Россия, заполонённая разной нечистью, вертикаль современного мира, контрастный образный строй которого потенциально содержит мысль о непостижимости божественного, вечной устремлённости к нему, спасении душ, вновь перекликающуюся с библейским нарративом о рождении Христа.

Итак, роман Андрея Столярова «Милость Господня» – произведение, в котором проведены глубокие параллели между библейскими мотивами и актуальными социокультурными проблемами современности. Используя многочисленные аллюзии на библейские тексты и создавая межтекстовые переключки, автор в своём религиозно-философском романе погружает читателя в размышления о самых важных вопросах бытия: о добре и зле, искуплении и спасении, свободе выбора и духовной ответственности. Библейские образы и мотивы, представленные в виде аллюзий и прямого «чужого текста», позволяют лучше понять внутренние противоречия персонажей, их стремление к искуплению и поиску смысла в мире, полном страданий и кризисов. Читатель оказывается вовлечённым в глубокую дискуссию о природе человеческой души, о её слабостях и возможностях, о том, как искусство может освещать пути к духовному возрождению.

Библейский текст в романе «Милость Господня» выполняет различные функции – от организации сюжета до деконструкции религиозных догм. А. Столяров не просто цитирует Писание, но вступает с ним в диалог, ставя вопросы о природе веры, свободе выбора, ответственности человека и границах божественного вмешательства. Через апокалиптические образы и архетипических персонажей автор рисует мир на грани духовной катастрофы, где единственным спасением остаётся милость – не как догма, а как экзистенциальный акт человеческой воли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Синодальный перевод // Библия онлайн. – URL: <https://bible.by/syn/> (дата обращения: 14.03.2025). – Текст: электронный.
2. Столяров, А. М. Милость Господня: роман / А. М. Столяров. – М.: Время, 2024. – 288 с.

Смирнова И. И.

I. I. Smirnova

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ОТОБРАЖЕНИЯ ОБРАЗА РЕБЁНКА В ХОРРОР-ЖАНРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ)

SOCIOCULTURAL ASPECTS OF THE FORMATION AND REPRESENTATION OF A CHILD'S IMAGE IN THE HORROR GENRE (BASED ON LITERARY TEXTS)

Смирнова Ирина Игоревна – аспирант Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); тел. 8(984)284-26-13. E-mail: Originalcom@yandex.ru.

Irina I. Smirnova – Postgraduate Student, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); tel. 8(984)284-26-13. E-mail: Originalcom@yandex.ru.

Аннотация. В статье проводится анализ социокультурных аспектов формирования и отображения образа ребёнка как источника ужаса в хоррор-жанре. Анализ хоррор-нарративов позволит выявить ключевые темы, связанные с семейными отношениями, такие как абьюзивные родители, токсичные семейные отношения и гиперопека. Эти аспекты могут отражать страхи, связанные с родительством и семейной жизнью. Автор приводит ключевые формы, в которых дети предстают как источник ужаса: одержимость, подменыш, призрак, рождение монстра, посредник сил зла. Исследуется, как культурные, исторические и социальные контексты влияют на восприятие и интерпретацию образа ребёнка в англоязычных и русскоязычных произведениях. Рассматриваются конкретные примеры отображения образа ребёнка как источника ужаса в художественных текстах двух российских авторов: А. Старобинец и Д. Бобылевой. Делается вывод, что нарративы о злых детях стремятся подтвердить основополагающую невинность детей, используя сверхъестественные элементы, которые освобождают их от ответственности за злодеяния.

Summary. The article analyzes sociocultural aspects of the formation and representation of a child as a source of horror in the horror genre. Analyzing horror narratives will reveal key themes related to family relationships, such as abusive parents, toxic family dynamics, and overprotection. These aspects may reflect fears associated with parenting and family life. The author identifies key forms in which children appear as sources of horror: possession, changeling, ghost, the birth of a monster, and as intermediaries of evil forces. The study explores how cultural, historical, and social contexts influence the perception and interpretation of the image of a child in English-speaking and Russian-speaking works. The article examines specific examples of the representation of a child as a source of horror in the literary texts of two Russian authors, A. Starobinets and D. Bobyleva. The conclusion is that narratives about evil children tend to affirm the fundamental innocence of children by employing supernatural elements that absolve them of responsibility for their misdeeds.

Ключевые слова: хоррор-жанр, образ ребёнка, русский хоррор, литература ужасов.

Key words: horror genre, image of a child, Russian horror, horror literature.

УДК 130.2

Жанр хоррора отражает страхи и волнения современного общества, находя своё выражение в культурных трендах и в то же время являясь их отражением. Исследование страхов общества через призму хоррор-произведений представляет собой перспективный подход к выявлению возможных причин демографического кризиса. В последние десятилетия наблюдается значительное влияние феминистских идей и концепции чайлдфри на восприятие семейных отношений, что, в свою очередь, может способствовать снижению рождаемости и изменению традиционных представлений о материнстве.

С середины XX века наблюдаются кардинальные изменения в институтах семьи, брака и материнства. Изменение общественных норм и стереотипов о роли женщины в обществе дало начало новым жизненным целям современной женщины – стремлению получить высшее образо-

вание и построить карьеру, обеспечить себе финансовую независимость и реализовать личные амбиции. И поскольку вышеупомянутые цели требуют серьёзных затрат времени и ресурсов, многие женщины начинают осознанно отказываться от рождения детей или откладывают этот шаг на более поздний срок. Это подтверждается исследованиями, которые подчёркивают значимость личных амбиций и стремления к независимости в жизни современных женщин [5], что вызывает определённые опасения, т. к. способствует демографическому кризису, который угрожает устойчивости общества.

С изменением социальных норм и ценностей меняются также взгляды на воспитание детей. Анализ хоррор-нарративов позволит выявить ключевые темы, связанные с семейными отношениями, такие как тема абьюзивных родителей, токсичных семейных отношений и гиперопеки, а также поднять важные вопросы о границах родительской ответственности и психологическом благополучии детей. Эти аспекты могут отражать страхи, связанные с родительством и семейной жизнью, что может способствовать нежеланию женщин вступать в брак или заводить детей. Понимание этих страхов и их корней является важным шагом к разработке эффективных стратегий, направленных на укрепление института семьи и пропаганду образа счастливого материнства.

Преподаватель университета Иллинойса Тони Уильямс утверждает, что семья долгое время служила ключевым пространством для современного жанра ужасов, поскольку нуклеарная семья «порождает паранойю по поводу внешних угроз своей целостности, а также является местом психосексуального развития» [17]. Аналогичным образом американский теоретик кино и медиа Вивин Собчак утверждает, что фильмы ужасов после «Ребёнка Розмари» (1968) тематически сместились от темы чудовищных детей (симптома «разрыва поколений» 1960-х годов) к теме чудовищных родителей (а-ля «Сияние» (1980)) [16]. Эти два часто цитируемых предшественника постхоррор-фильмов демонстрируют родство современных ужасов с тревогами семейной мелодрамы по поводу угроз продолжению рода. Американский философ, искусствовед, теоретик кино Н. Кэрролл связывает возникновение демонических детей с трудностями взросления демографически нестабильного послевоенного поколения. По его мнению, «циклы ужасов, скорее всего, возникают в периоды выраженного социального стресса, во время которых произведения ужасов служат для выражения преобладающей проблемы». Из чего следует, что можно объяснить востребованность определённого «цикла ужаса», «выделив источники социального стресса и тревог, с которыми этот цикл коррелирует» [8, 209].

Идеология чайлдфри представляет собой осознанное решение оставаться бездетным, что зачастую обусловлено личными, экономическими и экологическими факторами. Данная концепция отражает несколько ключевых изменений в общественных ценностях:

1. Сдвиг в восприятии семейных структур, где традиционные роли родителей и детей подвергаются сомнению.
2. Экономические соображения: увеличение расходов на воспитание детей, что заставляет многих людей рассматривать альтернативные жизненные пути.
3. Культура экологии и экологичного потребления: осознание последствий перенаселения и его влияния на окружающую среду, что также способствует отказу от родительства.

Движение чайлдфри значительно повлияло на культурные нарративы, что привело к переоценке детства и родительства в различных средствах массовой информации, включая литературу и кинематограф. Это влияние можно выделить в следующих аспектах:

1. Вызов традиционной точке зрения: растущее принятие образа жизни без детей бросает вызов традиционному нарративу, который связывает удовлетворение от жизни с родительством. Это создаёт новые возможности для обсуждения альтернативных форм жизни и отношений.
2. Отказ от материнства может вызывать страх перед социальным крахом и потерей идентичности, что находит своё отражение в более мрачном изображении детей в литературе ужасов. В таких произведениях дети могут восприниматься не только как невинные жертвы, но и как потенциальные источники угрозы.

Исследованность. Образ пугающего ребёнка в хоррор-жанре широко исследован в западном научном сегменте, особенно в американском. На английском языке доступно множество ста-

тей, монографий и исследований: Adrian Schober, *Possessed Child Narratives in Literature and Film* (2004) [15], Ellen Pifer, *Demon or Doll: Images of the Child in Contemporary Writing and Culture* (2000) [12], Dominic Lennard, *Bad Seeds and Holy Terrors: The Child Villains of Horror Films* (2014) [11], Andrew Scahill, *The Revolting Child in Horror Cinema: Youth Rebellion and Queer Spectatorship* (2015) [14], T. S. Kord, *Little Horrors: How Cinema's Evil Children Play on Our Guilt* (2016) [10], Markus Bohlmann, Sean Moreland, *Monstrous Children and Childish Monsters: Essays on Cinema's Holy Terrors* (2015) [7], Karen J. Renner, *Evil Children in the Popular Imagination* (2016) [13], Simon Bacon, Leo Ruickbie, *Little Horrors: Interdisciplinary Perspectives on Anomalous Children and the Construction of Monstrosity* (2016) [6] и другие.

Российские научные исследования слабо освещают эту тему. В работе профессора и доктора философских наук А. Г. Некиты «Голливудская инфернальная идеология в поисках новых символических топосов» [3] рассматривается связь образа дьявола с образом ребёнка. Исследования, касающиеся пугающих детей в литературе, часто охватывают не жанр ужасов, а сосредотачиваются на фольклорных подменышах или на темах рождения чёрта или Антихриста, как, например, в работе российского филолога А. А. Панченко «Почему родился чёрт: сюжет о коммунистесвятотатце, новорождённые монстры и границы религиозной дидактики» [4]. Образ пугающего ребёнка в русском хорроре также недостаточно описан даже в популярной публицистике; к таким публикациям можно отнести статью Алексея Абросимова «Цветы жизни» [1] и статью Елизаветы Масленниковой «Повелители мух» [2], в которой рассматриваются наиболее яркие детские персонажи-«инферно» в видеоиграх. Подобная малоизученность обуславливает актуальность данного исследования.

Каким образом дети представлены в современной литературе ужасов?

В произведениях жанра хоррор дети могут выполнять две основные роли: быть невинными жертвами или источниками зла. Первая роль привычна для детского персонажа, вторая более любопытна. Троп зловещих, пугающих детей являет собой целый поджанр хоррора, в который дети вносят дополнительный элемент страха, поскольку традиционно воспринимаются как носители чистоты и невинности. Это неожиданное отсутствие невинности вызывает у аудитории более глубокий уровень тревоги, пугает до глубины души.

Рассмотрим, каким образом фигура персонажа-ребёнка представлена в хорроре.

1. *Отсутствие детей* – вынужденная бездетность, чайлдфри и потеря ребёнка.

В некоторых повествованиях отсутствие детей или выбор оставаться бездетным является центральной темой, что предполагает культурную критику традиционной семейной структуры. Тема бездетности исследуется через призму невозможности иметь детей, бесплодия и потери ребёнка, которая может проявляться в различных формах, включая смерть, похищение или трансформацию. Как пишет профессор дискурсов сексуальности в Бирмингемском университете Лиза Даунинг, повторяющийся троп потерянного ребёнка обретает культурную значимость, поскольку бездетность воспринимается как оскорбление доминирующей идеологии, обозначенной как «репродуктивный футуризм» американским литературным критиком Ли Едельманом. Эта идеология акцентирует внимание на личном и социальном воспроизводстве, воплощённом в символе Ребёнка. В данном контексте бездетность рассматривается как угроза, ставящая под сомнение конечность семейной линии [9, 48].

Из всего вышеперечисленного в хорроре чаще всего представлена именно потеря ребёнка, которая может быть представлена нарративом как нечто абсолютно ужасающее или нечто, что освобождает героев.

2. *Дети как источник ужаса*.

В контексте идеологии бездетности дети часто символизируют общественные тревоги относительно будущего и ответственности родительства.

Современная литература ужасов часто изображает детей не только как невинных жертв, но и как источник ужаса, отражая общественные страхи по поводу воспитания детей. Это включает в себя страх того, что ребёнок может стать чудовищем в результате ошибок его родителей или пагубного влияния со стороны. Главные герои, как правило, не способны противостоять ребёнку

традиционными способами, поскольку склонность взрослых защищать детей делает маловероятной возможность смертельной конфронтации.

Первоначально дети как источник ужаса предстали в американском кинематографе во времена бэби-бума, примерно с 1946 по 1964 год, период, который характеризовался значительным ростом рождаемости. К. Дж. Реннер выделяет несколько причин, породивших этот феномен:

- увеличение детской преступности в данный период и освещение этого средствами массовой информации и популярной культурой ещё больше усилили тревогу по поводу подростков;
- подростковая культура впервые вышла на первый план, свергнув взрослый мир;
- появление новых форм массовых развлечений, таких как радио, телевидение, рок-музыка и комиксы, породило опасения по поводу потенциального опасного влияния, которое могло бы развратить молодые умы [13].

Ранние произведения, посвящённые теме пугающих детей, преимущественно представляли собой короткие рассказы, такие как «Маленький убийца» Рэя Брэдбери и «Рожденный женщиной и женщиной» Ричарда Мэтисона, а также романы, например, «Скрюченный домишко» Агаты Кристи, «Повелитель мух» Уильяма Голдинга и «Кукушки Мидвича» Джона Уиндема, многие из которых были экранизированы.

В 1960-х годах к теме обратились такие известные авторы, как Ширли Джексон и Джойс Кэрол Оутс, однако именно роман «Ребёнок Розмари» Айры Левина и его экранизация значительно популяризировали жанр. Этот успех породил большое количество романов о пугающих детях в 1970-х годах, включая «Изгоняющего дьявола» и «Другого», которые были экранизированы. Энн Райс начала свою карьеру с романа «Интервью с вампиром», в котором фигурирует ребёнок-вампир Клодия. Стивен Кинг ещё больше продвинул троп в массовую культуру такими произведениями, как «Кэрри» и «Дети кукурузы», которые также были экранизированы. Эта волна романов ужасов превратила троп о пугающих детях в распространённую тему массовой литературы ужасов [13].

Рассмотрим несколько ключевых форм, в которых дети предстают как источник ужаса.

1. Одержимый ребёнок. Демоны в фильмах часто нацеливаются на детей, потому что их легче контролировать и они имеют над ними власть совершать свои злые деяния. Дети представляются как уязвимые существа, что делает их идеальными жертвами для сил зла. Эта форма часто вызывает в зрителе чувство беспомощности, т. к. демон использует невинность ребёнка, чтобы реализовать свои тёмные намерения.

2. Подменыш. Подменыши – это дети, которых заменили на нечто иное, например, на монстров или существ, пришедших из другого мира. Эта форма ужасает тем, что ставит под сомнение идентичность ребёнка.

3. Призрак. Призраки детей часто представляют собой неразрешённые трагедии и недосказанности. Они олицетворяют страх перед потерей ребёнка и чувство вины. Призраки могут быть как мстительными, так и беззащитными, и они привносят в нарратив элементы сожаления, подчёркивая, что дети могут оставаться в нашем сознании даже после своей смерти.

4. Рождение монстра. Различные нарративы историй о рождении монстра описывают пагубное влияние матерей, генетическое влияние отцов и способы, которыми научное вмешательство может превзойти и то, и другое. Троп может отражать страх нежелательной беременности или страх перед развитием у плода патологий. Ещё одним видом рождения монстра является рождение Антихриста.

5. Посредник сил зла. Ребёнок, по каким-либо причинам полный ненависти к окружению, вступает в контакт со сверхъестественным существом и использует его силу для выполнения своих, как правило, кровавых желаний. Эта форма схожа с одержимостью, однако ключевым различием обычно является то, что ребёнка на тёмный путь толкает плохое отношение к нему семьи или окружения.

Доцент кафедры английского языка в Северном Аризонском университете К. Дж. Реннер утверждает, что популярность такого тропа связана с тем, что «в 1970-х годах женщины боролись за право на аборт и равенство на рабочем месте, права, которые, по мнению многих феминисток, были

неразрывно связаны» [13], и в то же время общество испытывало дискомфорт от идеи, что женщины могут в конечном итоге полностью отказаться от роли матери. Однако современные версии этих нарративов имеют другую цель: «они ставят под сомнение культ интенсивного материнства, который возник после середины 1990-х годов», «Матери сегодня вызывают страх своим чрезмерным материнством, “жаждой детей” и производством детей, которые также ненасытны» [13].

Рассмотрим образы пугающих детских персонажей в русской хоррор-литературе, обратившись к работам двух известных писательниц в хоррор-жанре: Анны Старобинец и Дарьи Бобылевой.

Анна Старобинец «Переходный возраст»

Повесть Анны Старобинец «Переходный возраст» была награждена премией «Нокт» от испанской Ассоциации писателей хоррора в 2013 году. В повести рассказывается история достаточно типичной российской семьи: матери-одиночки и её детей-близнецов, брата и сестры, живущих в небольшой квартире в Подмоскowie. Однажды после прогулки на природе мальчику Максиму что-то попало в ухо и он сильно заболел. После того как он выздоровел, мать и сестра начали замечать изменения в поведении мальчика. К выпускному классу он превратился в толстого, неповоротливого подростка, который хранил в своей комнате большие запасы сахара, тащил все сладости, которые только мог найти, плохо пах, грубо себя вёл. Он стал неприятным и странным, и однажды мать увидела, как по нему ползёт муравей. Повесть отсылает к слепой материнской любви и к нарастающему безразличию матери по отношению к странностям сына. Героиня сетует на абстрактный «переходный возраст», надеясь, что всё пройдёт само собой, не подозревая, что на самом деле тело и разум её ребёнка захватили разумные муравьи и их королева. Тело Максима не может выдержать продолжительного нахождения в нём муравьиной колонии, поэтому королеве необходимо найти новое пристанище для выведения потомства – её выбор падает на сестру мальчика. Максим похищает сестру, в лесу насильственно вступает с ней в запретную связь, и, породив новое поколение, они оба погибают. В конце героиня обнаруживает тела своих детей и их потомство, принимая на себя роль матери-бабушки и продолжая заботиться о потомстве своих детей.

В повести находит отражение образ одержимого ребёнка и затрагивается ряд архетипических страхов: страх того, что ребёнок вырастет чудовищем, страх перед его изменениями (упомянутый переходный возраст), страх того, что под личиной близкого человека прячется что-то чужое и страшное, а также страх перед смертью ребёнка (как душевной, так и физической).

Анна Старобинец «Резкое похолодание»

Сборник рассказов писательницы «Резкое похолодание» был опубликован в 2008 году. Главная героиня – девочка Соня – нелюбима родителями и не дружит со сверстниками. Единственным другом девочки является «волшебница», обитающая в снежной горе. Соня делится с «волшебницей» своими печалью и пишет на листке свои вопросы и желания. В ходе сюжета девочка просит «волшебницу» убить свою одноклассницу, и та выполняет это желание. Хотя источник ужаса в первую очередь являет собой волшебница (которая является неупокоенным духом женщины), главная героиня может рассматриваться как посредник сил зла – ребёнок, который водит дружбу с «ужасным». Соня испытывает ненависть к родителям, одноклассникам и окружающим, желая им смерти. «Ведьма» – пожилая женщина, чьего сына убили родители героини – постоянно говорит, что родители Сони не люди, что у них и неё нет души, и что кровь девочки в конечном счёте замёрзнет (на протяжении повествования героиня постоянно испытывает лёгкое обморожение). Это может символизировать страх перед тем, что дети унаследуют негативные черты своих родителей.

Дарья Бобылева «Вьюрки»

Роман Дарьи Бобылевой «Вьюрки» вышел в популярной хоррор-серии «Самая страшная книга» и был удостоен премии «Мастера ужасов».

Жители дачного посёлка Вьюрки в один из дней обнаружили себя полностью изолированными от внешнего мира, и в их «загородном раю» начали происходить загадочные, а порой и пугающие события. Вечное «райское» лето несло в себе нечто чуждое, иномирное; люди, пытавшиеся покинуть посёлок, исчезали, а на их место приходили подменыши, внешне похожие, но отли-

чающиеся, «иные». Троп пугающего ребёнка представлен неведомым зверем-людоедом, которым на самом деле являются два ребёнка-подменыша, внешний вид которых соответствует образу монстра: «бесформенные кожистые твари, на тушах которых толком разглядеть можно только огромные многозубые рты»; «их очертания странно плыли, руки и ноги растягивались, точно щупальца, тела распухали бесформенными мешками и снова сдувались в худенькое, детское». Несмотря на монструозность детей, их мать продолжает укрывать их у себя дома и подкармливать.

Ещё одна форма пугающего ребёнка представлена в игоше – монстре в славянской мифологии, являющемся душой некрещёного или мертворождённого ребёнка. Игоша воплощается в неуспокоенном призраке маленькой девочки, которая приходит ночью к одной из героинь романа – девочке Юле. На первый взгляд неуспокоенная девочка выглядит привычно: одета в грязно-белое кружевное платье, длинные русые волосы прикрывают глаза. Однако у игоши нет ног, она ползает по полу, шлепая ладонями, её рот длинный и лягушачий, «разломивший её личико почти до самых ушей», полный гнилых зубов, а ногти – «непомерно отросшие и пожелтевшие».

В романе представлены образы подменыша и призрака. Подменыш, который внешне напоминает обычного ребёнка, но на самом деле является монстром, символизирует страх утраты идентичности и подмены. Мать, продолжающая прятать своих детей-подменшей, отражает внутренний конфликт: она не в состоянии принять, что её дети стали чем-то иным, чем были раньше. Образ неуспокоенной девочки, которая является призраком, также связан с темой утраты. Мать игоши, случайно убившая свою дочь, не может смириться с её смертью и испытывает чувство вины.

Дарья Бобылева «Сынок»

Рассказ Дарьи Бобылевой «Сынок» входит в авторский сборник «Забытый человек», вышедший в 2022 году в серии «Самая страшная книга».

Главный герой – мальчик Антоша – помогает одинокой полоумной старушке. Порой происходят странности: то ключи Антоша потеряет, то ботинок окажется под шкафом, то мобильник не там, где был – всё это он списывает на старушкины причуды. Старушка постоянно упоминает своего «сынка»: «Видишь, как хорошо мне... А всё сынок, всё сынок, всё его благодарю, каждый день. Если б не он – ничего бы у меня не было»; «И кошечек приводила, и собачек. У сынка с ними не заладилось...»; «Ну я и решила: раз не любит он животных, так я больше и не буду, матери детишкам уступать должны. С тех пор никого не приводила, раз он не хочет, так и не буду». Поначалу Антоша думает, что сынок старушку просто бросил, затем приходит к мысли, что его никогда и не существовало. В итоге «сынок» нападает на Антошу, а старушка объясняет приехавшим на место медикам, что когда-то родила своего сына пятимесячным, но он быстро скончался. Она не смогла принять его смерть, поэтому положила его в холодильник, чтоб не портился, а затем просила Бога о том, чтобы её сын воскрес: «Одеяльце ему дала, подушечку, а сама у холодильника поклонься бью – Господи, воскреси, умеешь же...», – и он действительно начал двигаться. После чего продолжил жить в старушкином холодильнике, где у него есть кровать и еда.

Монструозный образ мёртвого ребёнка выстраивается следующим образом: «бесформенное существо цвета несвежего мяса», «маленькое личико с полупрозрачным носом-кнопочкой и совершенно чёрными неживыми глазами», «от существа пахло тухлятиной, кровью и гнилыми зубами». Как и в рассматриваемых ранее примерах, в описании ребёнка-монстра можно проследить обращение авторов к темам телесности, смерти, разложения и гниения.

Дарья Бобылева «Бабайка»

Мальчик Владя – «лишний» ребёнок, которого в семье никто не любит, и никому он по настоящему не нужен. После смерти бабушки мальчик смотрел на семейное фото и говорил «Отдайте деду. Деда мой»; «Деда приходи» – и что-то действительно пришло и начало выполнять деструктивные желания мальчика. «Я теперь страшный», – говорит своей маме маленький Владя, после того как по его хотению учительницу искусили осы, тетя Маша сломала ногу, бабушку увезли в больницу. Мать может лишь беспомощно спрашивать: «Володя, сынок, что ты имеешь в виду?» Здесь находит отражение страх перед тем, что ребёнок подвергнется плохому влиянию, а также тому, что из-за плохого отношения окружения и отсутствия любви ребёнок пойдёт по деструктивному пути. В конце подразумевается, что бабайкой на самом деле была его умершая

восьмилетняя сестрёнка Лика, «гроза няnek и любительница отрывать бабочкам крылья». Таким образом, помимо посредника сил зла, в рассказе присутствует образ ребёнка-призрака.

Кинематограф

Образ пугающего ребёнка является популярным тропом в киноискусстве. Настоящий бум фильмов данного типа наблюдается в американском кинематографе, где можно выделить такие произведения, как «Ребёнок Розмари» (1968), «Омен» (1976), «Дитя тьмы» (2009), «Дитя тьмы: первая жертва» (2022), «Изгоняющий дьявола» (1973), «Бабадук» (2014), «Няня» (2020), «Мзган» (2023), «Дети кукурузы» (1984, 2020), «Дети» (1980) и многие другие.

Российский хоррор-кинематограф не обладает такой же развитостью, как другие жанры кино. Тем не менее в России также существуют фильмы, в центре сюжета которых находятся пугающие дети, такие как «Мёртвые дочери» (2007), «Юленька» (2009), «Пустите детей» (2017), «Тварь» (2019). В российском кинематографе наблюдается большое следование западным трендам: короткометражный фильм «Пустите детей» основан на рассказе Стивена Кинга «Suffer the Little Children», «Тварь» сравнивают с европейскими хоррор-драмами, «Юленька» черпает вдохновение у «Дитя тьмы».

Вывод

К. Дж. Реннер делает вывод, что «нарратив о злых детях в значительной степени представляет собой серию попыток подтвердить основополагающую невиновность ребёнка... с помощью сверхъестественных элементов сюжета... которые освобождают ребёнка от ответственности даже за самые отвратительные поступки» [13, 12]. По её мнению, сверхъестественные элементы, такие как сатанинские гены и одержимость, освобождают детей от ответственности за их действия, приписывая отклонения таких детей внешним факторам: генетике, воспитанию, образованию и социальным условиям. Зло представляется не как врождённая черта, а как результат воздействия указанных факторов, а значит «злые дети» испорчены внешним воздействием и не несут собственной ответственности за совершённые поступки. Подобный нарратив имеет гуманистическую направленность, внося предположение, что анализ истоков детского зла может способствовать исправлению моральных недостатков взрослых. Выделяются различные категории злых детей, каждая из которых отображает разнообразные социальные проблемы и влияния, что в конечном итоге ведёт к более широкому исследованию вопроса о происхождении зла. Однако, несмотря на то что авторы изображают детей как жертв обстоятельств, подразумевается, что читатель будет ужасаться их действиям и ратовать за их смерть или изгнание: «Злого ребёнка нужно либо изгнать – вернуть в категорию Ребёнка – либо истребить, поскольку ему нет места в нашем мире» [13, 12].

Подобное изображение детей как жертв обстоятельств встречается и в российском хорроре. Интересно, что в рассмотренных нами произведениях, где ребёнок становится воплощением ужаса, родители, особенно матери, не стремятся отстраниться от него. Напротив, даже после превращения ребёнка в монстра они продолжают заботиться о нём, жертвуя собой и окружающими. С одной стороны, это можно интерпретировать как принятие материнства даже в самых сложных обстоятельствах. С другой стороны, авторы, возможно, демонстрируют ужасающий характер подобной жертвенности по отношению к детям.

В русской литературе троп пугающего ребёнка встречается реже, возможно, из-за отсутствия в России эпохи бэби-бума, который и породил этот троп в американской культуре.

Перспективные направления исследования: углублённое изучение способов изображения фигуры ребёнка, матери, отца и семьи в целом в современном хорроре, а также выявление отражаемых в нём страхов.

Кроме того, исследование хоррор-произведений может помочь в выявлении социальных и культурных факторов, способствующих демографическому кризису. Например, анализ образов женщин в хорроре может продемонстрировать, как общественные стереотипы и ожидания влияют на выбор жизненных путей, включая решение о материнстве. Это знание может быть использовано для создания программ, направленных на изменение общественного мнения и поддержку женщин в их стремлении к созданию семьи.

Таким образом, исследование страхов общества через изучение хоррор-произведений не только углубляет наше понимание культурных и социальных изменений, но и открывает новые горизонты для решения демографического кризиса. Укрепление института семьи и формирование позитивного образа материнства могут стать важными шагами в преодолении текущих вызовов, что требует комплексного подхода, основанного на анализе культурных нарративов и общественных страхов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абросимов, А. «Цветы жизни» / А. Абросимов // DARKERMAGAZINE.RU: онлайн-журнал ужасов и мистики: сайт, 2023. – URL: <https://darkermagazine.ru/page/cvety-zhizni> (дата обращения: 14.02.2025). – Текст: электронный.
2. Масленникова, Е. «Повелители мух» / Е. Масленникова // DARKERMAGAZINE.RU: онлайн-журнал ужасов и мистики: сайт, 2023. – URL: <https://darkermagazine.ru/page/poveliteli-muh> (дата обращения: 14.02.2025). – Текст: электронный.
3. Некита, А. Г. Голливудская инфернальная идеология в поисках новых символических топосов / А. Г. Некита // Учёные записки Новгородского государственного университета. – 2019. – № 7 (25). – С. 1-5.
4. Панченко, А. А. Почему родился чёрт: сюжет о коммунисте-святотатце, новорождённые монстры и границы религиозной дидактики / А. А. Панченко // Studia Litterarum. – 2018. – № 2. – С. 252-287.
5. Перова, А. П. Психологические особенности женщин-чайлдфри: современный взгляд / А. П. Перова, Ж. Ю. Кара // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – № 6. – С. 84-92.
6. Bacon, S., Ruickbie, L. Little Horrors: Interdisciplinary Perspectives on Anomalous Children and the Construction of Monstrosity / S. Bacon, L. Ruickbie. – 2016. – 239 p.
7. Bohlmann, M., Moreland, S. Monstrous Children and Childish Monsters: Essays on Cinema's Holy Terrors / M. Bohlmann, S. Moreland. – Jefferson, NC: McFarland, 2015. – 248 p.
8. Carroll, N. The Philosophy of Horror or Paradoxes of the Heart / N. Carroll. – New York, NY: Routledge, 1990. – 272 p.
9. Downing, L. On the fantasy of childlessness as death in psychoanalysis and in Roeg's Don't Look Now and von Trier's Antichrist / L. Downing // Lambda Nordica. – 2011. – Vol. 2, № 3. – P. 49-68.
10. Kord, T. S. Little Horrors: How Cinema's Evil Children Play on Our Guilt / T. S. Kord. – Jefferson, NC: McFarland, 2016. – 216 p.
11. Lennard, D. Bad Seeds and Holy Terrors: The Child Villains of Horror Films / D. Lennard. – Albany, NY: State University of New York Press, 2014. – 238 p.
12. Pifer, E. Demon or Doll: Images of the Child in Contemporary Writing and Culture / E. Pifer. – Charlottesville, VA: University of Virginia Press, 2000. – 240 p.
13. Renner, K. J. Evil Children in the Popular Imagination / K. J. Renner. – New York, NY: Palgrave Macmillan, 2016. – 216 p.
14. Scahill, A. The Revolting Child in Horror Cinema: Youth Rebellion and Queer Spectatorship / A. Scahill. – New York, NY: Palgrave Macmillan, 2015. – 232 p.
15. Schober, A. Possessed Child Narratives in Literature and Film / A. Schober. – 2004. – 206 p.
16. Sobchack, V. Bringing It All Back Home: Family Economy and Generic Exchange / The Dread of Difference: Gender and the Horror Film, ed. Barry Keith Grant / V. Sobchack. – Austin, TX: University of Texas Press, 1996. – P. 171-191.
17. Williams, T. Hearths of Darkness: The Family in the American Horror Film / T. Williams. – Jackson, MS: University Press of Mississippi, 2014. – 360 p.

Усанов И. Г., Усанов Г. И.

I. G. Usanov, G. I. Usanov

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ КУЛЬТУРЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

GENESIS AND EVOLUTION OF ENTREPRENEURIAL CULTURE

Усанов Илья Геннадьевич – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой «Экономика и коммерция» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск). E-mail: Ilya_Usanov1@mail.ru.

Ilya G. Usanov – PhD in Economics, Associate Professor, Head of Economics and Commerce Department, Far Eastern State Transport University (Russia, Khabarovsk). E-mail: Ilya_Usanov1@mail.ru.

Усанов Геннадий Иванович – доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика и менеджмент» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: Usanov_G@mail.ru.

Gennadiy I. Usanov – Doctor of Economics, Professor, Economics and Management Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: Usanov_G@mail.ru.

Аннотация. Работа посвящена анализу зарождения и эволюции культуры предпринимательства в мировой истории в контексте основных его сфер: производство, коммерция (торговля) и финансово-кредитное предпринимательство. Её отличительной особенностью является использование историко-культурологического подхода к исследованию практики хозяйствования с обширным применением понятийного, фактологического аппарата и методического инструментария социально-гуманитарных и экономических наук. Высокий уровень предпринимательской культуры является интегральным индикатором процветания нации. Он отражает эффективность организации социально-экономической жизни общества с первобытных времён до наших дней. Его использование на практике позволяет прогнозировать реальные возможности любого бизнеса и национальной экономики в целом и определить направления их совершенствования и развития.

Summary. The work is devoted to the analysis of the origin and evolution of entrepreneurship culture in world history in the context of its main spheres: production, commerce (trade) and financial and credit entrepreneurship. Its distinctive feature is the use of historical and cultural approach to the study of business practices with extensive use of concepts, factual apparatus and methodological tools of socio-humanitarian and economic sciences. High level of entrepreneurial culture is an integral indicator of prosperity of the nation. It reflects the effectiveness of the organization of socio-economic life of society from primitive times to the present day. Its use in practice allows us to forecast the real opportunities of any business and the national economy as a whole, and to determine the directions of their improvement and development.

Ключевые слова: предпринимательская культура, генезис и эволюция, методология становления и развития.

Key words: entrepreneurial culture, genesis and evolution, methodology of formation and development.

УДК 65.011.8

Понятие «культура» возникло в процессе эволюции человечества и стало предметом изучения во многих сферах человеческой деятельности. Для разных периодов развития общества характерны те или иные культурные признаки, проявляющиеся в письменности, обычаях, принципах коммуникации, методах решения общественных проблем и т. д.

Предметом исследования в настоящей статье выступает «культура предпринимательства» в контексте основных его сфер: производство, коммерция (торговля) и финансово-кредитное предпринимательство – которые напрямую связаны с успешностью развития нации. Культура предпринимательства – интегральный индикатор, который позволяет оценивать возможности как бизнеса, так и национальной экономики в целом.

Экономические реформы в России, непрерывно протекающие в последние 30 лет, направлены на реализацию современных подходов и методов организации предпринимательской деятельности, наработанных общемировой практикой хозяйствования и определяющих уровень развития предпринимательской культуры любой нации. Однако, несмотря на достигнутые определённые успехи, этот процесс всё ещё далёк от своего завершения. Подтверждением этого является ухудшение социально-экономических показателей страны. Сегодня Россия пытается сохранить свои лидирующие позиции в мире, несмотря на неблагоприятные внешние условия, санкционное давление и прочие проявления мирового политического кризиса. Последнее определяет актуальность и практическую полезность настоящего исследования, базирующегося на использовании историко-культурологического подхода. Для этого обратимся к истокам возникновения и развития культуры и методологии предпринимательства в мире.

Генезис (от греч. *genesis* – рождение) означает происхождение или историю зарождения, начало формирования какого-либо явления в окружающей действительности. В философии и культурологии под понятием генезис подразумевают истоки философских направлений, становление концептуальных направлений общественных воззрений и формирование научных школ в конкретной области знаний [1].

Культура – «это специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе» [2, 292].

В статье «Понятие и содержание предпринимательства» Б. Болор, рассматривая различные подходы и соответствующие им трактовки термина «предприниматель», в соответствии с представлениями классиков «Теории предпринимательства» Й. Шумпетером и П. Друкером констатирует: «Предприниматель должен проявлять инициативу, риск, новаторство и динамичность, реализующиеся в лучшей комбинации факторов производства с целью получения конечного результата – сверхприбыли... Предпринимательство выступает в качестве особого вида экономической активности, когда в деятельности его субъекта присутствует ярко выраженный поиск новых рыночных возможностей в удовлетворении общественных потребностей в товарах и услугах через организацию производительного процесса на основе предпринимательских решений» [17, 52, 57].

В этих ёмких и лаконичных определениях без труда обнаруживается связь культурологии, экономики и менеджмента. Эта связь, в первую очередь, проявляется через продукты коллективного труда, способы организации его производства и систему социальных норм и отношений в его распределении, являющихся предметом изучения культурологии. При этом способ организации хозяйственной жизнедеятельности с учётом ограниченности ресурсов и безграничности потребностей представляет собой не что иное, как вид экономической активности хозяйствующего субъекта, которому присущи инициатива, риск и новаторство, относящиеся к предмету изучения экономики и менеджмента. Исходя из этого, авторы работы ставили перед собой задачу изучить совокупную роль и влияние культуры и предпринимательства на успешность социально-экономического развития разных народов на различных этапах развития человечества.

История развития культуры предпринимательства берёт своё начало с момента возникновения человечества, когда экономико-управленческие науки ещё не сформировались в самостоятельные отрасли знаний, и изобилует сведениями, которые позволяют выявить соотношение значимости видов и масштабов предпринимательской деятельности, индивидуальных мотивов предпринимателей и ограничений со стороны религиозных конфессий и государства как выразителей общественных интересов. Эти факты и в древние времена, и в настоящее время накладывают отпечаток на результаты общественного развития и формируют различные теории и практики философов, культурологов и экономистов [4; 13].

Предпринимательство тесно связано с развитием человеческой цивилизации. Предприимчивость отдельных индивидуумов повлекла переход первобытного общества от собирательства в эпоху мезолита к более продвинутым формам организации хозяйственной деятельности в эпоху неолита – земледелию, животноводству, а затем и к ремёслам. Этот переход проходил в период с

X по III тысячелетие до н. э. в разных частях света и известен как «неолитическая революция». Центрами зарождения и распространения сельского хозяйства в тот период времени являлись Ближний Восток (плодородный полумесяц), долины рек Янцзы и Хуанхэ, высокогорья Новой Гвинеи, Центральная Мексика, северо-запад Южной Америки, Африка южнее Сахары, долина Миссисипи.

Возникшая в дальнейшем специализация территорий (возделывание земли, разведение скота, изготовление ремесленных изделий и т. д.) привела к повышению производительности и появлению излишков, что, в свою очередь, привело к появлению возможности натурального обмена. Товарообмен положил начало новому этапу развития общественного устройства и формированию предпринимательской культуры в период неолита.

Первоначально бартерный товарообмен носил внутриродовой характер, поскольку целью натурального хозяйствования являлось родовое самообеспечение. Впоследствии, по мере применения более прогрессивных орудий и методов труда, товарная масса производства превысила размеры внутриродового потребления и на смену натуральному товарному обмену пришло меновое, а в городах-государствах начали возникать рынки, на которых производители и потребители товаров самостоятельно осуществляли товарообменные операции. Появились деньги как всеобщий обменный эквивалент. Разные народы использовали свои средства обмена. Так, например, в Южной Америке и Китае в качестве денег использовали ракушки, в Средневековой Европе и на Руси могли расплачиваться солью, в Океании и Микронезии расплачивались каменными дисками с круглым отверстием. Функцию средства обмена также выполняли скот, меха и шкуры животных. Позднее, **роль денег стали выполнять монеты**, которые изготавливались из драгоценных металлов [12].

Начиная с III века до н. э. общество перешло на более высокую ступень социально-экономического развития. С тех пор товарное производство и товарообмен с сопутствующими товарно-обменными операциями, включая финансовое обеспечение, логистические маршруты доставки и т. д., стали привычными атрибутами человеческого бытия и культуры предпринимательской деятельности.

С течением времени товарообмен переходит на межгосударственный уровень, что обусловило необходимость выстраивания и развития торговых путей. Торговые пути на большие расстояния были проложены в период энеолита. В период с середины II тысячелетия до н. э. и до начала нашей эры народы Западной и Юго-Восточной Азии, Средиземноморья, Китая и Индийского субконтинента развивали торговые пути, по которым в основном осуществлялась перевозка предметов роскоши:

- Маршрут благовоний – канал торговли индийскими, арабскими и восточно-азиатскими товарами, которая процветала от Южной Аравии до Средиземноморья;
- Янтарный путь – европейский торговый маршрут, обеспечивающий торговлю и транспортировку янтаря в период I века н. э.;
- Транссахарский торговый путь – маршрут, пересекающий пустыню с юга на север, использовавшийся в торговле слоновой костью, карбункулами и рабами между Севером и Югом;
- Австронезийская морская торговая сеть – морская торговая сеть, соединившая Южную Индию и Шри-Ланку ещё в середине II века до н. э., по которой осуществлялась торговля специями;
- Шёлковый путь – один из первых торговых путей, соединивших Восточный и Западный миры, способствовал созданию центров торговли и росту экономики, основанной на торговле.

Соответственно этому эволюционировала предпринимательская культура: появлялись и развивались новые виды предпринимательской деятельности, а значимость старых в цепочке создания потребительного блага общества изменялась.

Товарно-денежные отношения развивались на протяжении всех последующих веков, совершенствуя виды, формы и методы реализации, вплоть до нашего времени, когда предпринимательские виды деятельности в сферах производства и обращения (обмена) товарами стали играть ведущую роль в развитии человеческой цивилизации.

Из наиболее предприимчивых и успешных аграриев и ремесленников, купцов и ростовщиков ранних этапов зарождения предпринимательства выделился слой наиболее удачливых предпринимателей, которые выкупали у общин излишки продуктов, земельные участки и недвижимость, концентрируя у себя в частной собственности материальные ценности и усиливая своё влияние в делах общины.

Таким образом, впервые произошла дифференциация доходности различных видов деятельности и отдельных индивидуумов социума, которая положила начало формированию мотивов и целевой ориентации предпринимательства, а также условий для реализации предпринимательских инициатив в новых сферах хозяйствования: производство, торговля, финансы и им сопутствующие области обеспечения производственно-обменной деятельности, включая общественно-государственное регулирование.

В городах, расположенных на пересечении торговых путей, преимущественное развитие получили транзитная торговля, торговые дома, кредитные и меняльные конторы. В этих агломерациях торговля и связанные с ней новые сопутствующие виды предпринимательской деятельности (фасовка, хранение, сбережение, страхование, погрузка, транспортировка и т. д.) стали занимать доминирующее положение в структуре хозяйственной деятельности этого локализованного социума.

На этом этапе эволюции человечества города-государства Восточной (от Средиземного моря) цивилизации развивались более высокими темпами благодаря благоприятному климату, который при доминировании в предпринимательской деятельности аграрного производства и развития сопутствующей торговой деятельности позволял получать и реализовывать по несколько урожаев в год.

Численность населения этих регионов возрастала, что порождало увеличение объёмов товарно-меновой массы и роста предпринимательства в сфере реализации продукции, а также экспансии предпринимателей-коммерсантов в сопредельные территории и их хозяйственное освоение.

В Восточной и Западной цивилизациях развитие предпринимательских отношений на первоначальном этапе происходило приблизительно одинаково, в основном посредством процессов самоорганизации, но под постепенно усиливающимся контролем государственного и религиозного управления как выразителей общественных интересов. Так, в Законах царя Вавилонии Хаммурапи (1792-1750 гг. до н. э.) ещё задолго до появления религиозных конфессий Христианства, Иудаизма, Ислама и других правителем регламентировалась предпринимательская деятельность, но лишь в части найма рабочей силы, условий кредитования и ростовщичества.

В целом понимая необходимость гармонизации хозяйственной деятельности в обществе, правители как Восточной, так и Западной цивилизаций не противодействовали развитию новых производственных отношений, но, исходя из необходимости соблюдения собственных и общественных интересов, вводили различные ограничения и регламентации вплоть до формирования централизованных фондов продуктов питания, конфискации частной собственности предпринимателей и установления государственной монополии на отдельные виды деятельности [14].

В этот временной период в странах Восточной от средиземноморья цивилизации сформировался своеобразный, государственно-ориентированный тип деловых отношений в обществе. Централизация и весомое государственное и религиозное регулирование экономических взаимоотношений в обществе ограничивали возможности населения для реализации предприимчивости и деловой инициативы, что в конечном итоге сказалось на темпах экономического развития стран Восточно-Азиатского региона и его отставании от Западно-Европейского в последующий индустриальный период вплоть до настоящего времени.

В отличие от этого, в Западных цивилизациях средиземноморья III – I вв. до н. э. (древние Греция и Рим) история становления и развития культуры предпринимательства, несмотря на то что оно также возникло из первобытности, происходила при существенно меньшем государственном вмешательстве преимущественно посредством распространения воззрений философов и самоорганизации общественных формирований.

Греческая и римская знать пренебрегала заниматься вопросами развития малых форм производства и торговли, предпочитая более быстрые способы обогащения путём территориальной экспансии, колонизации и ограбления других народов, что свойственно крупным государственно-предпринимательским структурам современности.

В результате этого в упомянутых античных странах развился своеобразный либеральный тип культуры взаимоотношений государства и мелкого предпринимательства, основанный на праве частной собственности, с разнообразием форм, методов и масштабов предпринимательской деятельности. Бурный рост масштабов товарного производства обусловил необходимость совершенствования сбытовой деятельности и товарно-обменных операций.

Под их влиянием в странах Западной цивилизации (современная Европа) широкий размах приобрела первоначально торговля как второй после аграрного производства вид индивидуальной предпринимательской деятельности, которая быстро вышла на межнациональный уровень, создав предпосылки для территориальной колонизации Африки, Индии, Китая и Америки.

Одновременно развивался и финансовый бизнес. Ещё в VII в. до н. э. в **Вавилоне** существовали ростовщики, а в **Древней Греции** – трапезиты (менялы), возникли храмовые и частные банки, которые предоставляли займы, положившие начало колониальному этапу развития человечества в эпоху великих географических открытий.

Раннее средневековье, принятое называть «тёмными временами», привело к деградации ранее сформированной предпринимательской культуры. Падение западной Римской Империи, голод, чума, многочисленные войны во всех регионах мира привели к упадку общего культурного уровня.

К началу XV в. вновь создаются благоприятные условия для развития предпринимательства. Эпоха великих географических открытий начинается с 1475 г., когда португальцам удалось достичь экватора. Далее один за другим открываются мыс Доброй Надежды (1487 г.), Америка (1492 г.), морской путь в Индию (1498 г.), а Магеллан совершает своё кругосветное плавание. Появилась возможность доставлять морем товары из Индии напрямую в европейские порты. Удешевление индийских товаров спровоцировало увеличение их потребления, а драгоценные металлы из Америки обеспечивали платёжеспособность. Открытие Америки позволило включить в международный товарооборот новые товары (картофель, табак, какао и т. п.). При этом сам континент стал новым рынком сбыта. Развитие промышленности повлекло приток ремесленников в города, развивается разделение труда. Американское золото и серебро формируют крупный торговый капитал, строятся фабрики, развивается банковская система, появляются биржи.

Эпоха великих географических открытий неоднозначна с позиции развития предпринимательской культуры. С одной стороны, это период небывалого развития предпринимательства, вызванного открытием новых территорий, новых продуктов и путей перевозки товаров. С другой стороны, это длительные экспедиции первооткрывателей Америки, Африки, Индии и Китая, на территории которых обменивали «стеклянные бусы» на золото, серебро и пряности, поработавшая и разграбляя менее развитые нации и народности в период колонизации. Последнее обусловило быстрый рост и концентрацию финансовых ресурсов у этих групп предпринимателей и усилило их позиции в управлении обществом в таких странах Европы, как Португалия, Голландия, Англия и Испания.

Индустриальный этап развития человечества (XVII – XIX вв.) охарактеризовался интенсивным развитием промышленных видов предпринимательской деятельности. В XIX в. в результате промышленной революции, которая по масштабам изменений не уступает неолитической, человеческая цивилизация перешла от аграрной и ремесленной форм организации жизнедеятельности к промышленной. Впоследствии предпринимательство проникло в сферы искусства, культуры, спорта и развлечений.

Во всех областях предпринимательской деятельности стала возрастать конкуренция между товаропроизводителями, но государственные структуры управления в то время в неё практически не вмешивались, всецело полагаясь на свободу рынка в вопросах регулирования. Спрос на товары народного потребления в этот период существенно превышал предложение, побуждая предпри-

нимателей увеличивать масштабы производственной деятельности. Торговля же и финансовое обеспечение производственной деятельности, отвоевав право на самостоятельное существование, даже усилили свои позиции в разделении общественного труда, превратившись в полноценные самостоятельные виды предпринимательской деятельности, выполняя функцию регулятора эффективности производства, препятствуя непроизводительной трате ограниченных ресурсов общества.

На этом этапе развития общества предпринимательская культура перешла в плоскость совершенствования внутрипроизводственных отношений первоначально в части рациональной организации производственных, снабженческих и сбытовых процессов любой хозяйственной деятельности.

Одновременно с этим в передовых странах Европы, таких как Англия, Франция и Германия, сельскохозяйственная деятельность утрачивает своё былое доминирующее положение. В этих странах возрастала отраслевая и международная специализация и кооперирование, а предпринимательство быстро вышло за пределы государственных границ, положив начало «экономической колонизации» менее развитых стран, а затем формированию транснациональных предпринимательских структур.

На рубеже XIX – XX вв. изменился мировой порядок. Представления рыночных классиков экономической теории (А. Смит, Д. Рикардо и др.) о реализации политики «невмешательства государства в экономические процессы», как и некоторых современных российских реформаторов времён начала перестройки отечественной экономики о нецелесообразности активного государственного регулирования экономики, утратили свою актуальность и претерпели существенные изменения. К концу XIX в. стало понятно, что успешное функционирование и развитие любой национальной экономики невозможно без активной социально-экономической политики государства, подразумевающей реализацию механизмов государственного регулирования предпринимательской деятельности в целях большей гармонизации общественных и предпринимательских интересов.

Первые упоминания о необходимости государственного регулирования и централизации управления развитием субъектов предпринимательства нашли отражение в работе английского экономиста Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег», в которой он подверг ревизии ортодоксальную неоклассическую концепцию «свободного рынка» и указывал на необходимость «расширения функций государственных органов, связанных со стимулированием склонности к потреблению, активизации инвестиционной деятельности как инструмента сохранения существующих форм хозяйствования и условия реализации предпринимательских инициатив» [4].

Нестабильность конъюнктуры, спроса и предложения на свободном рынке, периодически возникающие экономические кризисы, сопровождающиеся ростом безработицы, снижением платёжеспособности населения и усилением социальной напряжённости в обществе, побудили американского экономиста П. А. Самуэльсона и его сторонников также выступить в поддержку идеи возрастания роли государственного регулирования предпринимательской деятельности. Согласно их взглядам, для «развития национальной экономики и обеспечения максимальной занятости населения необходимо использовать как рыночные, так и планово-административные методы государственного управления» [11].

На завершающем этапе индустриального периода развития хозяйственных отношений в обществе (конец XIX – середина XX вв.) проблемы обеспечения эффективного функционирования бизнеса большинство учёных и практиков связывали с совершенствованием организационной культуры внутренней среды бизнеса. На этом этапе во всех отраслях и сферах предпринимательской деятельности осуществлялся переход от ручного труда к машинному производству. Таким образом, наука и механизация производственных процессов, а также научно-технический прогресс в целом постепенно становились ведущей производительной силой, что обогатило культуру предпринимательства ещё одним самостоятельным видом деятельности, получившим название «венчурный» бизнес.

Спрос во всех жизненно важных для общества сферах предпринимательской деятельности существенно превышал предложение вплоть до середины XX века. Именно это обстоятельство, а также лояльное отношение управленческих структур государственного управления, которое в основном не выходило за национальные границы, явилось решающим аргументом в пользу представлений предпринимателей об относительной стабильности внешнего окружения бизнеса. Естественно, что в этих условиях предприниматели концентрировали своё внимание на способах и методах совершенствования внутренних подсистем бизнеса, их компонентов и элементов как основного источника повышения дохода. Одной из выдающихся организационных инноваций этого периода времени стал конвейер, запущенный 1 декабря 1913 года на заводе американского промышленника Генри Форда. Основанный на глубокой специализации и кооперации рабочих мест, выстроенных в технологической последовательности сборочных операций, конвейер Форда позволил многократно увеличить производительность труда, обозначив новое направление в развитии предпринимательской культуры, получившее название «организационная культура» [11].

В странах социалистического лагеря государство и вовсе ввело централизованное планирование и управление национальной экономикой как единой диверсифицированной компанией, уничтожив все предпринимательские структуры, внедрив армейские директивно-командные методы и «подавив все зачатки рыночной самоорганизации в хозяйственной деятельности общества» [4; 12]. В этот период времени исходя из классовых постулатов марксистско-ленинской философии, тема предпринимательства длительное время была под запретом в отечественной научной и учебной литературе. В массовом сознании «строителей коммунизма» на протяжении 70 лет XX в. формировался отрицательный образ предпринимателя как «эксплуататора», «хапуги», «обманщика», «вора» и «стяжателя», который до сих пор присутствует в общественном сознании россиян, формируя негативное отношение населения ко всему, с чем связано предпринимательство, а понятие «культура предпринимательства» перешло в плоскость внутрипроизводственных отношений и было заменено понятием «организационная культура» [8; 10].

В двадцатые годы прошлого века А. К. Гастев, знаменитый отечественный учёный, теоретик научной организации труда и руководитель Центрального института труда, утверждал, что «культура производительности человека является предпосылкой его трудовой культуры» [2]. За рубежом зарождение «трудовой культуры» связывают с именем американца Ф. У. Тейлора, который ещё в 1911 г. первым опубликовал свои «Принципы научного управления». Через год после этого его соотечественник Г. Эмерсон опубликовал работу «Двенадцать принципов производительности», в которой развил идеи Ф. У. Тейлора. В дальнейшем в рамках школы «Научного управления» их последователи американцы Г. Гант, Фрэнк и Лилиан Гилбрет и другие занимались поиском оптимальных технологий выполнения работы посредством выявления наилучших практик и устранения лишних движений [13].

А. Файоль и М. Вебер, оптимизируя производственные и управленческие процессы, заложили методологические основы «организационной культуры» в части рациональной организации процессов управления, что привело к возникновению в типологии предпринимательской культуры новых её разновидностей – «управленческой культуры» и «производственной культуры».

Таким образом, к середине XX в. «организационная культура» окончательно сформировалась как самостоятельное научное направление внутрипроизводственных, а в дальнейшем и социальных отношений внутри предпринимательских структур. При этом число факторов, определяющих уровень организационной культуры предпринимательской деятельности, возросло многократно. В их числе, в первую очередь, личностные характеристики как собственников, так и наёмных работников, руководителей и подчинённых, их профессиональная квалификация, модели поведения, ценностные ориентации, обычаи, нравы и ожидания [16].

Более того, необходимость преодоления антагонизма между классами владельцев средств производства и наёмных работников, менеджерами и рядовыми работниками, создания благоприятного социально-психологического климата в коллективе потребовала ещё большей гармонизации социальных внутрипроизводственных отношений.

Американский социолог и психолог Э. Мэйо, обобщая результаты Хоторнского эксперимента (проводился с 1924 по 1936 гг. на заводе Western Electric Company в Хоторне, США), пришёл к выводу о наличии социальных факторов, которые способны в значительной степени оказывать влияние на производительность труда. Главным достижением Э. Мэйо в развитии предпринимательской культуры является идея о необходимости формирования «чувства групповой солидарности».

Дальнейшее развитие этого направления получило в трудах американских исследователей Ч. Барнарда и Г. Саймона (1930 г.). Они впервые вводят понятие «организационная мораль».

В начале второй половины XX в. спрос и предложение на основные товары первой необходимости первоначально на рынках передовых стран Европы и Америки начал выравниваться, а государственные структуры управления (в то время национального, а также территориального и муниципального уровней) всё чаще стали вмешиваться в хозяйственные отношения рыночных субъектов посредством ужесточения законодательства, в том числе антимонопольного, и принятия других мер организационно-регулятивного характера.

В середине прошлого века американский экономист-статистик и теоретик менеджмента Уильям Деминг, изучая японский опыт ведения бизнеса, доказывает высокую эффективность философии «менеджмента сотрудничества».

Исследования влияния социальной культуры организации на результаты труда коллективов позволили американским учёным М. Далтону, А. McLean, J. Marshall и коллективу английских социологов доказать наличие некой субстанциональной сущности, которая влияет на поведение, мотивацию сотрудников и результативность их деятельности. Это влияние проявляется через совокупность идеологических ценностей, традиций, ритуалов, обрядов, установок, отношений и убеждений, формирующих отношение членов трудового коллектива к работе и своей деятельности в рамках хозяйствующего субъекта [18].

Согласно исследованию института Бателле (1984 г.), «в современном бизнесе на смену централизации, послушанию, дисциплине, достижениям, иерархии, карьере, власти, достаточности приходят коллектив, самоопределение, раскрытие личности, участие, ориентирование на потребности, способность идти на компромиссы, творчество и децентрализация» [14].

Национальные экономики ведущих капиталистических стран, таких как США, Англия, Германия, начиная с 30-х гг. прошлого века искали пути предотвращения кризисных явлений, свойственных рыночной модели хозяйствования. Для нейтрализации стихии рынка с его взлётами и падениями эти страны постепенно усиливали роль государственного регулирования, доведя соотношение рыночных и централизованных начал управления национальной экономикой до уровня приблизительно 50:50 в наши дни, с небольшими отклонениями в ту или иную сторону в разных странах.

Сбалансированная государственная социально-экономическая политика зачастую становится одним из ключевых инструментов, позволяющих обеспечить необходимое научное, технико-технологическое, производственное и социальное развитие нации, достигнуть оптимального соотношения общественного и предпринимательского секторов производства в отраслевой и национальной структуре, нивелировать негативные последствия кризисных явлений в экономике, предотвратить зарубежную экспансию иностранных товаропроизводителей и тем самым обеспечить занятость собственного населения и его процветание.

Ещё в 2000-х гг. профессор менеджмента Макгилльского университета в Монреале Г. Минцберг в книге «Стратегическое сафари» выделил 10 стратегических школ, каждая из которых базировалась на определённом подходе и технологии к разработке стратегий бизнеса. Одна из школ – «школа культуры» – исходит из того, что разработка стратегии – это «процесс коллективной деятельности, основанный на общих убеждениях и общем понимании текущего положения дел сотрудниками». Внутренние убеждения сотрудников – это результат их приобщения к организационной культуре, сама стратегия представляет собой образ будущей перспективы, питающейся устоявшимися в коллективах стремлениями [7].

Базируясь на положениях школ «культуры», «внешней среды», «трансформаций и конфигураций» стратегического менеджмента и применительно к предмету нашего исследования, мы предлагаем ввести в научный оборот новую формулировку научной категории «организационная культура бизнеса» и её определение, в большей степени соответствующее его функционированию в современных условиях динамичного внешнего окружения и высококонкурентного рынка.

Современная культура предпринимательства, по нашему мнению, это способность предпринимательской структуры в условиях динамичного окружения в первую очередь достигать гармоничных взаимоотношений с обществом и средой функционирования: эффективно использовать общественные и собственные ресурсы с целью производства товаров, услуг и максимизации собственного дохода посредством своевременных, системных и адекватных трансформаций бизнеса на базе последних достижений технических, социально-экономических и управленческих наук [13].

Исходя из этого определения, сформулируем основные признаки и условия высокого уровня современной предпринимательской культуры. Ими, на наш взгляд, являются:

1. удовлетворение собственных потребностей предпринимателей через удовлетворение потребностей общества, а не вопреки им;
2. использование прогрессивных форм и методов реализации бизнеса;
3. гармонизация внешних и внутрипроизводственных отношений бизнеса, среды его функционирования и общественных потребностей;
4. минимизация экологического ущерба природе и окружающей среде;
5. развитие собственных трансформационных способностей для совершенствования и развития бизнеса;
6. сокращение чрезмерной дифференциации доходов и концентрации материальных, в том числе финансовых, ресурсов в руках предпринимателей путём ограничения не только минимального прожиточного уровня, но и максимальной нормы индивидуального потребления или введения дифференцированных ставок налогообложения;
7. идентификация в предпринимательских доходах от эксплуатации природных ресурсов доли дохода каждого члена общества.

В заключение хочется отметить, что культура предпринимательства – это обязательное условие эффективного бизнеса и залог процветания нации. Великие достижения науки и техники прошлого, будь то результаты неолитической или промышленной революций, немыслимы без высокой культуры предпринимательства, сосредоточенной на созидании, нормах поведения и ценностях, определяющих ориентацию предпринимателей на решение важнейших проблем общества и методах решения этих проблем, основанных на уважении к себе, обществу, природе и т. д. Развитие и совершенствование форм и методов реализации предпринимательской деятельности обеспечили эволюцию социально-экономических отношений в мире и достижение современной структуры мировой экономики с её разнообразием отраслевых видов аграрного и промышленного производства, торгового, транспортного, финансового обеспечения и многочисленной сферы услуг, включая общественное питание, образование, здравоохранение, социальное обеспечение и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с.
2. Философский энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.
3. Гастев, А. К. Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда / А. К. Гастев. – М.: Экономика, 1972. – 279 с.
4. Доброхотов, А. Л. Философия культуры / А. Л. Доброхотов. – М.: ВШЭ, 2016. – 560 с.
5. Кабаков, В. С. Теоретико-методологические основы развития предпринимательства в РФ / В. С. Кабаков // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2011. – № 2. – С. 121-141.
6. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное / Дж. М. Кейнс. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.
7. Минцберг, Г. Школы стратегий. Стратегическое сафари: экскурсия по дебрям стратегий менеджмента / Г. Минцберг, Б. Альстрэнд, Дж. Лэмпел; под общ. ред. Ю. Каптуревского. – СПб.: Питер, 2002. – 330 с.

8. Першиков, А. Н. История Российского предпринимательства: учеб. пособие / А. Н. Першиков. – Томск: Томский гос. ун-т, 1997. – 139 с.
9. Питерс, Т. В поисках совершенства / Т. Питерс, Р. Уотерман-мл. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. – 560 с.
10. Родин, О. А. Концепция организационной культуры: происхождение и сущность / О. А. Родин // Менеджмент. – 1998. – № 7. – С. 69.
11. Самуэльсон, П. А. Экономика / П. А. Самуэльсон, В. Д. Нордхаус; пер. с англ. – М.: «БИНOM», «Лаборатория Базовых Знаний», 1997. – 800 с.
12. Усанов, Г. И. Методологические основы развития организационной культуры бизнеса / Г. И. Усанов, М. А. Финогеев // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2022. – № IV (60). – С. 121-126.
13. Усанов, И. Г. Возрождение и развитие малого и среднего предпринимательства в России / И. Г. Усанов // Экономика и предпринимательство. – 2025. – № 1 (174). – С. 767-772.
14. Фаррахов, А. Г. Теория менеджмента: история управленческой мысли, теория организации, организационное поведение: учеб. пособие / А. Г. Фаррахов. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2016. – 272 с.
15. Хохлова, Т. П. Теория менеджмента: история управленческой мысли: учеб. / Т. П. Хохлова. – М.: Магистр, НИЦ ИНФРА-М, 2018. – 384 с.
16. Шейн, Э. Х. Организационная культура и лидерство / Э. Х. Шейн; пер. с англ.; под ред. В. А. Спивака. – СПб.: Питер, 2002. – 336 с.
17. Болор, Б. Понятие и содержание предпринимательства / Б. Болор // Проблемы науки. – 2017. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-soderzhanie-predprinimatelstva> (дата обращения 10.01.2025). – Текст: электронный.
18. McLean, A., Marshall, J. Intervening in cultures, working paper. – University of Bath, 1993. – P. 25.

Шереметьева М. А., Савелова Е. В.
M. A. Sheremetyeva, E. V. Savelova

РЕТРОСПЕКТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ИГРЫ

A RETROSPECTIVE STUDY OF THE FEATURES OF IDENTIFICATION THROUGH THE GAME

Шереметьева Марина Анатольевна – кандидат культурологии, доцент кафедры социально-культурной деятельности Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112. E-mail: Ma_Sher@mail.ru.

Marina A. Sheremetyeva – PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Department of Socio-Cultural Activity, Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk); 680045, Khabarovsk territory, Khabarovsk, Krasnorechenskaya Str., 112. E-mail: Ma_Sher@mail.ru.

Савелова Евгения Валерьевна – доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112. E-mail: savelova_ev@hgiik.ru.

Evgenia V. Savelova – Doctor of Philosophy, PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Professor of Cultural Studies and Museology Department, Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk); 112 Krasnorechenskaya st., Khabarovsk, 680045. E-mail: savelova_ev@hgiik.ru.

Аннотация. В нынешней напряжённой международной ситуации сохранение суверенитета России приобретает всё большее значение, и, как следствие, на первый план выходит задача формирования общероссийской гражданской идентичности. Мы считаем, что общероссийская гражданская идентичность основана на эмоциональной связи с обществом, культурой и историей. Основным механизмом формирования этой идентичности является процесс социализации и инкультурации, который предполагает усвоение общих систем ценностей. Активное формирование идентичности происходит в детстве. В ходе исследования формирования идентичности индивида через процессы инкультурации и социализации посредством детской игры, проведённого в период с 2012 по 2018 год, было отмечено существенное изменение игровых предпочтений детей, произошедшее в первое десятилетие XXI века и выразившееся в решительном предпочтении детьми компьютерных игр подвижным коллективным. В период с 2022 по 2024 год проводился новый опрос представителей этого поколения о предпочитаемых детских играх, который показал, что, повзрослев, представители поколения 2010-х далеко не так часто вспоминают компьютерные игры, как можно было предполагать, учитывая данные прошлого исследования. Мы приходим к выводу, что во взрослом возрасте на первый план выходят более яркие, эмоционально-насыщенные воспоминания, и в случае детской игровой деятельности они связаны в первую очередь с подвижными коллективными играми, являющимися основанием для коллективной идентичности, что подтверждается результатами нашего исследования.

Summary. In the current tense international situation, preserving Russia's sovereignty is becoming increasingly important, and, as a consequence, the task of forming a pan-Russian civic identity is coming to the fore. We believe that the all-Russian civic identity is based on an emotional connection with society, culture and history. The main mechanism of formation of this identity is the process of socialization and enculturation, which involves the assimilation of common systems of values. Active formation of identity takes place in childhood. During the study of the formation of an individual's identity through the processes of enculturation and socialization through children's play, conducted in the period from 2012 to 2018, a significant change in children's gaming preferences, which occurred in the first decade of the XXI century, and expressed in the strong preference of children for computer games to mobile collective games, was noted. In the period from 2022 to 2024, a new survey of the representatives of this generation about their preferred childhood games was conducted, which showed that, having grown up, the representatives of the generation of 2010s do not recall computer games as often as one could assume, given the data of the previous study. We conclude that in adulthood, more vivid, emotionally rich memories come to the fore, and in the case of children's game activities, they are associated primarily with mobile collective games, which are the basis for collective identity, which is confirmed by the results of our study.

Ключевые слова: общероссийская гражданская идентичность, социализация, инкультурация, социокультурная идентичность, память, детство, детская игра.

Key words: all-Russian civic identity, socialization, enculturation, socio-cultural identity, memory, childhood, child's games.

УДК 008:796.11:159.923.2

Современная ситуация в России и в мире характеризуется переломными процессами в разных сферах жизни. Можно сказать, что мир в целом переживает период трансформации, а некоторые аналитики говорят о грядущем переделе мира. В условиях обострения межгосударственных противоречий, ослабления влияния международных институтов и снижения эффективности системы глобальной безопасности в России остро осознаётся задача сохранения её суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, что нашло своё отражение в официальных документах [21]. В соответствии с этим национальными интересами на современном этапе объявляются укрепление единства российского общества, сохранение российской самобытности, культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей [21]. Как отмечает Д. В. Полежаев, за последнее время был совершён «переход от “внеидеологического” исторического периода нашей страны до осознания необходимости практического укрепления российского духовного, идейного, национального единства» [13, 27]. С точки зрения сохранения единства российского общества представляется важной задача формирования общероссийской гражданской идентичности, что подчёркивается в изменениях в Основах государственной культурной политики, внесённых в 2023 году [20].

Отметим, что тема идентичности и идентификации не нова. Феномен идентичности как проблематика тождества и различия исследуется с Античности представителями разных научных направлений и в разных аспектах. Однако изучение вопросов формирования и сохранения идентичности, как уже отмечалось, является актуальным и сегодня, и причины популярности этой темы не только заключаются в коренных изменениях нормативной базы, но и обусловлены подсознательной потребностью человека в наличии групп, «к которым они могли бы принадлежать устойчиво и долго, в мире, где всё движется и перемещается, и ничто не является надёжным» [23]. В настоящее время эта тема является одной из значимых тем общественного и научного размышления, о чём, по мнению Г. А. Шушариной, свидетельствуют многочисленные научные работы, различные ток-шоу на телевидении, посвящённые проблемам поиска коллективной и индивидуальной идентичности [19, 33]. Гражданская идентичность, по мнению Е. Н. Малик, играет важную роль в формировании как личности, так и общества в целом. Позволяя гражданам ощущать себя частью общности, она укрепляет духовную связь между ними и повышает эффективность их совместных действий [10, 201]. Однако некоторые авторы указывают на неоднозначность термина «гражданская идентичность» и на возможные сложности, с которыми сопряжено использование его в российском пространстве, в частности на «возможность конфликта между национальной идентичностью, понимаемой прежде всего, как этнической, и идентичностью гражданской, общероссийской» [9, 92]. П. В. Ломанов и А. В. Бардаков, опираясь на позицию Г. Тэджфелла о взаимосвязи процессов формирования социальной идентичности и системы ценностей индивида, где социальная идентичность рассматривается как элемент Я-концепции индивида, «обусловлена представлениями личности о принадлежности к конкретным группам и поддерживается эмоциональными и ценностными проявлениями данной принадлежности» [24], идут дальше и утверждают, что «общегосударственная гражданская идентичность не может основываться только на формальном статусе гражданина и лояльности к политической и правовой системам государства, для неё очень важны ценностные и культурные основания» [10, 92]. Е. Н. Малик, рассматривая культурно-исторические основания гражданской идентичности, подчёркивает, что её стержневым элементом является эмоция, «гражданская идентичность строится на эмоциональном уровне – связи с обществом, его культурой, историей» [9, 202], с чем мы, безусловно, соглашаемся.

Обратимся к определению гражданской идентичности, предложенному в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: «Общерос-

сийская гражданская идентичность (гражданское самосознание) – осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества» [22]. Как видим, в данном документе гражданская идентичность рассматривается с точки зрения двух подходов: аксиологического и культурологического – и сближается с социальной и культурной идентичностью. По большому счёту можно говорить о тесной взаимосвязи гражданской идентичности с социальной и культурной. Отметим, что выбор идентичности через усвоение ценностей и норм всегда персонален, индивидуален и связан с повседневными практиками. На этот момент обращает внимание Н. В. Розенберг: «Именно в повседневной жизни происходит усвоение ценностей культуры, включаются механизмы культурной идентификации – осознание чувства принадлежности к данной культуре, утверждение своей индивидуальности в пространстве культуры, самореализация своих взглядов, интересов, способностей» [14]. В более широком смысле принятие конкретной коллективной идентичности, связанной с определёнными социальными группами, отличающимися прежде всего мировоззренческими основаниями, может рассматриваться как форма социализации и инкультурации, главным механизмом которой является усвоение ценностных оснований, принятие как «своих» ценностей, декларируемых группами.

Рассуждая о формировании идентичности, важно помнить, что «развитие идентичности личности имеет границами время жизни человека» [17, 16], оно имеет два этапа: «детский» и «взрослый» – и активное строительство выпадает на период детства [17, 16]. С этой точки зрения представляется важным рассмотреть, каким образом, под воздействием каких факторов происходит формирование идентичности современного ребёнка. М. В. Осорина отмечает, что любая человеческая культура несёт в себе модель мира, созданную данной культурной общностью людей, которая «воплощена в мифах, отражена в системе религиозных верований, воспроизводится в обрядах и ритуалах, закреплена в языке, материализована в планировке человеческих поселений и организации внутреннего пространства жилищ... Такую модель мира ребёнок, с одной стороны, получает от взрослых, активно усваивает из культурно-предметной и природной среды, с другой стороны, активно строит сам, в определённый момент объединяясь в этой работе с другими детьми» [12, 14]. Как показывает исследование Ю. Чернявской, ребёнок усваивает основные ценностно-смысловые установки «путём не только официального, но также неофициального дискурса» [16, 219]. Детский дискурс объединяет сказку, шутку и реальность. На этой стороне жизни ребёнка было сфокусировано внимание нашего диссертационного исследования, целью которого было выявление условий, причин, механизмов трансформации детской игры как фактора формирования социокультурной идентичности в современной российской ситуации, автором поднимались вопросы формирования идентичности индивида через процессы инкультурации и социализации [18]. В качестве основания идентификации в работе рассматривалась память – общие воспоминания. Как утверждает А. Ассман «именно память делает человека человеком» [2], воспоминания служат для человека материалом, из которого создаются личный опыт, взаимоотношения с другими и образ своей собственной идентичности. Концепты памяти и идентичности практически одновременно стали ключевыми понятиями как современного социально-гуманитарного знания, так и публичного дискурса политиков, общественных деятелей, СМИ и т. д. А. Васильев обращает внимание на потребность современного общества в определённой степени не только интеллектуального и эмоционального конформизма своих членов, но и «конформизма мемориального». Коллективная память о совместном прошлом – основа идентификации группы, выражение коллективного опыта, объединяющего группу, объясняющего ей смысл её прошлого, причины нынешнего совместного бытия и определяющего надежды на будущее. «Сознание совместного прошлого сплачивает группу эмоционально» [6, 61]. В ходе исследования было выявлено, что «ядро» личной идентичности закладывается в детстве, а детские воспоминания являются фундаментом идентичности как с точки зрения собственной внутренней идентичности, осознания собственной целостности, так и с точки зрения отождествления себя с другими [18].

Как один из важных механизмов формирования идентичности в детском возрасте рассматривалась детская игра – важная составляющая детской повседневности. Игра является для ребён-

ка, по выражению О. А. Белобрыкиной, «одной из форм детской со-бытийной общности, в которой специфическим образом – в пространстве диалога – разворачиваются процессы обособления и отождествления» [3, 20].

Отметим, что истоки игрового подхода к культуре и человеку обнаруживаются ещё в античности, в том, как Платон постоянно играет словами «*paideia*» – культура и «*paidia*» – шутка, в его знаменитом определении человека как «выдуманной игрушки Бога». Среди исследователей, рассматривавших вопросы игры, можно назвать Платона, Г. В. Гегеля, Ф. Шиллера, Ф. В. Шеллинга, И. Канта, Л. Витгенштейна, Э. Финка, Г. Г. Гадамера, Г. Гессе, Й. Хёйзинга, Э. Берна и др. Как отмечают многие исследователи истории культуры (Э. Тайлор, О. М. Фрейденберг, С. А. Токарев, А. К. Байбурин), социокультурная роль игры особенно ярко проявляется на ранних стадиях развития человечества, во многом совпадая с аналогичными функциями ритуала. В игровом подражании осваивались важнейшие навыки жизни человека в архаичном социуме, передавались и закреплялись знания об окружающем природном и культурном мире. Игры использовались для социализации подрастающего поколения (особенно как элемент обряда инициации), подготовки к коллективной охоте, тренировки, выработки коммуникативного взаимодействия.

Согласно концепции Л. С. Выготского и Д. Б. Эльконина, сущность игры как личностного становления выражается в наибольшей степени в детской игре – модели игры как таковой. Игровое поведение ребёнка формирует, по определению Э. Берна, «одну из наиболее ценных составляющих личности», является «источником интуиции, творчества, спонтанных побуждений и радости» [4, 19]. Таким образом, сохраняя в себе Ребёнка и после выхода из детского возраста, человек вступает в мир культуры не только как *Homo Sapiens* – Человек Разумный, но и как *Homo Ludens* – Человек Играющий, согласно формуле Й. Хёйзинга [15].

В ходе исследования, проведённого в период с 2012 по 2018 год, было отмечено существенное изменение игровых предпочтений детей, произошедшее в первое десятилетие XXI века, которое заключается в сужении стержневого слоя игрового массива, представленного архаическими играми, и слоя народных игр, обеднении детского игрового репертуара, смещении интереса детей в сторону компьютерных игр. Отметим, что выявление игровых предпочтений детей проводилось методом опроса. Представляется интересным провести сравнительное исследование спустя десять лет, когда представители поколения, участвовавшего в опросе, повзрослели, и выяснить, какие игры теперь вспоминаются этими людьми в первую очередь, совпадут ли их ответы с ответами детей. В период с 2022 по 2024 год проводился опрос студентов Хабаровского государственного института культуры и студентов Хабаровского педагогического колледжа, всего 52 учащихся 2002-2006 годов рождения, что коррелирует с возрастом участников первого исследования. Первое, что обращает на себя внимание при анализе ответов респондентов, это факт, что количество голосов, отданных за компьютерные игры, оказалось гораздо меньше, не 30 %, как было в прошлом исследовании, а 16 %. При этом 36 человек (что составляет 69 % от опрошенных) вообще не упомянули компьютерные игры.

Такой интересный феномен заставляет нас обратиться к исследованиям механизмов памяти. В. В. Нуркова в своём исследовании, посвящённом автобиографической памяти, опираясь на культурно-исторический подход, предлагает рассматривать её (автобиографическую память) как динамичный процесс постоянного соотношения образов прошлого, настоящего и будущего с текущей деятельностью человека. По её мнению, «функциональный потенциал автобиографической памяти обеспечивает самодетерминацию личности в социокультурном пространстве её бытия: формирование идентичности, установление интервалов самоидентичности личности, самопознание, самоопределение, осознание личной уникальности, временную интеграцию» [11, 13]. Одной из уникальных характеристик автобиографической памяти она считает смысловую детерминацию пластичности картины прошлого. Как говорит М. О. Бондарева, «воспоминания о детских годах – “хирургическая операция”, совершаемая личностью над своей памятью, когда она выстает в нечто единое то, что таковым не являлось» [5]. Образ детства складывается на основе синтеза личностного опыта конкретного человека и общекультурных стереотипов. Пережитое преломляется через призму памяти, которая трансформирует пережитый опыт. В этой связи обращает на себя внимание исследование О. А. Козиной, которая, анализируя феномен детства, приходит к важному заключению, что «субъ-

ект детства подчиняется закону не воспроизведения, а произведения, создания иной своей биографии – смысловой» [7, 152], что позволяет рассуждать о воспоминании, как о «мифотворчестве особого рода – о мифе собственного детства» [7, 152]. О. А. Козина считает, что ценностно-оценочное и эмоциональное отношение субъекта к своему детству переводит воспоминание (рассказ) в область символов [7, 152]. Развивая свою мысль, она поясняет, что «каждый раз, – при обращении к нему, – восстанавливаемое аксиологически детство заново принадлежит своему субъекту, субъекту детства, который не просто называет его, вызывая памятью, но и перечисляет его события по-новому, исполняет их и как творец, и как со-участник» [7, 157]. Как очень точно сказал И. С. Кон: «Взрослый не может вернуться в оставленную страну своего Детства, мир детских переживаний часто кажется ему таинственным и закрытым. В то же время каждый взрослый несёт своё детство и не может даже при желании освободиться от него» [8, 271]. Таким образом, мы соглашаемся с мыслью О. А. Козиной, что «детство можно считать “разомкнутой” системой, ... продолжающей своё время в настоящем: благодаря языку, обращению к поиску собственной внутренней идентичности (говорение себя) и утверждению в себе целостности смыслом детства» [7, 157]. Наше детство снова и снова проживается нами, воспоминания пересматриваются, проводится их «ревизия» с точки зрения сегодняшних социокультурных реалий, что-то уходит на задний план, а что-то выдвигается на первые позиции. Подходя с этой точки зрения к анализу результатов проведённого опроса, мы предполагаем, что произошла трансформация памяти, и воспоминания о компьютерных играх отошли на задний план, уступив место другим воспоминаниям.

Попробуем понять, почему воспоминания о том, что было так важно в детские годы, стёрлись, а о том, что казалось неинтересным и обыденным, сохранились. Можно предположить, что в младшем школьном возрасте компьютерные игры становятся для ребёнка предпочтительными вследствие, с одной стороны, новизны и аттрактивности самих игр (разработчики вкладывают немалые деньги и усилия в то, чтобы сделать игру максимально яркой, интересной, захватывающей), а с другой стороны, такой выбор можно рассматривать как результат подражательного поведения, характерного для этой возрастной группы, что является как раз отражением стремления идентифицировать себя со сверстниками, поступать как все, как модно и престижно. Современная социокультурная ситуация развития ребёнка также оказывает влияние. К числу характеристик социокультурной ситуации, отражающихся на формировании идентичности в детском возрасте, по мнению М. В. Шакуровой, можно отнести в первую очередь изменения семейного воспитания, заключающиеся в сокращении реального времени общения в семье [17, 18]. Как известно, родители являются для ребёнка теми значимыми Другими, которых он рассматривает как образец для подражания, и, наблюдая родителей, которые погружены каждый в свой смартфон или ноутбук, то есть, физически находясь рядом, пребывают каждый в своём информационном пространстве, ребёнок перенимает эту модель поведения и считает её единственно верной.

Признавая способность нашей памяти о детстве к трансформации под воздействием актуальной ситуации, мы приходим к выводу, что со временем эти факторы перестают иметь значение для человека. Во взрослом возрасте на первый план выходят более яркие, эмоционально-насыщенные воспоминания, и в случае детской игровой деятельности они связаны в первую очередь с подвижными коллективными играми. Важность игр такого типа подчёркивает М. В. Осорина, говоря о процессе формирования у ребёнка образа родной страны и чувства Родины. Она считает, что в определённом возрасте ребёнок должен выходить из дома в прямом и переносном смысле, чтобы утвердить себя как самостоятельную личность, ему необходима компания сверстников и родные места, которые он должен освоить [12, 358]. Это предположение подтверждается результатами нашего исследования: 43 % голосов было отдано за подвижные игры с правилами, на втором месте по популярности оказались игры-импровизации (21 % голосов), и лишь 9 % голосов было отдано за компьютерные игры. С точки зрения влияния подвижных игр с правилами (нормативных) и игр-импровизаций, основанных на работе воображения (креативных), на формирование идентичности подрастающего человека отмечаем, что эти классы игр тесно взаимосвязаны и отличаются степенью выраженности правил или предлагаемых обстоятельств. Оба класса игр оказывают комплексное воздействие на формирование личности, на процессы социализации и инкультурации, но при этом нормативные игры, требующие неукоснительного соблюдения правил, в

большей степени влияют на формирование социального уровня идентичности, а креативные, в которых ребёнок может реализовывать какие-то мечты и нереализованные желания, – на формирование индивидуального уровня идентичности. С другой стороны, игры с правилами, такие как «прятки», «догонялки», «казаки-разбойники», «классики» и другие, это, как правило, игры, сложившиеся достаточно давно, традиционные игры, воспоминания о таких играх объединяют разные поколения наших соотечественников. А через игры импровизационного характера, среди которых такие, как игры по мотивам популярных мультфильмов, телесериалов или телешоу, ребёнок отыгрывает волнующие его стороны актуальной социокультурной ситуации, что приводит к формированию поколенческой идентичности.

Таким образом, в результате проведённого ретроспективного исследования мы подтвердили роль воспоминания о детстве как о факторе объединяющем, способствующем социокультурной идентификации. Как отметила В. В. Абраменкова, «мир детского сознания – по преимуществу мифологического – не исчезает и не должен исчезать в ментальной структуре взрослого человека, а продолжает функционировать как генератор ассоциаций и один из актуальных моделирующих механизмов, игнорируя которые невозможно понять поведение взрослого человека» [1, 136]. Безусловно, в данной статье представлены лишь предварительные, общие результаты исследования. Представляется важным продолжать исследование в направлении изучения трансформации игровых предпочтений отдельных игр, наиболее часто упоминавшихся респондентами, и разных классов игр (коммуникативные игры, интеллектуальные, игры-испытания и игры-экспериментирования). Однако можно сделать предварительные выводы. Как показало исследование, вспоминаются в первую очередь яркие моменты, связанные с активной деятельностью в детском коллективе, в случае игровой деятельности это подвижные игры с правилами и игры импровизационного характера. Компьютерные игры не оказывают решающего влияния на формирование идентичности, хотя и полностью отрицать это влияние нельзя. Помня о задаче поиска единых оснований для идентификации, необходимо обратить внимание специалистов системы образования и учреждений культурно-досуговой сферы, всех, кто по роду деятельности связан с детьми, на важность организации коллективной игровой деятельности детей. Отметим, что на уровне государства мы видим отражение значимости детской игры для формирования гражданской идентичности и патриотического воспитания в появлении первого всероссийского конкурса создателей и производителей отечественных игр и игрушек «Родная игрушка» (см. прим. 1), целью которого является создание отечественных игр и игрушек как инструмента просветительской деятельности и духовно-нравственного, патриотического воспитания граждан Российской Федерации, инициированного мощным государственным образовательным ресурсом – Российским обществом «Знание». Данное направление исследований является актуальным, социально-значимым и заслуживает внимания со стороны различных общественных и государственных институтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абраменкова, В. В. Социальная психология детства / В. В. Абраменкова. – М.: Ай Пи Ар Медиа, 2008. – 431 с.
2. Ассман, А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 323 с.
3. Белобрыкина, О. А. Периодизация детской игры в антропологической перспективе / О. А. Белобрыкина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2005. – № 1 (46). – С. 20-22.
4. Берн, Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы / Э. Берн; пер. с англ.; общ. ред. М. С. Мацковского. – М.: Прогресс, 1988. – 399 с.
5. Бондарева, М. О. Механизм построения образа детства / М. О. Бондарева // Научные материалы международного форума и школы молодых учёных ИП РАН. Раздел 3. Актуальные проблемы современной российской психологии, 2024. – URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/dop_dokume/mezhdunaropauchnye_m/razdel_3_a/bondareva_.htm (дата обращения: 12.02.2025). – Текст: электронный.
6. Васильев, А. Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия / А. Васильев // Фундаментальные проблемы культурологии: сб. ст. по материалам конгресса. – М.: Новый хронограф: Эйдос. Т. 6: Культурное наследие: От прошлого к будущему. – 2009. – С. 56-68.

7. Козина, О. А. «Со-творение» детства. О проблеме идентификации детства / О. А. Козина // Международный журнал исследований культуры. – 2016. – № 2 (23). – С. 150-158.
8. Кон, И. С. Ребёнок и общество: учеб. пособие / И. С. Кон. – М.: Академия, 2003. – 336 с.
9. Ломанов, П. В. Культурологический аспект понятия «гражданская идентичность» / П. В. Ломанов, А. В. Бардаков // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2024. – Т. 10. – № 3. – С. 85-99.
10. Малик, Е. Н. Общероссийская гражданская идентичность как гарант государственности и суверенитета Российской Федерации / Е. Н. Малик // Вестник Прикамского социального института. – 2024. – № 1 (97). – С. 200-208.
11. Нуркова, В. В. Культурно-исторический подход к автобиографической памяти: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01 / Нуркова Вероника Валерьевна. – М., 2009. – 51 с.
12. Осорина, М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых / М. В. Осорина. – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2010. – 368 с.
13. Полежаев, Д. В. «Матрица идентичности» как модель измерения общероссийского гражданского самосознания (сегмент «Наука. Техника. Технологии») / Д. В. Полежаев // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2023. – № VI (70). – С. 26-31.
14. Розенберг, Н. В. Культурный потенциал региона как фактор формирования культурной идентичности / Н. В. Розенберг // Аналитика культурологии. – 2008. – Вып. 2. – URL: http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/505-article_38-3.html (дата обращения: 10.02.2025). – Текст: электронный.
15. Хёйзинга, Й. Homo ludens (Человек играющий). В тени завтрашнего дня: сб. статей / Й. Хёйзинга; пер. с нидерл. и примеч. В. В. Ошис; общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. – М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. – 464 с.
16. Чернявская, Ю. Советское как детское: опыт двора / Ю. Чернявская // Логос. – 2017. – Т. 27. – № 5. – С. 219-240.
17. Шакурова, М. В. Формирование идентичности современного ребёнка в контексте социокультурной ситуации его развития / М. В. Шакурова // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. – 2016. – Вып. 2 (41). – С. 15-26.
18. Шереметьева, М. А. Трансформация детской игры в контексте формирования российской социокультурной идентичности: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Шереметьева Марина Анатольевна. – Хабаровск, 2020. – 189 с.
19. Шушарина, Г. А. Культурные основания конструирования идентичности / Г. А. Шушарина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2023. – № VI (70). – С. 32-35.
20. О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утверждённые Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808: Указ Президента Российской Федерации от 25 января 2023 г. № 35 / Администрация Президента России, 2025. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70395> (дата обращения: 12.02.2025). – Текст: электронный.
21. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 / Администрация Президента России, 2025. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 12.02.2025). – Текст: электронный.
22. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 / Администрация Президента России, 2025. – URL: <http://government.ru/docs/all/85503/> (дата обращения: 12.02.2025). – Текст: электронный.
23. Hobsbawm, E. The cult of identity politics // New Left Review. 1996. – № 217. – P. 40. – URL: <https://newleftreview.org/issues/i217/articles/eric-hobsbawm-identity-politics-and-the-left> (дата обращения: 13.02.2025). – Текст: электронный.
24. Tajfel, H., Billing, M.G., Bundy, R.P., Flament, C. Social Categorization and Inter-Group Behavior // European Journal of Social Psychology. – 1971. – № 1. – P. 149-178.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Всероссийский конкурс «Родная игрушка»: сайт. – URL: <https://igrushka.znanierussia.ru/>.

Щёлкина Е. А.
ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА КАК КООРДИНАТОР ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)

Щёлкина Е. А.
E. A. Shchelkina

ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА КАК КООРДИНАТОР ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)

THE HOUSE OF FOLK ART AS A COORDINATOR OF AMATEUR ART ACTIVITIES IN THE REGION (USING THE EXAMPLE OF THE Khabarovsk Territory)

Щёлкина Екатерина Александровна – доцент кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112; тел. 8(924)215-19-41. E-mail: ekate-min@yandex.ru.

Ekaterina A. Shchelkina – Associate Professor, Department of Directing Theatrical Performances and Holidays, Khabarovsk State Institute of Culture (Khabarovsk, Russia); 680045, Khabarovsk Territory, Khabarovsk, Krasnorechenskaya str.; tel. 8(924)215-19-41. E-mail: ekate-min@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена изучению становления Хабаровского краевого Дома народного творчества как центра координации художественной самодеятельности в Хабаровском крае. Автор даёт краткий обзор основных этапов развития художественной самодеятельности как вида народного творчества в социалистическом государстве, в частности в Хабаровском крае. При анализе художественного творчества в регионе автор определяет роль Дома народного творчества в его развитии, формулирует основные принципы работы, способствовавшие становлению учреждения как координатора художественной самодеятельности. Автор рассматривает такие принципы, как проведение работы с исполнителями, руководителями, шефская работа, работа с репертуаром, а также межведомственные связи. Далее приводятся актуальные примеры взаимодействия Дома народного творчества с любительскими коллективами. В заключение рассматривается связь современного учреждения с исторически сформировавшимися принципами работы.

Summary. The article is devoted to the study of the formation of the Khabarovsk Regional House of Folk Art as a center for the coordination of amateur art in the Khabarovsk Territory. The author gives a brief overview of the main stages of the development of amateur art as a type of folk art in the socialist state, in particular, in the Khabarovsk Territory. When analyzing artistic creativity in the region, the author defines the role of the House of Folk Art in its development, formulates the basic principles of work that contributed to the establishment of the institution as a coordinator of amateur art. The author examines such principles as working with performers, supervisors, patronage, working with the repertoire, as well as interdepartmental relations. The following are relevant examples of the interaction of the House of Folk Art with amateur groups. In conclusion, the connection of a modern institution with historically formed principles of work is considered.

Ключевые слова: народное творчество, художественная самодеятельность, Дом народного творчества, культура, творчество, самовыражение.

Key words: folk art, amateur art, House of folk art, culture, creativity, self-expression.

УДК 008:304.2+379.81

Творческое самовыражение было присуще человеку во все времена. В дореволюционной России кружки и общества разной направленности являлись привилегией дворянства, они служили развлечением, формой заполнения досуга, объединяли по интересам вокруг какой-либо темы. На рубеже XIX – XX веков появляется интерес к самодеятельному творчеству среди трудящихся, в целях оказания практической и методической помощи деревенским, фабричным и школьным театрам появляются общественные формирования, такие как «Невское общество» в 1898 году и «Отдел содействия устройству деревенских и фабричных театров» в 1911 году. Впоследствии эти формирования стали основой для создания Поленовского дома в 1915 году [6].

Дореволюционное самодеятельное творчество на Дальнем Востоке было представлено различными любительскими творческими объединениями. Особую популярность в г. Хабаровске приобрели Кружок любителей Драматического искусства и Кружок музыкального искусства, в

октябре 1896 года преобразованные в Общество любителей сценического и музыкального искусства. Уже тогда, в конце XIX века, любительские спектакли стали частью досуга и способом реализации творческого потенциала хабаровской интеллигенции [1].

В 1917 году в результате провозглашения в стране советской власти было положено начало новому общественно-политическому строю. Среди явлений, введённых в оборот новым правительством, значилось появление массовой художественной самодеятельности. Доктор исторических наук И. В. Нарский, исследуя термин «самодеятельность», приводит несколько значений, появившихся в советское время: «самодеятельностью стали называть и художественное творчество непрофессионалов, и продукты любительской деятельности, и самих их создателей, и неуместную непрофессиональную активность в целом, и некачественный дилетантизм в сфере искусства в частности» [10, 21]. Наиболее близким для данной работы будет классическое определение из Большого энциклопедического словаря, используя термин «художественная самодеятельность», мы будем подразумевать одну из форм народного творчества.

Народное творчество 1920-х годов отражало специфические черты культуры эпохи в целом. Сотрудники отдела народной художественной культуры Государственного института искусствознания С. Ю. Румянцев и А. П. Шульпин, опираясь на современное понимание функций художественной культуры, определили три основных вида художественной самодеятельности того периода: творческий (самодеятельность как новый вид искусства), просветительский (приобщение трудящихся к художественной культуре) и досуговый (расширение «очагов бытования» самодеятельного творчества) [15]. Перечисленные виды не существовали по отдельности, а дополняли друг друга и были выражены во всех жанрах народного творчества. На Дальнем Востоке в 1920-е годы широкое распространение получили музыкальные, хоровые кружки, ансамбли, оркестры народных инструментов. В эти годы появились первые конкурсы исполнителей, музыкальные олимпиады, Хабаровская радиовещательная станция проводила циклы музыкальных передач [2].

Согласно исследованию А. В. Коноваловой, развитие художественной самодеятельности в СССР проходило в три этапа:

1. становление художественной самодеятельности в 1920-е годы;
2. развитие художественной самодеятельности в 1930 – 1960 годы;
3. кризис и трансформация художественной самодеятельности в конце 1970-х годов [8].

Второй этап развития приходится на годы, когда стремительно разрасталась система партийного и государственного управления культурой, «централизация и унификация управления культурой сопровождалась непрерывным количественным разрастанием управленческих органов, сеть которых становилась всё более частой, действительно всеохватной» [16, 20]. Этот период был озаглавлен становлением системы Домов народного творчества при Наркомпросе СССР.

Хабаровский краевой Дом народного творчества (далее – ХКДНТ) был создан в ноябре 1940 года. Этому событию предшествовала кардинальная перестройка работы культучреждений профсоюзов. Руководящих художественной самодеятельностью артистов и специалистов на основании решения 10-го пленума ВЦСПС отстраняли от работы, рекомендуя задействовать «местных активистов, способных заменить этих дорогостоящих руководителей» [5, 2]. Назначенный директором ХКДНТ Аркадий Львович Крупник поддержал партийное решение, призывая перестроить не только работу профсоюзных организаций, но и всю систему культурно-массовой работы в целом, перейти от системы платных руководителей кружками художественной самодеятельности к системе общественных руководителей [9].

В годы Великой Отечественной войны ХКДНТ, так и не сформировав формы и методы работы, временно приостанавливал деятельность, его функционал в это время выполнял Краевой отдел искусств. В период войны художественная самодеятельность отражала злободневные темы: укрепление фонда обороны страны, сдачу тёплой одежды бойцам Красной Армии, повышение революционной бдительности [7]. Проводились многочисленные смотры с целью повышения идейно-художественного уровня самодеятельных коллективов, выявления наиболее способных участников и вовлечения новых.

История ХКДНТ как координационного центра художественной самодеятельности края начинается в 1948 году, с назначением на должность директора Двейры Манделевны Шноль. Твор-

ческий тандем директора и единственного в штате методиста Галины Александровны Радэн начал давать ощутимые результаты. Благодаря методическому руководству и практической помощи ХКДНТ отмечалось улучшение работы коллективов, были приобретены материалы для оформления сцен и пошива костюмов для культпросветучреждений. Констатировалось оживление в работе кружков Хабаровского края. По состоянию на 1 июля 1948 года в крае насчитывалось 1752 кружка с общим количеством участников 14 013 человек, из них 432 хоровых кружка, 454 драматических, 133 музыкальных, 176 танцевальных, агитбригад, акробатических и эстрадных кружков в общей сложности 557, а также 647 отдельных исполнителей [13, 2]. В 1950 году художественная самодеятельность в крае стала массовой, прочно войдя в быт жителей края. Нередки стали случаи, когда в самодеятельности участвовали целыми семьями. Улучшилось качество исполнения и идейное содержание репертуара, при содействии ХКДНТ значительно возросла культура кружковцев. К середине 1951 года в крае уже насчитывалось около 2000 коллективов художественной самодеятельности, в которой участвовало 30 000 человек [13, 18]. Возрастает и массовость кружков. Например, в 1954 году хоровые кружки насчитывали, как правило, по 10-15 человек, а в 1955 году среднее количество участников увеличилось до 30-40, а в некоторых коллективах даже до 50 человек [11].

Анализируя развитие художественного творчества в Хабаровском крае, стоит упомянуть самодеятельность творческих коллективов учебных заведений. В 1950-х – 1960-х годах во всех высших и средних учебных заведениях имелись творческие кружки, особой популярностью пользовались оркестры народных инструментов, духовые оркестры, ансамбли песни и пляски, хоровые коллективы, самодеятельные театры. Главным художественным предпочтением этих коллективов в репертуарном плане являлись произведения традиционной народной культуры [3].

В 1950-е годы деятельность ХКДНТ характеризовалась проведением большого количества организационно-массовых мероприятий: оказанием методической и творческой помощи коллективам сельской, профсоюзной и студенческой художественной самодеятельности, самодеятельности трудовых резервов. Принимая участие в подготовке и проведении смотров художественной самодеятельности, работники ХКДНТ являлись членами жюри, а также занимались организацией: посещали репетиции, помогали отбирать номера и составлять программы. Ежегодно коллектив ХКДНТ давал оценку проделанной работе, в целях совершенствования отмечал как положительные, так и отрицательные стороны.

Следующим этапом развития ХКДНТ стали годы руководства Кимы Матвеевны Дрерман (с 1958 по 1972 год). Современники отмечали: под руководством К. М. Дрерман ХКДНТ стал настоящим центром культуры Хабаровского края. Кима Матвеевна, театровед по образованию, уделяла особое внимание вопросу обеспечения коллективов художественной самодеятельности репертуарной и методической литературой. Основная деятельность учреждения в эти годы была направлена на реализацию плана мероприятий по дальнейшему подъёму сельской художественной самодеятельности. С этой целью проводились смотры художественной самодеятельности, активизирующие творческие силы культпросветучреждений и обеспечивающие рост исполнительского уровня в ходе подготовки. Под контролем учреждения осуществляли свою деятельность районные отделы культуры, также ХКДНТ курировал шефскую работу профессиональных театров, профсоюзных культпросветучреждений, что значительно улучшило качественные показатели работы. Специалисты ХКДНТ развивали в крае все жанровые направления народного творчества, работали с руководителями-общественниками, отделениями союзов композиторов, писателей и художников, в целях повышения художественного уровня коллективов регулярно взаимодействовали с руководителями кружков, проводили обучающие семинары и курсы, имели договорённости с образовательными учреждениями. Благодаря стараниям сотрудников ХКДНТ в Хабаровском крае к середине 1960-х годов выросли коллективы художественной самодеятельности, по исполнительскому мастерству не уступающие профессиональным коллективам. В 1963 году в крае насчитывалось 2506 различных кружков, в которых занималось 47 625 рабочих и служащих [12].

Год за годом всё более очевидной становилась роль ХКДНТ как органа, координирующего все вопросы художественной самодеятельности в крае. Осуществляя полный цикл контроля над всеми сферами деятельности любительских кружков, используя при этом межведомственные связи, ХКДНТ способствовал росту количественных и качественных показателей. В ежегодных отчё-

тах регулярно фиксировались имеющиеся формы и методы работы с художественной самодеятельностью, кроме того, были отражены основные недочёты для их оперативного устранения. Таким образом, можно сформулировать основные принципы работы ХКДНТ, способствовавшие его становлению как центра координации художественной самодеятельности:

1. *Работа с исполнителями.* Непосредственное общение с исполнителями происходило в ходе репетиций смотров художественной самодеятельности, а также при выездных консультациях методистов. В ходе оценки творческих навыков исполнителя методисты давали ценные рекомендации, проводили совместные репетиции, что позволяло повышать культурный и исполнительский уровень участников самодеятельности.

2. *Работа с руководителями* заключалась в регулярном мониторинге уровня образования руководителей кружков, содействии в получении ими профессионального образования. Регулярно проходящие семинары и курсы повышали квалификацию руководителей, знакомили их с имеющимися методиками и новыми тенденциями в творчестве. Также имели место личные беседы и выездные консультации, в ходе которых методисты давали советы относительно работы с конкретным коллективом и конкретными исполнителями.

3. *Работа с репертуаром.* Методисты следили за соответствием репертуара общественной и политической обстановке, для этого регулярно выпускали и рассылали по местам методические рекомендации и репертуарные сборники. В ходе смотров художественной самодеятельности методисты давали рекомендации относительно соответствия репертуара коллективу или исполнителю, оценивали его художественный уровень, тем самым способствуя росту художественного вкуса кружковцев.

4. *Шефская работа.* Осуществлялся контроль за шефством профессиональных исполнителей над самодеятельными коллективами. Методисты способствовали закреплению специалистов и целых учреждений культуры за конкретными творческими самодеятельными коллективами, определяли самые перспективные «танделы» и распространяли результаты успешного опыта работы.

5. *Межведомственная работа.* Взаимодействие с различными учреждениями и ведомствами осуществлялось на постоянной основе. Методисты подключались к работе с коллективами художественной самодеятельности, стоящей в плане других ведомств, координировали работу местных органов управления с целью централизации имеющихся сведений. Нередким явлением стали совместные межведомственные мероприятия, отражающие интересы всех сторон и способствующие дальнейшему развитию художественной самодеятельности.

Третий этап развития народного творчества, по А. В. Коноваловой (кризис и трансформация), был явлением всесоюзного масштаба, затронув в том числе художественную самодеятельность в Хабаровском крае. К концу 1970-х годов отмечается спад интереса к самодеятельности в рабочей среде. По состоянию на 1 января 1979 года количество кружков в крае сократилось до 1463 коллективов с количеством участников 16 516 человек [14, 8]. Однако сокращение количества участников не означало прекращения работы с коллективами. ХКДНТ продолжал всё так же тесно взаимодействовать с творческими объединениями края, проводить смотры-конкурсы и фестивали, работал над присвоением коллективам звания «народного».

Исторически сформировавшиеся принципы координации художественной самодеятельности ХКДНТ продолжает сегодня уже в видоизменённой форме, после ряда реорганизаций, в составе КГАУК «КНОТОК». Воссозданный в качестве структурного подразделения Дом народного творчества реализует большое количество мероприятий, направленных на развитие и сохранение самодеятельного художественного творчества. Среди них фестиваль любительских театров «Дальневосточный бенефис», проект «Дальневосточные хоровые ассамблеи “Лейся, песня, над Амуром”», фестиваль краевой популярной песни «Нам рано жить воспоминаниями». При содействии Дома народного творчества любительские коллективы Хабаровского края были неоднократно представлены на всероссийских и международных фестивалях и конкурсах [4].

В ходе поиска оптимальных путей взаимодействия с художественной самодеятельностью Дом народного творчества определил основные направления работы в соответствии с исторически сложившимися принципами. Кроме того, появились новые направления деятельности, такие как вовлечение творческих любительских коллективов в масштабные краевые постановки и создание самодеятельных коллективов при Доме народного творчества.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что Дом народного творчества оказал большое влияние на развитие художественной самодеятельности в Хабаровском крае. Используя принципы работы, направленные на всеобъемлющее руководство и контроль за выполнением основных рекомендаций, в крае была создана устойчивая система творческих коллективов, участникам которых в продолжение лучших традиций предоставляется возможность творческой самореализации и раскрытия потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абабкова, Н. Н. К вопросу становления театрального дела на российском Дальнем Востоке в конце XIX века (на примере деятельности Кружка любителей драматического искусства) / Н. Н. Абабкова // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2023. – № VIII (72). – С. 84-88.
2. Барашок, И. В. Самодеятельное музыкальное творчество русского и аборигенного дальневосточного населения / И. В. Барашок // Россия и АТР. – 2005. – № 4 (50). – С. 59-66.
3. Гапоненко, Ю. М. Художественная самодеятельность как отражение культурных процессов в СССР второй половины XX в. (на примере ведомственных железнодорожных учебных заведений Дальнего Востока России) / Ю. М. Гапоненко // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2021. – № IV (52). – С. 29-34.
4. Данилова, В. М. Деятельность Дома народного творчества КГАУК «КНОТОК» по формированию культурно-творческой среды в Хабаровском крае / В. М. Данилова // Вопросы развития культурно-творческой среды Дальнего Востока России и Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы Международной научно-практической конференции, Хабаровск, 07-09 октября 2014 года / Министерство культуры Российской Федерации, Хабаровский государственный институт искусств и культуры. – Хабаровск: Хабаровский государственный институт искусств и культуры, 2014. – С. 33-43.
5. Докладные записки, информации о работе культучреждений профсоюзов края, о состоянии работы по ликвидации неграмотности и малограмотности, об организации летнего отдыха трудящихся городов края // Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 111. 103 л.
6. Дома народного творчества России: ретроспектива и современность / М-во культуры РФ, Гос. российский дом нар. творчества; [ред.-сост. Л. А. Богуславская]. – М.: Гос. российский дом нар. творчества, 2009. – 492 с.
7. Колосова, О. Клуб в дни войны / О. Колосова // Тихоокеанская звезда. – 1941. – № 253 (4928). – С. 4.
8. Коновалова, А. В. Художественная самодеятельность как фактор формирования «массовой культуры» в советский период / А. В. Коновалова // Культура и цивилизация. – 2021. – Т. 11. – № 6А. – С. 159-165.
9. Крупник, А. Выше уровень культурной работы / А. Крупник // Тихоокеанская звезда. – 1940. – № 277 (4647). – С. 3.
10. Нарский, И. В. Как партия народ танцевать учила, как балетмейстеры ей помогали, и что из этого вышло: культурная история советской танцевальной самодеятельности / И. В. Нарский. – М.: Новое лит. обозрение, 2018. – 751 с.
11. Отчёты, справки о работе Хабаровского краевого Дома народного творчества, проведении конкурсов, смотров художественной самодеятельности за 1954 г., 1957 г., 1959 г., 1961 г., 1962 г. // Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-1812. Оп. 1. Д. 10. 150 л.
12. Отчёты, справки о работе Хабаровского краевого Дома народного творчества, состоянии коллективов художественной самодеятельности за 1960 – 1965 гг. // Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-1812. Оп. 1. Д. 19. 58 л.
13. Отчёты, справки Хабаровского краевого Дома народного творчества о работе за 1948 – 1952 гг. // Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-1812. Оп. 1. Д. 2. 94 л.
14. Планы работы Хабаровского краевого Дома народного творчества и отчёты о выполнении плана за 1978 год // Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-1812. Оп. 1. Д. 70. 23 л.
15. Румянцев, С. Ю. Некоторые теоретические проблемы и художественно-эстетические особенности самодеятельного творчества 1920-х годов / С. Ю. Румянцев, А. П. Шульпин // Самодеятельное художественное творчество в СССР: очерки истории / [РАН, Государственный ин-т искусствознания М-ва культуры РФ]; [редкол.: Л. П. Солнцева (пред.) и др.]. – СПб.: Дмитрий Буланин (ДБ), 1999. Т. 1. [Т. 1]: 1917-1932 гг. / [редкол.: К. Г. Богемская и др.]. – 2000. – С. 24-64.
16. Румянцев, С. Ю. Самодеятельное творчество и «государственная культура» / С. Ю. Румянцев, А. П. Шульпин // Самодеятельное художественное творчество в СССР: очерки истории / [РАН, Государственный ин-т искусствознания М-ва культуры РФ]; [редкол.: Л. П. Солнцева (пред.) и др.]. – СПб.: Дмитрий Буланин (ДБ), 1999. [Т. 2]: 1930-1950 гг. – 2000. – С. 7-49.

Бурдакова Г. И., Наливайко Т. Е., Бянкин А. С.

G. I. Burdakova, T. E. Nalivaiko, A. S. Byankin

**ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА
«ОБУЧЕНИЕ СЛУЖЕНИЕМ»**

**VOLUNTEERING AS A FORM OF IMPLEMENTATION OF THE PEDAGOGICAL
APPROACH «LEARNING BY SERVICE»**

Бурдакова Галина Ивановна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; тел. 8(4217)528-514. E-mail: galinabu@uambler.ru.

Galina I. Burdakova – PhD in Economics, Associate Professor, Pedagogy, Psychology and Social Work Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, Lenin St., 27; tel. 8(4217)528-514. E-mail: galinabu@uambler.ru.

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики, психологии и социальной работы Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; тел. 8(4217)528-425. E-mail: tenal@knastu.ru.

Tatiana E. Nalivaiko – Doctor in Pedagogy, Professor, Chair Holder for Pedagogy, Psychology and Social Work Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27 Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, zip code 681013; tel. 8(4217)528-425. E-mail: tenal@knastu.ru.

Бянкин Антон Сергеевич – старший преподаватель кафедры педагогики, психологии и социальной работы Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; тел. 8(4217)528-514. E-mail: anton.byankin@yandex.ru.

Anton S. Byankin – Senior Lecturer, Pedagogy, Psychology and Social Work Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, Lenin St., 27; tel. 8(4217)528-514. E-mail: anton.byankin@yandex.ru.

Аннотация. Воспитание патриотичной и социально ответственной личности является национальной целью РФ; такие задачи призван решать национальный проект «Молодёжь и дети», а также мероприятия Стратегии реализации молодёжной политики в Российской Федерации на период до 2030 года. Современные общественные инициативы активно реализуются в университетской среде. На усиление способности вуза улучшать общественную жизнь и организовывать образовательную деятельность студентов с формированием у них гражданской и социальной ответственности направлена новая – социальная – миссия университетов. Для достижения поставленных целей в российских вузах реализуется новый педагогический подход «Обучение служением», который призван решать задачи, схожие с волонтерской, проектной, воспитательной деятельностью. В работе отражены примеры добровольчества как формы подхода «Обучение служением» при взаимодействии с администрациями муниципальных образований, общественных и образовательных организаций, социально ответственным бизнесом. Показаны результаты добровольческой деятельности обучающихся вуза.

Summary. The education of a patriotic and socially responsible person is the national goal of the Russian Federation; The national project «Youth and Children», as well as the activities of the Strategy for the Implementation of Youth Policy in the Russian Federation for the Period up to 2030 are designed to solve such problems. Modern public initiatives are actively implemented in the university environment. A new social mission of universities is aimed at strengthening the ability of the university to improve public life and organize educational activities of students with the formation of their civic and social responsibility. To achieve these goals, Russian universities are implementing a new pedagogical approach «Learning by Service», which is designed to solve problems similar to volunteering, project, and educational activities. The work reflects examples of volunteering as a form of the «Learning by Service» approach in interaction with the administrations of municipalities, public and educational organizations, and socially responsible business. The results of volunteer activities of university students are shown.

Ключевые слова: национальные цели, воспитание молодёжи, обучение служением, добровольчество, социальный партнёр.

Key words: national goals, youth education, service education, volunteering, social partner.

УДК 378

Будущее страны формируется уже сегодня, оно зависит от того, каким будет подрастающее поколение. Задачи воспитания патриотичной и социально ответственной личности закреплены в Указе Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации до 2030 и на перспективу до 2036 года» [13]; основным инструментом достижения национальных целей являются национальные проекты. Один из них – «Молодёжь и дети» – направлен на «развитие поколения российских граждан, патриотически настроенного, высоконравственного и ответственного, способного обеспечить суверенитет, конкурентоспособность и дальнейшее развитие России».

Предполагается, что в результате широкого вовлечения молодёжи в добровольчество и общественную деятельность к 2030 году будут достигнуты следующие показатели:

- увеличение до 75 % доли молодых людей, участвующих в проектах и программах, направленных на профессиональное, личностное развитие и патриотическое воспитание;
- увеличение до 45 % доли молодых людей, вовлечённых в добровольческую и общественную деятельность.

Механизмы достижения показателей сформулированы в Стратегии реализации молодёжной политики в Российской Федерации на период до 2030 года [11].

Современные общественные инициативы активно продвигаются в университетской среде; в соответствии с государственной молодёжной политикой происходит трансформация роли и функций высших учебных заведений. Так, к традиционным образовательной и научной функциям вузов добавляется новая – социальная, называемая «третьей миссией университетов» [4; 5]. Социальная роль университета означает «усиление способности вуза улучшать общественную жизнь и организовывать образовательную деятельность студентов с учётом приоритетов формирования у них гражданской и социальной ответственности» [6].

С 2023 года в российских вузах реализуется новый педагогический подход «Обучение служением»; он явился результатом реализации одноимённой федеральной программы, которая была подготовлена по поручению Президента РФ, утверждённому 29 января 2023 года № Пр-173ГС по итогам заседания Государственного совета по молодёжной политике. Этот проект призван решать задачи, схожие с волонтерской, проектной, воспитательной деятельностью [7]. В то же время у него есть специфические возможности и инструменты [2; 3].

Педагогический подход «Обучение служением» имеет историю развития в образовании различных стран, в том числе и в российской высшей школе. Отечественные и зарубежные исследователи признают, что он «эффективно формирует ценностные, компетентностные и поведенческие установки, которые студенты способны воспроизводить и после окончания вуза» [1]. Заметна роль «Обучения служением» и в инженерном образовании как эффективного метода формирования эмпатии и человекоориентированного подхода у будущих инженеров, а также будущих специалистов в ИТ-сфере.

Само явление «служения» имеет много трактовок в разных научных, социокультурных и идеологических контекстах [9]. В рамках социологических дискуссий исследователи предложили понятие общественного служения, которое «интегрирует представления о двух видах служения как деятельности, реализующейся посредством:

1. добровольческих практик (волонтерства, благотворительности, помощи, взаимопомощи);
2. профессиональных практик, которым присуща в том числе и социальная миссия» [8].

Естественными партнёрами вузов в реализации их «третьей миссии» становятся государственные и муниципальные органы власти, социальные предприятия, некоммерческие организации. «В лице НКО и социальных предприятий университеты получают и “представителей” мест-

ного сообщества, и компетентного заказчика для поиска решений социальных проблем, и площадку для прохождения практики» [10].

В Комсомольском-на-Амуре государственном университете (КНАГУ) разработана и реализуется стратегическая Программа развития на 2023-2032 годы. Она «направлена на содействие увеличению вклада университета в достижение национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года, сбалансированное пространственное развитие страны, обеспечение доступности качественного высшего образования в Хабаровском крае и Российской Федерации в целом» [12].

Отдельный раздел программы посвящён социальной миссии университета. Она направлена на «...формирование активной гражданской позиции; ... развитие навыков социального проектирования...; обеспечение общественной значимости проектных инициатив для “третьей миссии университета”; обеспечение успешного партнёрства университета с НКО, бизнесом, региональными и местными администрациями при реализации “третьей миссии” университета; востребованность в реализации социальной миссии интеллектуального потенциала сотрудников и студентов университета» [12, 35].

В КНАГУ педагогический подход «Обучение служением» реализуется с конца 2024 года; университет подключился к реализации этой федеральной программы на платформе ДОБРО.РФ. К настоящему времени в университете:

- создан проектный офис;
- осуществляют свою деятельность кураторы общественных проектов;
- обучающиеся первого курса получают опыт разработки и презентации социального проекта в рамках преподаваемой дисциплины «Обучение служением»;
- заключены соглашения с социальными партнёрами;
- уже подготовлены и защищены первые выпускные квалификационные работы в формате общественного проекта;
- реализованы «Добрые дела».

Защита 23 ВКР в формате общественного проекта ожидается летом 2025 года.

Первые защиты ВКР в формате общественного проекта прошли на кафедре «Педагогика, психология и социальная работа» социально-гуманитарного факультета. Диплом «Анализ реализации и совершенствование муниципальной программы “Защита населения и территории города Комсомольска-на-Амуре от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах”» выполнен по заявке МКУ «Центр гражданской защиты» г. Комсомольска-на-Амуре. Предложения по совершенствованию муниципальной программы нашли практический отклик в Управлении ГО и ЧС города.

В результате выполнения ВКР «Социальный проект, направленный на организацию досуговой деятельности пожилых людей в КГБУ “Комсомольский-на-Амуре дом-интернат для престарелых и инвалидов”» предложены меры по организации досуговой деятельности пожилых людей в КГБУ «Комсомольский-на-Амуре дом-интернат для престарелых и инвалидов». Мероприятия программы направлены на оказание помощи в социальной адаптации пожилым людям в КГБУ «Комсомольский-на-Амуре дом-интернат для престарелых и инвалидов» посредством организации их досуга.

Отдельного внимания заслуживают проекты, выполненные обучающимися под руководством опытных наставников-преподавателей, которые можно классифицировать как «добровольчество» («Добрые дела»). Эти проекты не являются результатом выпускных квалификационных работ, но выполнены по заявкам, размещённым социальными партнёрами на платформе ДОБРО.РФ при изучении соответствующих дисциплин в форме курсовых, лабораторных, практических работ.

Лидером здесь является факультет кадастра и строительства (ФКС), студенты которого уже много лет в рамках учебного процесса выполняют реальные дизайн-проекты по заказу администраций муниципальных образований «Город Комсомольск-на-Амуре», «Рабочий посёлок Солнечный», «Город Амурск», а также администраций районов: Комсомольского, Амурского, Солнечного. В 2024/2025 учебном году на ФКС по заказу отдела архитектуры и градостроительства

администрации Комсомольского муниципального района Хабаровского края были выполнены социальные проекты, направленные на развитие туризма в Комсомольском районе; в этом регионе находятся наиболее перспективные для реализации туристического потенциала территории – сёла Верхняя Эконь, Пивань, Хурба; здесь планируется построить глэмпинги. В результате выполнены: подготовка эскизных дизайн-проектов функционального зонирования территорий, пригодных для реализации туристического потенциала в с. Верхняя Эконь; расчёт плиты перекрытия здания производственного назначения в с. Селихино; подготовка эскизного дизайн-проекта функционального зонирования территории, пригодной для реализации туристического потенциала в с. Пивань; подготовка эскизного дизайн-проекта глэмпинга и благоустройства территории страусиной фермы в с. Хурба. Дизайн-проекты переданы социальному партнёру для дальнейшей реализации.

В целях содействия международному культурному обмену и привлечению иностранных туристов на Дальний Восток студентами кафедры «Лингвистика и межкультурная коммуникация» социально-гуманитарного факультета осуществлён перевод фильмов АНО «Планета тайга» на китайский язык. В результате китайские граждане смогут увидеть полностью переведённые и адаптированные для китайской аудитории фильмы о природе и культуре Дальнего Востока. Заказчиком выступила АНО популяризации Хабаровского края и просвещения населения «Планета тайга».

Социальное партнёрство и добровольчество проявляются в образовательной цепочке «Школа – вуз – предприятие». Так, в рамках партнёрского соглашения между КнАГУ и СОШ № 31 ежегодно проводится интеллектуальная игра «ИнтеллектУм». Студенты кафедры «Технология сварочного и металлургического производства им. В. И. Муравьёва» традиционно создают памятные кубки для победителей специальной номинации факультета машиностроительных и химических технологий. Изготовление памятных подарков выполняется на практических занятиях по дисциплине «Технология производства сварных конструкций», в работе используется специализированное сварочное оборудование.

Студенты кафедры «Авиационное строительство» факультета авиационной и морской техники выполнили проект «Расчёт напряжённо-деформированного состояния болтовых соединений элементов авиационных конструкций» для Комсомольской-на-Амуре городской общественной молодёжной организации активного отдыха и спорта «Комсомольский-на-Амуре авиационный спортивный клуб». Деятельность этой организации направлена на развитие малой авиации и авиационного спорта, совершенствование спортивного, культурного и военно-патриотического воспитания детей и молодёжи. Подготовка проекта дала возможность студентам применить академические знания, полученные при изучении дисциплин «Технология изготовления деталей самолёта», «Технология заготовительно-штамповочного производства», к решению реальных проблем отечественного авиационного строительства. Предложенные студентами решения позволят повысить безопасность эксплуатации конструкций летательных аппаратов.

У студентов факультета энергетики и управления (ФЭУ) также есть опыт социального партнёрства с общественными организациями. Так, по заказу Комсомольской-на-Амуре городской общественной организации развития благоустройства и самоуправления (КГОО) «Градосфера» обучающимися была разработана система сбора информации о концентрации вредных веществ в атмосфере, а затем разработано табло для отображения информации об их составе и концентрации в разных районах города. Реализация данного проекта позволит получать независимую оценку загрязнения окружающей среды и таким образом влиять на принятие решений об улучшении экологии города.

На благоустройство городской среды направлен проект ФЭУ по разработке системы освещения общественного пространства на базе возобновляемого источника электропитания; проект реализован в партнёрстве с ООО «Энжей». В результате реализации проекта появляется возможность автоматически управлять системой освещения, экономить электроэнергию, создавать более комфортное пребывание человека в освещаемом пространстве.

Добровольчество свойственно не только некоммерческим организациям, но и социально ответственному бизнесу. Одному из таких индивидуальных предпринимателей (ИП Зубков А. Н.) студенты кафедры «Экономика и менеджмент» ФЭУ помогли разработать стратегию развития

компания по организации праздников в социальном направлении, а именно организовывать и проводить мероприятия для детей из социально незащищённых групп.

Таким образом, образовательный подход «Обучение служением» встроен в учебные планы вуза, обеспечивает интеграцию обучения и социальной практики. Новый педагогический подход позволяет студентам применить свои профессиональные навыки, приобрести практический опыт в работе с социальными задачами некоммерческих организаций и принести таким образом пользу обществу. В результате университет не только обучает и проводит исследования, но и участвует в развитии региона, взаимодействует с обществом, реализует социальные программы и воспитывает активных и ответственных граждан, т. е. реализует свою третью – социальную – миссию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барыкина, А. И. Представления о понятии «служение» представителей различных профессиональных групп // Российский психологический журнал. – 2020. – Т. 17. – № 3. – С. 44-59.
2. Детерминанты успешности и риски реализации подхода «Обучение служением» в условиях проектно-ориентированного обучения / Я. А. Асланов, Л. С. Деточенко, А. П. Лепин, Е. В. Мартынова // Высшее образование в России. – 2024. – Т. 33. – № 8-9. – С. 63-83.
3. Жабина, Н. А. Образовательный подход «Обучение служением» в контексте проектного обучения в системе высшего образования / Н.А. Жабина, Д. С. Каргапольцева // Образовательный подход «Обучение служением»: проблемы, результаты и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-методической конференции. – Ярославль: ООО «Филигрань», 2025. – С. 77-84.
4. Литвинова, С. А. Обучение служением как образовательная технология в подготовке будущих управленцев / С. А. Литвинова, Е. Ю. Золочевская // Государственное управление и развитие России: цивилизационные вызовы и национальные интересы: сборник статей Конференц-сессии ИГСУ РАНХиГС. – М.: Научный консультант, 2024. – С. 673-678.
5. Москвина, Н. Б. Практика «Service-Leaning Education» в учебном модуле «Обучение служением» как средство формирования гражданской активности студентов / Н. Б. Москвина, С. П. Машовец // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. – 2024. – № 4-2 (97). – С. 12-17.
6. Наливайко, Т. Е. К вопросу об обучении студентов гражданской и социальной ответственности – проектный офис «Обучение служением» // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2024. – № VIII (80). – С. 28-30.
7. Никольский, В. С. Обучение служением в России: становление предметного поля / В. С. Никольский // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32. – № 12. – С. 9-28.
8. Готовность студентов вузов к общественному служению / В. С. Никольский, П. А. Амбарова, Н. В. Шаброва, Д. И. Земцов, А. П. Метелев // Высшее образование в России. – 2024. – Т. 33. – № 8-9. – С. 9-26.
9. Шумихина, А. А. Опыт внедрения в образовательный процесс элементов концепции «Обучение служением» / А. А. Шумихина, Т. О. Ткачева // Обучение служением как концепция развития некоммерческого сектора экономики: сборник материалов Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону: [б. и.], 2024. – С. 134-138.
10. Формирование и масштабирование практики реализации «третьей миссии» университета. Методические материалы и модульные документы // НИУ «Высшая школа экономики», 2023. – URL: https://www.hse.ru/isep/third_mission (дата обращения: 12.03.2025). – Текст: электронный.
11. О Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 17 августа 2024 г. № 2233-р // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1307068392> (дата обращения: 12.03.2025). – Текст: электронный.
12. Программа развития ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет» на 2023-2032 годы. Зарегистрирована Минобрнауки от 20 февраля 2024 г. № МН-7/717 // ФГБОУ ВО «КНАГУ», официальный сайт. – URL: <https://knastu.ru/page/1724> (дата обращения: 12.03.2025). – Текст: электронный.
13. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07 мая 2024 г. № 309 // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 12.03.2025). – Текст: электронный.

Ларченко Ю. Г.
Y. G. Larchenko

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА В ФОРМАТЕ ОБЩЕСТВЕННОГО
ПРОЕКТА: АКТУАЛЬНОСТЬ, ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ, АЛГОРИТМ
РАЗРАБОТКИ**

**FINAL QUALIFICATION WORK IN THE FORMAT OF A PUBLIC PROJECT: RELEVANCE,
PRACTICAL SIGNIFICANCE, DEVELOPMENT ALGORITHM**

Ларченко Юлия Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры проектирования, управления и разработки информационных систем Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: l_uliya_g@mail.ru.

Yulia G. Larchenko – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Design, Management and Development of Information Systems, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: l_uliya_g@mail.ru.

Аннотация. С 1 сентября 2024 года высшие учебные заведения страны в соответствии с Федеральной программой «Обучение служением» призваны к решению социально значимых задач в рамках освоения отдельной дисциплины учебного плана, практической подготовки или выполнения выпускной квалификационной работы (далее ВКР) по образовательным программам бакалавриата и специалитета всех форм обучения. Педагогический подход «Обучение служением» позволяет студентам применить свои профессиональные умения и навыки в исследовании и разработке путей решения особо актуальных социальных проблем, а также проявить свои гражданские, личностные и коммуникативные качества. В этой связи в работе рассматривается одна из форм педагогического подхода «Обучение служением» – это выпускная квалификационная работа как общественный проект. Демонстрируется опыт реализации данной формы на примере ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет», приводится обобщённый алгоритм разработки ВКР в форме общественного проекта.

Summary. Since September 1, 2024, higher education institutions of the country, in accordance with the Federal Program «Learning by Service», are called upon to solve socially significant problems within the framework of mastering a separate discipline of the curriculum, practical training or completing a final qualifying work (hereinafter referred to as FQW) in bachelor's and specialist's degree programs of all forms of education. The pedagogical approach «Learning by Service» allows students to apply their professional skills and abilities in researching and developing ways to solve particularly pressing social problems, as well as to demonstrate their civic, personal and communicative qualities. In this regard, the work considers one of the forms of the pedagogical approach «Learning by Service» – this is a final qualifying work as a social project. The experience of implementing this form is demonstrated using the example of Komsomolsk-na-Amure State University, a generalized algorithm for developing a FQW in the form of a social project is given.

Ключевые слова: педагогический подход, общественный проект, выпускная квалификационная работа, образовательная программа, онлайн-платформа, студент, компетенции.

Key words: pedagogical approach, public project, final qualification work, educational program, online platform, student, competencies.

УДК 378.147

В настоящее время одними из направлений проектного офиса в высших учебных заведениях страны являются поиск и решение ключевых социально ориентированных задач в рамках реализации федеральной программы «Обучение служением», разработанной в соответствии с поручением Президента РФ от 29 января 2023 года № Пр-173ГС [8; 11].

Во исполнение поручения Президента РФ о внедрении модуля «Обучение служением» в учебные планы подготовки бакалавров и специалистов и на основе методических рекомендаций,

регламентирующих данный процесс, в октябре 2024 года в ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет» утверждено Положение о подготовке и защите выпускных квалификационных работ (ВКР) в формате общественного проекта [5; 10; 12; 13].

В 2024/2025 учебном году впервые в университете планируется к защите порядка 24 ВКР в формате общественного проекта (15,3 % от общего количества ВКР) (см. рис. 1, табл. 1).

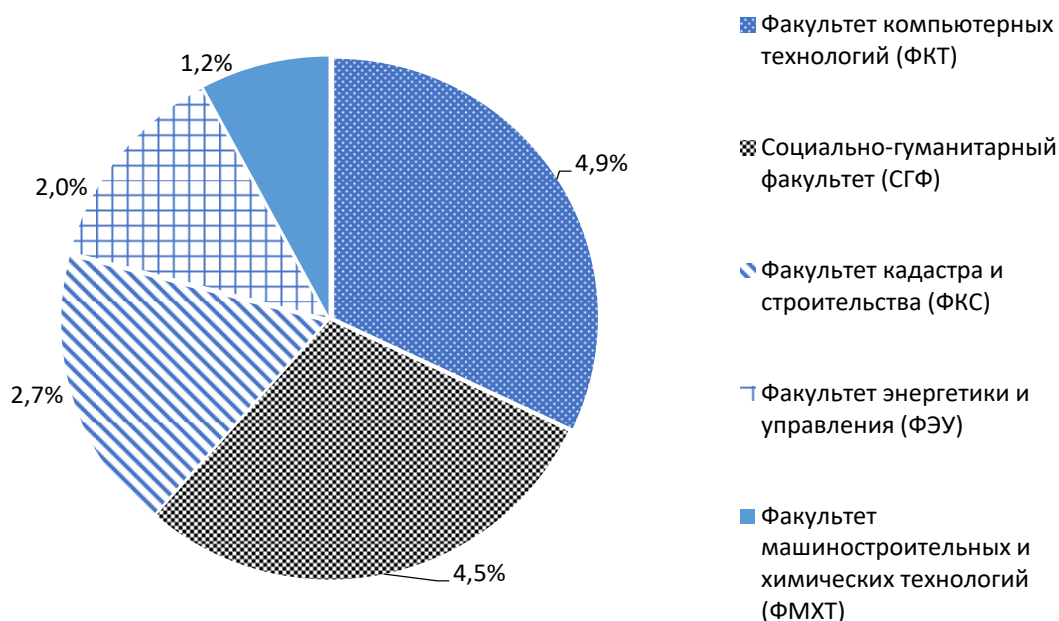

Рис. 1. Количество ВКР в формате общественного проекта в 2024/2025 учебном году (по плану)

Таблица 1

ВКР в формате общественного проекта по факультетам

Направление общественного проекта	СГФ	ФКС	ФКТ	ФМХТ	ФЭУ	Общий итог
Экология	-	1	-	-	1	2
ЧС	1	-	-	-	-	1
Урбанистика	3	-	-	1	1	5
Старшее поколение	1	-	-	-	-	1
Спорт и события	-	1	-	-	-	1
Права человека	1	-	-	-	-	1
Наука	-	-	-	-	1	1
Интеллектуальная помощь	-	-	5	-	-	5
Здравоохранение и ЗОЖ	-	2	-	-	-	2
Другое	3	-	-	1	-	4
Дети и молодёжь	-	-	-	-	1	1
Общий итог	9	4	5	2	4	24

Наибольшее количество ВКР в формате общественного проекта заявлено социально-гуманитарным факультетом (9 работ). Целевая направленность этих проектов – это решение вопросов защиты населения в чрезвычайных ситуациях, оказания помощи пожилым людям и благоустройства территории города Комсомольска-на-Амуре и Комсомольского района.

Кроме социально-гуманитарного факультета, активность и заинтересованность в применении своих профессиональных знаний, умений и навыков в общественной жизни города и Хабаровского края в целом проявляют студенты и других факультетов: факультета компьютерных технологий, факультета кадастра и строительства, факультета энергетики и управления, факультета машиностроительных и химических технологий. Они также стремятся улучшить качество жизни населения за счёт разработки дизайн-проектов новых зданий и сооружений, а также средовых решений территории, создания полезных и необходимых приложений для людей с ограниченными возможностями, мобильных приложений и чат-ботов в сфере дошкольного и школьного образования и др.

Отметим, что основным источником информации о социальных заказах является онлайн-платформа ДОБРО.РФ [9]. Данная информационная система представляет собой сложный механизм взаимодействия организаторов (социальных партнёров), верификаторов (операторов) и участников общественных проектов при помощи разных ИТ-сервисов и инструментов [1]. Организаторами социальных проектов, как правило, выступают государственные органы власти, некоммерческие организации, фонды, а в качестве приоритетных участников – образовательные организации в лице конкретных исполнителей – студентов и преподавателей, выполняющих роль наставников и руководителей [2].

На рис. 2 показан общий алгоритм оформления заявки на общественный проект и принятия в работу социального заказа.

На первом этапе университет проходит регистрацию на онлайн-платформе ДОБРО.РФ. Далее через вкладку «Сервисы. Обучение служением» для вуза в лице конкретных исполнителей (студентов и преподавателей) становится доступным каталог региональных социальных задач [4].

После процедуры регистрации и подтверждения роли вуза-участника осуществляется поиск, выбор и бронирование социального заказа.

На момент проведения исследования в каталоге социальных задач по Хабаровскому краю насчитывалось порядка 50 задач по следующим ключевым направлениям:

- урбанистика – 10 проектов;
- дети и молодёжь – 9 проектов;
- СВО – 9 проектов;
- спорт и события – 8 проектов;
- образование – 4 проекта;
- ветераны и историческая память – 2 проекта;
- старшее поколение – 2 проекта;
- экология – 2 проекта;
- здравоохранение и ЗОЖ – 1 проект;
- ЧС – 1 проект;
- люди с ОВЗ – 1 проект;
- права человека – 1 проект.

В качестве социального партнёра-участника ФГБОУ ВО «КНАГУ» заявлен в 24 региональных социально ориентированных проектах – это 48 % от их общего количества. При этом заказчик может утвердить несколько образовательных организаций для выполнения поставленной задачи, а также установить приоритетного исполнителя.

При наличии у вуза собственных общественных проектов, планируемых к разработке или готовых к реализации, он переходит в статус социального заказчика. Для этого университет проходит верификацию на сайте ДОБРО.РФ как организатор проекта. После одобрения и подтверждения оператором (региональным представителем ДОБРО.РФ) статуса организатора у образовательной организации появляется право инициирования и самостоятельного размещения заявок на выполнение социальных проектов.

В случае отказа в верификации заявка на социальный проект направляется для рассмотрения в экспертный совет университета.

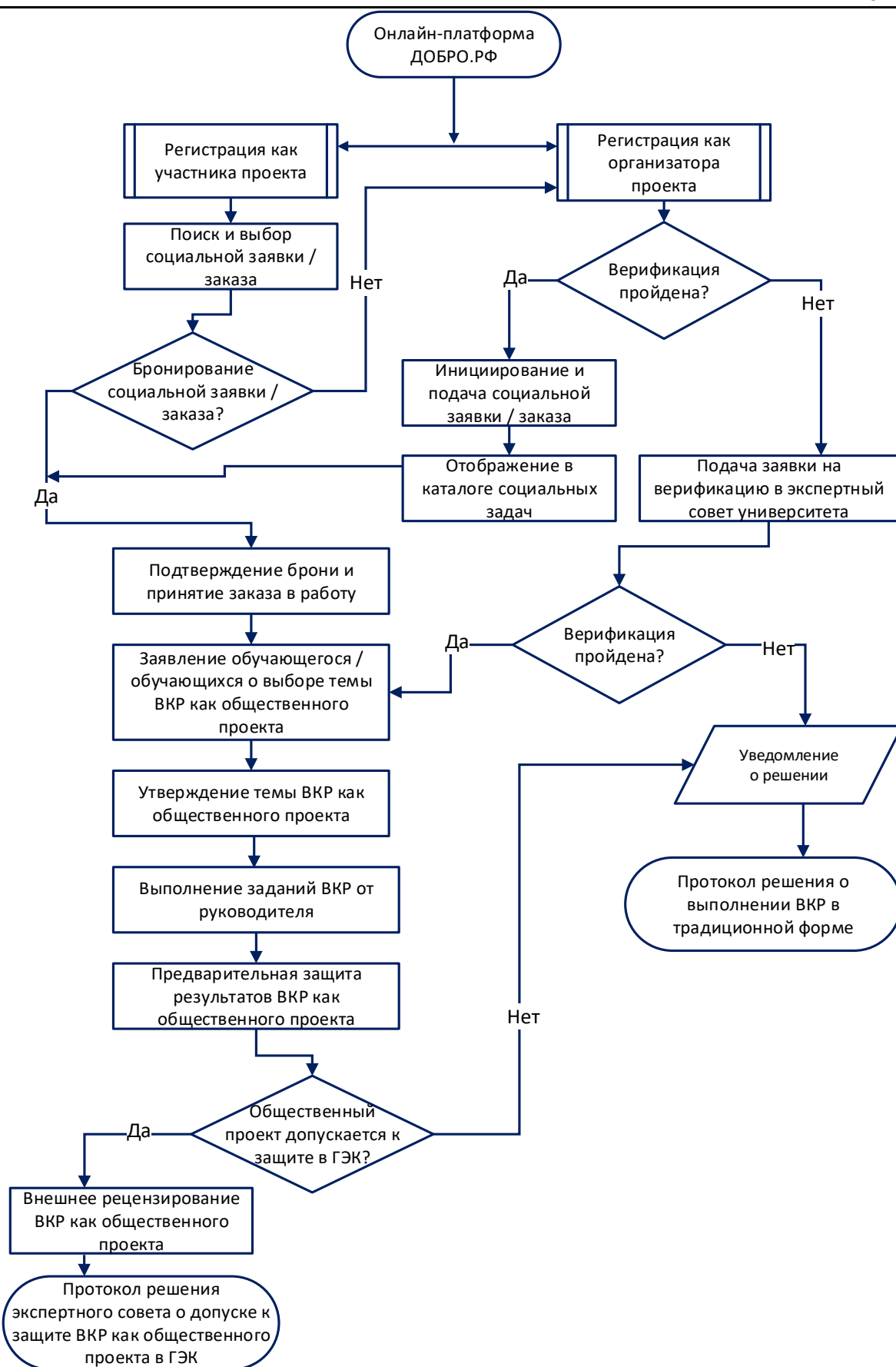

Рис. 2. Обобщённый алгоритм разработки ВКР как общественного проекта

При положительном решении экспертного совета утверждаются состав участников проекта среди подавших заявление студентов и тема ВКР в формате общественного проекта. В случае бронирования заявки на сайте ДОБРО.РФ проект сразу принимается в работу без прохождения процедуры верификации в экспертном совете.

Для социальных заявок, прошедших верификацию на заседании экспертного совета университета, предполагается демонстрация промежуточных результатов по проекту в течение учебного года. На последнем заседании экспертного совета принимается окончательное решение о допуске ВКР к защите в форме общественного проекта. В случае отрицательного решения экспертного совета в протоколе постановляется выполнение ВКР в традиционной форме.

По социальным заявкам, бронированным и принятым к исполнению на сайте ДОБРО.РФ, участникам рекомендуется находиться в постоянном взаимодействии с заказчиком для детализации рабочих моментов и согласования промежуточных результатов.

Рассмотрим пример принятой в работу социальной заявки на платформе ДОБРО.РФ (см. табл. 2).

Таблица 2

Социальная заявка на платформе ДОБРО.РФ

Параметры общественного проекта	Описание общественного проекта
Номер социальной заявки	373 154
Тема ВКР как общественного проекта	Проектирование досуговой деятельности пожилых людей в стационарном учреждении системы социальной защиты населения (на примере деятельности КГБУ «Комсомольский-на-Амуре дом-интернат для престарелых и инвалидов»)
Направление деятельности	Старшее поколение, люди с ограниченными возможностями (далее ОВЗ), здравоохранение и здоровый образ жизни (далее ЗОЖ)
Социальный заказчик	КГБУ «Комсомольский-на-Амуре дом-интернат для престарелых и инвалидов»
Ожидаемые результаты	Программа мероприятий, направленная на повышение физической активности людей пожилого возраста, улучшение их психолого-эмоционального состояния, а также умственных способностей
Приоритетный исполнитель – образовательная организация	ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет»
Команда проекта	Студент – выпускник направления подготовки 39.03.02 «Социальная работа» (социально-гуманитарный факультет). Руководитель проекта – доцент кафедры «Педагогика, психология и социальная работа»

Данный пример наглядно демонстрирует актуальность и практическую значимость выполнения ВКР в формате общественного проекта. В первую очередь, это обусловлено широтой охвата нескольких направлений деятельности – это старшее поколение и люди с ОВЗ, а также здравоохранение и ЗОЖ. Перед командой проекта поставлена многоплановая задача улучшения качества жизни пожилых людей, решение которой позволит исполнителю реализовать полученные в ходе обучения профессиональные компетенции по направлению подготовки 39.03.02 «Социальная работа».

Анализ ряда других социальных заказов, по которым в качестве приоритетного исполнителя заявлен ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет», показал, что большинство общественных проектов являются комплексными, направленными на решение соци-

альных проблем по нескольким направлениям деятельности. В этой связи участники – исполнители ВКР в формате общественного проекта приобретают дополнительные умения и навыки учёта разных факторов и условий, а также ограничений, что повышает уровень их профессионализма на рынке труда.

Для университета как образовательной организации реализация педагогического подхода «Обучение служением» является неотъемлемым элементом процесса воспитания обучающихся, развития у них личностно-коммуникативных качеств, проявления гражданской позиции, осознания своей роли в обществе [3; 6; 7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абарникова, Е. Б. Парадигма цифрового образования и использование цифровых образовательных технологий в учебном процессе / Е. Б. Абарникова, В. С. Кортун // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2023. – № V (69). – С. 67-75.
2. Детерминанты успешности и риски реализации подхода «Обучение служением» в условиях проектно-ориентированного обучения / Я. А. Асланов, Л. С. Деточенко, А. П. Лепин, Е. В. Мартынова // Высшее образование в России. – 2024. – Т. 33. – № 8-9. – С. 63-83.
3. Готовность студентов вузов к общественному служению / В. С. Никольский, П. А. Амбарова, Н. В. Шаброва [и др.] // Высшее образование в России. – 2024. – Т. 33. – № 8-9. – С. 9-26.
4. Князева, О. Н. «Обучение служением» как эффективный подход для развития индивидуального потенциала обучающегося в образовательной среде университета / О. Н. Князева, Н. А. Галка // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2024. – № 4 (305). – С. 88-92.
5. Наливайко, Т. Е. К вопросу об обучении студентов гражданской и социальной ответственности – проектный офис «Обучение служением» / Т. Е. Наливайко // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2024. – № VIII (80). – С. 28-30.
6. Наливайко, Т. Е. Универсальные компетенции студентов вуза в фокусе воспитательной работы / Т. Е. Наливайко, М. В. Шинкорук // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2021. – № II (50). – С. 65-71.
7. Нам, Т. А. Социально значимые технологии в профессиональном образовании на примере «Обучение служением» / Т. А. Нам, М. В. Смирнов // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2024. – Т. 13. – № 1. – С. 99-115.
8. Смицких, К. В. Управленческий подход к реализации программы «Обучение служением»: опыт Владивостокского государственного университета / К. В. Смицких, О. А. Батурина // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. – 2024. – Т. 16. – № 3 (71). – С. 92-101.
9. Каталог социальных задач // ДОБРО.РФ. – URL: [https://sl.dobro.ru/catalog?tfc_sort\[645424099\]=created:desc&tfc_quantity\[645424099\]=y&tfc_charact:6278042\[645424099\]=Хабаровский+край&tfc_div=:::\(дата обращения: 02.04.2025\).](https://sl.dobro.ru/catalog?tfc_sort[645424099]=created:desc&tfc_quantity[645424099]=y&tfc_charact:6278042[645424099]=Хабаровский+край&tfc_div=:::(дата обращения: 02.04.2025).) – Текст: электронный.
10. Методические рекомендации по реализации модуля «Обучение служением» в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации / В. С. Никольский, А. Н. Зленко, Т. В. Рябко и др.; рук. авт. кол. Д. И. Земцов; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. – 86 с.
11. Перечень поручений по итогам заседания Госсовета (утв. Президентом РФ 29.01.2023 № Пр-173ГС) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_438778/ (дата обращения: 02.04.2025). – Текст: электронный.
12. Письмо Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 16 февраля 2024 г. № МН-11/418-ОП «О направлении информации» // Юго-Западный государственный университет. – URL: https://swsu.ru/obuchenie-sluzheniem/16_02_2024_MN_11_418_OP_Petrova_.pdf (дата обращения: 02.04.2025). – Текст: электронный.
13. Положение «О подготовке и защите выпускных квалификационных работ в формате общественного проекта в ФГБОУ ВО «КНАГУ» // ФГБОУ ВО «КНАГУ», официальный сайт. – URL: https://knastu.ru/media/files/page_files/page_425/prikaz/Prikaz_i_Polozheniye.pdf (дата обращения: 02.04.2025). – Текст: электронный.

Пухов А. А., Новгородов Н. А., Ткачева Ю. И.
A. A. Pukhov, N. A. Novgorodov, J. I. Tkacheva

**РАЗВИТИЕ ОДАРЁННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО СРЕДНЕГО ОБЩЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ, ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**THE DEVELOPMENT OF GIFTEDNESS IN THE CONTEXT OF MODERN GENERAL
EDUCATION SYSTEM: PROBLEMS, APPROACHES AND PROSPECTS**

Пухов Алексей Александрович – аспирант Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); тел. 8(984)179-15-04. E-mail: lemonsqueezyeasy@yandex.ru.

Aleksey A. Pukhov – Postgraduate Student, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); tel. 8(984)179-15-04. E-mail: lemonsqueezyeasy@yandex.ru.

Новгородов Никита Александрович – кандидат технических наук, доцент кафедры «Тепловые энергетические установки» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); тел. 8(925)819-98-09. E-mail: nikitakms@yandex.ru.

Nikita A. Novgorodov – PhD in Engineering, Associate Professor, Thermal Power Systems Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); tel. 8(925)819-98-09. E-mail: nikitakms@yandex.ru.

Ткачева Юлия Ильинична – кандидат технических наук, доцент кафедры «Тепловые энергетические установки» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); тел. 8(914)210-27-46. E-mail: grin@knastu.ru.

Julia I. Tkacheva – PhD in Engineering, Associate Professor, Thermal Power Systems Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); tel. 8(914)210-27-46. E-mail: grin@knastu.ru.

Аннотация. В данной статье рассмотрены основные проблемы современной системы образования в Российской Федерации на уровне общего среднего образования в контексте поиска и развития одарённости у учеников на примере предмета «Физика». На основе личного опыта, оценок лиц, вовлечённых в данную образовательную сферу, а также анализа имеющихся литературных источников обозначен спектр проблем, препятствующих развитию одарённости учеников, предложены возможные подходы к решению указанных проблем, а также приведён сравнительный субъективный анализ возможных подходов к преподаванию у групп преуспевающих учеников с целью максимального развития их потенциала.

Summary. This article examines the main problems of the modern education system in the Russian Federation at the level of general secondary education in the context of searching for and developing giftedness in students using the subject of physics as an example. Based on personal experience, assessments of people involved in this educational sphere, as well as an analysis of available literary sources, a range of problems that hinder the development of giftedness in students is identified, possible approaches to solving these problems are proposed, and a comparative subjective analysis of possible approaches to teaching groups of successful students in order to maximize the development of their potential is provided.

Ключевые слова: развитие одарённости, методики преподавания физики, проблемы образования.

Key words: development of talents, methods of teaching physics, problems of education.

УДК 372.853

Поиск одарённых детей в школе, в более широком понимании поиск одарённости как выдающегося творческого потенциала ученика в некоторой сфере деятельности, основывающегося на индивидуальном психофизическом развитии и предшествующем опыте, всегда представляет собой непростую задачу для преподавателя. Способность за рутинной учебной деятельностью ребёнка разглядеть зародыш таланта целиком и полностью основывается на профессионализме преподавателя: глубокое и целостное понимание преподаваемого им предмета, наличие педагогиче-

ских знаний и опыта, а также, в некотором роде, наличие у него сходной совокупности мыслительной деятельности и мировоззрения, т. е. собственной одарённости, определяют успешность проводимых поисков.

Однако подходы к поиску и развитию одарённости в учениках хотя и имеют некоторые общие черты, но зависят от внешних факторов, таких как возможность широкого охвата контингента школ, наличие заинтересованности и поддержки как со стороны административных ресурсов системы образования, так и родителей учеников, а также наличие достаточного количества времени. Тем не менее в текущей системе образования всё большую роль в качестве внешнего фактора, определяющего трудности поиска и развития одарённости, играет сам подход к ведению образовательной деятельности, определяемый установками системы обучения, а более конкретно его последствиями [1]. К большому сожалению, из-за наличия серьёзных проблем в системе образования грань между среднестатистическим учеником и таковым с большим потенциалом к изучению отдельных дисциплин из-за общего упадка уровня подготовки стирается, в результате чего даже при благоприятствовании всех остальных факторов стороннему преподавателю становится практически невозможно в разумные временные интервалы выделить потенциально более способных учеников из предоставляемой группы. В данной статье рассмотрены основные проблемы текущей системы среднего общего образования, приводящие к утрате учениками их задатков, возможные подходы к работе по поиску и развитию одарённых детей, а также перспективы в условиях специфики текущей системы оценки достижений ученика. Все выводы и заключения авторами статьи сделаны на основе личного опыта поиска одарённых детей и преподавания физики в этой группе, вследствие чего должны приниматься с соответствующей критической оценкой.

Ключевой проблемой современной системы образования в контексте поиска и развития одарённых детей является то, что из-за серьёзного недостатка знаний у учеников в целом отличие потенциально перспективного ученика от среднестатистического невозможно определить с помощью синтетических тестов в условиях отсутствия самостоятельной продолжительной самообразовательной деятельности тестируемого [2]. Так, например, различия в подходах к решению задач по физике повышенной сложности, в теории позволяющие определять задатки ученика по применению им типовых, шаблонных алгоритмов решения или же творческого, нестандартного мышления, невозможно использовать в условиях, когда имеющиеся у ученика знания не позволяют приступить к решению задачи вообще. Такая же судьба уготована для всех способов, связанных с проверкой уровня глубины и комплексности суждений ученика в процессе устного взаимодействия.

В результате недостатков текущей образовательной системы произвольно взятый из неё ученик обладает настолько примитивными, «околонулевыми» знаниями, что дальнейшая работа в контексте углублённого изучения того или иного предмета представляется невозможной.

Автором данной статьи на основе собственного опыта работы в качестве преподавателя воскресной физико-математической школы были выделены следующие качества среднестатистического абитуриента:

1. Крайне слабые первоначальные знания по математике.

Для всех учеников имеющиеся на момент поступления первоначальные знания по математике не позволяли осуществлять базовые математические преобразования в физике, такие как, например, выражение неизвестной переменной из линейного уравнения, решение системы двух линейных уравнений, применение математических преобразований для сокращения выражения, операции и действия с простыми дробями. Незнание математики и отсутствие навыков по её применению во всех обозначенных группах приводили к невозможности преподавания физики без предварительного отдельного изучения необходимой минимальной математики в течение нескольких академических часов. Процент учеников, которые на момент начала преподавания обладали достаточными для преподавания физики знаниями, не превышал 5 %.

2. Отсутствие базовых представлений и знаний по физике.

Во всех категориях программа за предшествующие моменту начала преподавания физики классы могла быть охарактеризована как не пройденная. Ученики имели затруднения в преобразовании физических единиц измерения, решении простых («в одну строку») задач, а также не обла-

дали знаниями основных законов и определений, в том числе в формате вольных интерпретаций. Исключения обнаружены не были. Некоторая доля учеников хоть и демонстрировала некоторые начальные знания, однако в очень ограниченном количестве тем и без понимания сущности описываемого явления, закона, процесса. Также наблюдались заучивание решений типовых задач, решения на уровне догадок, внутренних, полностью интероцептивных рассуждений, что, естественно, не могло быть базой для дальнейшего полноценного изучения физики.

3. Проблемы мышления.

Физика является достаточно абстрактной наукой, но, тем не менее, запрашивает и объектно-ориентированное образное мышление для формирования внутренней модели того или иного физического процесса [3]. При этом развитие знаний по физике опирается в своих основах на внутренние модели, позволяющие при рассмотрении той или иной проблемы отвечать на вопрос «что будет, если...» перед началом математического описания, отчего объектно-ориентированное образное мышление является весьма значимым. Практически все ученики проявляли одинаковые затруднения при решении задач, требовавших мыслительных операций с образами реальных объектов. Например, очень часто эквивалентность вытесняемого объёма воды при погружении некоторого предмета в неё объёму этого самого предмета не представлялась ученикам как нечто очевидное и требовала отдельного упоминания при решении задач.

4. Отсутствие опыта взаимодействия с окружающими объектами.

Очень серьёзным препятствием при работе с учениками в контексте изучения физики было отсутствие у них опыта работы с реальными объектами, самостоятельной работы руками [4]. Эта проблема проявлялась как неспособность ученика воспользоваться подручными (а равно, впрочем, и специально спроектированными для конкретной цели) средствами для решения поставленной задачи. Так, при выполнении лабораторных работ с умышленно ограниченным набором исходных компонентов, инструментов или, наоборот, со значительным избытком ученики не видели возможность использования тех или иных предметов не по прямому назначению. Например, возможность изменения формы пластилиновой детали так, чтобы она проходила в мензурку для измерения объёма при определении плотности тела, очень часто оказывалась упущена.

5. Отсутствие широких представлений об окружающем мире и его устройстве.

Подавляющее количество учеников не обладало представлениями о внутреннем устройстве и принципах работы окружающих их предметов, в том числе бытового обращения. Это в значительной мере ограничивало их способности к решению творческих задач, т. к. типовые подходы к достижению желаемого, комбинация которых приводила бы к рабочему варианту решения творческих задач, были им неизвестны [5]. Задачи на придумывание способа работы некоторого механизма с заданными начальными условиями и конечным результатом вызывали у учеников крайнее затруднение.

6. Отсутствие мотивации и неспособность к длительной концентрации, усидчивости.

За редким исключением в виде учеников, самостоятельно решивших заниматься физикой, наблюдалось отсутствие заинтересованности в получении новых знаний даже у первоначально преуспевающих учеников. Ценность знания как такового, как и открывающихся благодаря ему возможностей, очень часто не находила представления в личностных ориентирах учащихся.

В результате всех обозначенных выше проблем возможность выделения на начальных этапах работы с абитуриентами одарённых детей и, без всякого негативного контекста, детей «случайных», попавших в воскресную школу по рекомендации учителя, настоянию родителя или из-за чьих-то ещё амбиций, но не самого ученика, практически отсутствовала.

По результатам работы с группами абитуриентов авторами статьи были предположены следующие основные причины, вызывавшие вышеобозначенные проблемы.

Проблемы, обозначенные в пунктах 1 и 2, следует отнести к пробелам в школьной программе, что, несомненно, связано с недостатками системы образования.

Проблемы 4 и 5 имеют в своём основании отсутствие на этапах предшествующего развития самостоятельной работы ученика в прикладных областях. Первопричиной этого следует считать тенденцию к сокращению вклада ребёнка в создание комфортной бытовой среды, ограничение со

стороны родителей применения его труда для осуществления работ по дому, частному хозяйству, в результате чего навык работы с инструментом, преобразования окружающей среды под свои нужды не формируется, равно как не формируется соответствующий социально-психологический профиль ответственности. Как следствие, ограниченной становится способность ребёнка мыслить в прикладных аспектах, образуя разрыв между теорией, некоторым желаемым образом устройства и/или предмета и возможностью его практического воплощения, в том числе на уровне собственных ожиданий, при которых ученик заранее убеждён в невозможности достижения цели самостоятельно.

Проблема 3, по представлению автора, может быть связана с упущениями на начальных этапах обучения в школе. Отсутствие практики выдачи учителем наиболее успевающим ученикам задач, запрашивающих знания, ещё не пройденные в классе, отсутствие соревновательной системы не позволяют развивать у ученика творческий подход, при котором самостоятельный поиск решения сложной задачи сопровождается формированием сложных видов мышления, в том числе комбинированных, из-за чего теряется «гибкость» ума, что впоследствии становится проблемой в виде невозможности решения задач, ранее не знакомых ученику.

Проблема 5 имеет сразу две причины. Первая – развитие информационных технологий и их широкая доступность на этапе раннего формирования психики ребёнка приводит к закреплению особого типа ответа лимбической системы на внешние стимулы, так называемому «клиповому мышлению», при котором система поощрения претерпевает настройку на ультракороткие промежутки времени между действием и получением награды. В результате дети, которые вместо игр со сверстниками и игрушками проводили свободное время за просмотром ленты видеохостингов, оказываются практически неспособными к обучению, т. к. сложные понятия и длительные цепочки рассуждения становятся значительным психологическим препятствием, формируя ложное впечатление сложности и недоступности к пониманию материала.

Вторая причина указанной проблемы – падение престижа успехов в обучении. Отсутствие поддержки со стороны как школы, так и муниципальных образований учеников, демонстрирующих выдающиеся способности, является значимой причиной дальнейшей потери данной категории учеников в образовательном процессе. Оставленные без поддержки, положительного подкрепления на фоне необходимости в инвестировании большей части своего свободного времени в учебную деятельность, ученики очень часто теряют мотивацию, переходят на иные, более социально одобряемые виды деятельности, такие как спорт, изобразительное искусство, творческая активность.

Личный опыт авторов, опыт обсуждений ими аналогичных вопросов с коллегами, а также анализ научных публикаций [6–10] позволяют заключить, что недостатки школьного преподавания можно свести к следующему набору причин:

1. Вывод учителя (преподавателя) как главного элемента образовательного процесса на второй план из-за усиления административного контроля. Из-за этого пропадает индивидуальность подхода к образованию.

Эта проблема чаще всего наблюдается в виде постоянного надзора вышестоящих органов над учителем, что выливается для него в необходимость написания бесконечной череды планов, отчётов о проведённых мероприятиях, заполнения многостраничных журналов в разных системах, что приводит к бесполезной растрате времени, которое могло быть пущено на подготовку учителя к занятиям. Эта проблема в последнее время только усугубилась тем, что региональные министерства образования стали осуществлять практику централизованной выдачи весьма объёмного и очень часто не сильно полезного для ученика домашнего задания. В результате даже та малая часть автономии учителя в выборе домашнего задания на основе реалий той или иной группы учеников, а не на медианных представлениях министерства, была им утрачена. Более того, это потянуло за собой необходимость синхронизации календарных графиков преподавания физики с такими у министерства, в результате чего возможность остановиться на какой-то теме более подробно, дабы ликвидировать, например, пробелы в знаниях класса, представляется рискованной затеей со стороны учителя.

Решение данной проблемы, по мнению авторов работы, весьма возможно и не требует кардинальных изменений структуры образования. Достаточной мерой контроля качества преподава-

ния учителя будет проведения обязательных годовых контрольных работ под контролем министерства, которые в состоянии дать интегральную оценку знаниям учеников конкретного учителя, не прибегая к постоянному контролю, т. к. интервал наблюдения, равный неделям или месяцам, представляется авторам работы контрпродуктивным и совершенно не информативным.

2. Общая утрата автономии школ, постоянное выполнение целевых показателей, значительная часть которых не имеет отношения к качеству образования совсем.

К большому сожалению, эта проблема настолько широко известна, что не нуждается в отдельном описании. Действительно, следует отметить, что упор на количество, а не качество проводимых мероприятий наносит серьёзный урон образовательному процессу как непосредственно, путём отбирания часов полезной нагрузки на отчётные мероприятия, так и путём формирования скептического настроя учеников по отношению к внеурочной деятельности, что непременно распространяется на образовательный процесс в целом.

3. Отсутствие практики – в школьной жизни ученика нет такого вида деятельности, где получаемые знания и умения имели бы практическое приложение (кружки авиа/ракетостроения, химические, физические классы и т. д.) и передавались от одного учителя к другому [11].

Из-за отсутствия практики получаемые школьниками знания остаются исключительно теоретическими, в результате чего при необходимости их практического применения возникает серьёзный барьер, в дальнейшем требующий особого внимания и затрат времени на преодоления в системе высшего образования, на производствах. Также отсутствие работы руками приводит к снижению творческого потенциала школьников, к формированию детерминистического, по своему существу вредного мышления.

В качестве решения данной проблемы можно предложить создание сети кружковой деятельности как на уровне муниципального образования, так и на уровне школы, где подобная работа не входит в штатные обязанности учителя выбранного предмета, а осуществляется на основе отдельной должности. Помимо этого, при решении данной проблемы авторы работы считают полезным рассмотрение возможности введения обязательной нормы часов занятий в кружковом движении для ученика с сохранением возможности выбора любого из них по усмотрению учащихся.

4. Избыточный перенос ответственности за жизнь и здоровье учеников на педагога, из-за чего необходимые, но потенциально травматичные предметы (столярное мастерство, проектирование электрических систем и т. д.) оказываются фактически под запретом, т. к. малейшая травма ученика, которая в «домашних» условиях осталась бы и вовсе не замеченной, в подавляющем большинстве случаев оборачивается для учителя огромной проблемой, сопряжённой с возможностью дисциплинарных взысканий.

В окружающем мире присутствует множество как предсказуемых, так и непредсказуемых опасностей. В этой связи совершенно недоступным для понимания авторов работы оказывается маниакальное стремление к искоренению малейшей возможности получения учеником травмы (в том числе, что особенно удивляет, преднамеренной). В некоторых образовательных учреждениях, по личным наблюдениям авторов работы, данный казус доведён до состояния злой шутки, когда у учеников средней школы существует запрет на использование ножниц, канцелярских ножей и иных необходимых предметов в учебной деятельности по причине возможности получения от них травм. Стоит ли говорить, что в таких рамках невозможно вырастить полноценного члена общества, который умеет оценивать риски и нести ответственность за свои поступки и действия? Разве можно научиться, условно говоря, делать табуретки, при этом не имея опасности ударить себя молотком по пальцу? А если такие риски неискоренимы в принципе, то, наверное, стоило бы проводить границу между потенциальной пользой того или иного вида учебной деятельности и возможными рисками для ученика при её выполнении. Иначе случаи, когда для замены розетки в доме вызывается «мастер», перестанут быть диковинкой (если уже не перестали). Безусловно, вероятность того, что «мастер» правильно установит розетку выше, чем у человека, который не занимается этим постоянно как основным видом деятельности, отчего следует ожидать меньшей возможности возникновения возгорания и сопутствующих жертв. Однако тут встаёт вопрос о том, насколько стабильна та общественная формация, где каждый является незаменимым работником, нацеленным на крайне узкую деятельность.

5. ЕГЭ и ОГЭ, подготовка к которым сводится к натаскиванию на решение узкого спектра типовых задач, из-за чего страдает самостоятельность и гибкость мышления [12]. Также выборочная сдача малого числа предметов приводит к умышленному исключению изучения дисциплин, по которым ученик не сдаёт экзамены.

Безусловно, практика «сломать всё и построить заново» не является в большинстве случаев оптимальной стратегией реформации. Поэтому в качестве решения проблемы следует предложить введение двух форм экзаменов: обязательных общеобразовательных, захватывающих каждый предмет в программе, но на уровне общих знаний, и профильных, из сферы будущего карьерного трека ученика, со значительно более глубокой проверкой знаний. Помимо этого, сама структура экзамена должна быть изменена для соответствия смыслу той или иной дисциплины. Например, тестовый подход для проверки знаний русского языка должен быть убран в пользу проверки письменной речи, которая покажет не только грамотность ученика, но и его способность мыслить. Также практику выдачи типовых задач не следует считать оптимальной. Авторы работы считают, что государственные экзамены по физике должны формироваться из огромного банка заданий (десятки тысяч задач) случайным образом перед началом экзамена так, чтобы не было возможности «натаскать» ученика на решение задач без понимания. При этом если ученик знает в достаточной мере физику, то сдача экзамена в такой его форме не составит труда, за счёт чего в итоге возможно достичь более точной оценки его знаний, в отличие от текущей системы, в которой возможно научить ученика сдавать экзамен без значительных знаний по предмету.

6. Низкая заработная плата педагогов, перегрузки по часам [13].

Учитель должен заниматься творчеством в процессе своей преподавательской деятельности, а не зарабатывать деньги путём взятия дополнительных часов нагрузки, чтобы дотянуть до конца месяца. При этом очень часто наблюдается ситуация превосходства в материальном положении неквалифицированного (речь не идёт о рабочих профессиях, где квалификация основывается на навыках) кадра в заработной плате над не просто квалифицированным, а исключительно образованным, таким как учитель, что не может положительно сказываться на престижности профессии учителя и, как следствие, приводит к неприходу лучших учеников педагогических вузов в школу.

7. Развал педагогического образования, «выгорание» учителей. Утрата системы методического обеспечения образовательных учреждений со стороны наиболее выдающихся педагогических коллективов [13].

На данный момент в образовательном процессе отсутствуют выверенные, толково написанные учебные и методические материалы. Современные учебники представляют собой апофеоз превосходства формы над содержанием, а иногда не содержат даже и этого. Более того, учебные материалы рассчитываются на откровенно слабого ученика, а дополнительные материалы, например в виде отдельных томов к изданию, с помощью которых ученик смог бы при наличии желания расширить свои знания без необходимости трёхкратных затрат времени на поиск в интернете (не говоря уже о качестве находимой в нём информации), отсутствуют. Подобного рода экономия на фоне чуть ли не ежегодного переиздания учебников авторы считают преступлением против школы.

8. Недофинансирование школ, расход средств на непродуктивные статьи расходов, вроде многофункциональных интерактивных досок, использование которых в реальной практике образования оказывается весьма ограниченным [14].

На практике куда полезнее оказывается вкладываться не в формирование «современной» цифровой образовательной среды, а в развитие учителя, который при соответствующей квалификации способен заменить десяток говорящих голов с мониторов компьютеров. Попытки экономии на заработной плате и инвестициях в учителя за счёт осуществления дистанционных подходов в образовании авторы работы также считают преступлением против школы.

9. Цифровизация. На базовых предметах недопустимо использование цифровых средств. Ещё более недопустимо принуждение учителей к формированию обучающего материала в электронном формате, т. к. это приводит к дополнительным затратам и без того ограниченного времени учителя, а также к дальнейшей невозможности преломления материала под конкретный

класс/ученика из-за невозможности внесения дополнений во время урока, как это можно сделать на доске, просто стерев ненужный материал и переписав его заново.

10. Отсутствие возможности оставить на второй год отстающих, которые портят статистику школы. Это приводит к «уравниванию» троечника и отличника. Стоит ли говорить, что вынужденное равнение учителя на наиболее слабую группу учеников в классе, где имеются откровенно отстающие, пагубно сказывается на развитии преуспевающих учеников?

11. Переход от общих дисциплин (русский язык, арифметика и т. д.) к частным их реализациям (родная речь, родная литература и т. д.), из-за чего пропадает устойчивый фундамент будущих наук – ребёнок не может усваивать новые знания как усложнённую версию старого, а воспринимает его как что-то новое. В школе необходимо иметь строгую систему знаний, и она должна превалировать для основного контингента над знанием частным. Для развития частного знания существует система высшего образования с наличием целой номенклатуры специализаций.

12. Утрата общей методологии. При обучении не учитывается стадийность формирования типов мышления по мере взросления. Вместо этого на начальных этапах обучения запрашиваются сразу высшие его формы, например, абстрактное, которое у детей возраста начальной школы может отсутствовать по физиологическим причинам. Напрашивается необходимость в создании единой максимально выверенной системы учебно-методических материалов по каждому из предметов, которая закрывала бы все возможные потребности как ученика, так и учителя. При этом создание этих материалов желательно осуществлять на соревновательной основе, где из работ различных не аффилированных с издательствами коллективов выбираются наилучшие.

13. Отсутствие грамотно построенной соревновательной системы, которая бы поддерживала успехи учеников в учёбе [15]. Например, система олимпиад, своим происхождением обязанная этой самой идее, превращена в «химеру о сотне лиц», где ежегодно проводится по доброй сотне олимпиад разного уровня, отчего ценность каждой из них по отдельности теряется. Более того, от участия в олимпиадах ученик не получает практически никакой выгоды – ни в плане признания заслуг, ни в материальном плане. С другой стороны, любой ребёнок как недостаточно сформированная в психологическом плане личность нуждается в положительном подкреплении результатов своей деятельности, иначе интерес имеет тенденцию к вытеснению.

14. Отсутствие системной работы с одарёнными детьми – современные учебные материалы (учебно-методические) не предусматривают наличия класса особо сложных задач для создания соревновательной основы для интересующихся учащих, для развития их выдающихся способностей.

15. Разделение на гуманитарные, химико-биологические и технические классы. Это приводит к тому, что у детей пропадает интерес к определённым предметам. У одних – к истории, обществознанию, а у других – к математике, физике, химии, что вредно, т. к. только в симбиозе всех наук рождаются комплексное понимание окружающего мира и, как следствие, способность к продуктивному взаимодействию с ним.

16. Отсутствие развитой практики домашних работ. Нет самостоятельной работы – нет и закрепления знаний. Крайне сложно найти ученика, не обладающего некоторой степенью гениальности, который способен понять школьную программу даже в существующем её варианте с первого раза, просто послушав материал урока.

Сложившиеся по причине вышеизложенных причин обстоятельства приводят к необходимости разработки особых подходов по выделению одарённых детей и их дальнейшему развитию. По личному опыту авторов, наиболее времязатратным, но одновременно наиболее продуктивным подходом является применение политики открытого набора в группы дополнительной подготовки, когда допускаются все желающие к занятиям, но отчисляются все те, кто не выполняет по тем или иным причинам предлагаемую программу обучения. Практика показала, что в современных условиях выбор учеников на основании имеющихся у них на момент поступления знаний и умений порочен тем, что на дальней дистанции не способен предсказывать среди выбранных тех, кто в

дальнейшем проявит отсутствие интереса к тернистому пути углублённого изучения физики по причинам как первоначального отсутствия *личной* мотивации, так и невозможности из-за личных качеств к значительным время- и трудозатратам без скорой видимой выгоды, поощрения. Жёсткая же политика отчисления всех тех, кто не удовлетворяет предъявляемым требованиям в виде нескольких последовательных нарушений дисциплины, позволяет не только исключать из группы потенциально отстающих, «тянущих» за собой всех остальных учеников, но и отбирать только тех, кто обладает личной мотивацией к получению углублённых знаний – залогом дальнейшего продуктивного обучения.

В плане подходов к подаче материала следует выделить четыре наиболее распространённых и нашедших наиболее широкое применение:

1. Подход с «натаскиванием», с решением типовых задач и проблем с минимальным упором на сущностную подоплёку.

2. Подход с избытком информации, при котором объём выдаваемой выверенной учителем информации заведомо превосходит способности ученика к пониманию и переработке, а самостоятельная работа ученика сводится к фильтрации полученного материала для определения наиболее подходящего для текущих практических нужд по решению задач, выполнению заданий.

3. Подход с недостатком информации, при котором ученикам выдаётся лишь минимальный набор необходимых знаний, который путём самостоятельной работы ученика по переработке их в процессе решения задач, рассмотрения явлений, процессов преобразуется в стойкий опыт и осмысленное представление о собственной деятельности.

4. Практико-ориентированный подход, при котором обучающая деятельность непосредственно связана с практической, а получаемые знания хоть и не всегда полноценны, но подкрепляются опытом их применения.

Авторами настоящей статьи были опробованы на учениках воскресной школы все выше-обозначенные подходы преподавания, в результате чего было установлено, что ни один из них не следует считать предпочтительным.

Так, например, подход с избытком информации показал себя относительно хорошо, однако следует считать, что его применение оправдано в случае наличия достаточного количества времени. В противном случае результат его применения следует оценивать как негативный из-за формирования обильных, но непродуктивных, «шапочных» знаний. Требуется частое повторение материала, рассмотрение на широком спектре примеров. Ориентировочные значения времязатрат, при которых результат применения данного подхода выделялся на общем фоне, должны быть оценены в минимум шесть академических часов в неделю на аудиторные занятия и столько же на самостоятельную работу ученика. Из безусловных положительных сторон подхода следует отметить формирование широкого кругозора и, как следствие, широкого мышления ученика, позволяющего искать новые решения для поставленных задач, не прибегая к поиску готового (так называемое «творческое мышление»). Серьёзным недостатком на этом фоне, своего рода расплатой, является высокая частота допускаемых ошибок как в логике, так и в интерпретации собственных решений. В качестве частного решения, показавшего наилучший результат в купировании данного недостатка, следует отметить периодическую выдачу задач для самостоятельного решения с недостатком информации, а также лабораторных работ соответствующего плана.

Подход с недостатком информации показал себя превосходно, но на очень ограниченном числе учеников, наиболее развитых как в интеллектуальном, так и психологическом плане. Для всех остальных учеников данный подход следует считать крайне вредным. Серьёзная мотивация учеников при данном подходе должна считаться необходимым минимумом, без которого применение подхода становится неоправданным. На выходе безусловным положительным результатом применения подхода была чрезвычайная гибкость мышления учеников, а также, на контрасте с подходом с избытком информации, минимальное количество ошибок в суждениях. Очень часто преуспевшие при данном образовательном подходе ученики были способны решать абсолютно незнакомые задачи, отличительной способностью при этом был неожиданно большой процент успеха в решении комплексных задач, т. е. таких, в которых предусматривается использование

знаний не только из различных разделов физики, но и других наук. Данный тип задач, являясь «задачами-киллерами» для среднестатистического ученика, был, на удивление, предпочитаем учениками, обученными в условиях недостатка информации. Ученики при решении отмечали «красоту» такого вида задач. Дополнительными положительными качествами учеников при данном подходе следует считать развитую способность понимать сложные идеи и концепции «с полуслова», практически моментально выстраивать сложные многоступенчатые алгоритмы, «видеть» решение поставленной задачи до момента начала решения. Ключевым недостатком данного подхода следует считать его исключительность в применении к широким массам учеников – лишь единицы способны осуществлять данный вид обучения успешно, а степень успеха находится в высочайшей зависимости от опыта и способностей преподавателя.

Практико-ориентированный подход, несмотря на свою популярность в педагогических рекомендациях [16], не дал значимых результатов. Было обнаружено, что при отсутствии твёрдой теоретической базы практически достигаемый результат всегда сводится к опыту проб и ошибок, решению задач «методом тыка» и не способен порождать новое знание, иными словами, бесполезен.

Аналогичные предыдущему подходу результаты показал и подход с «натаскиванием» учеников. Безусловно, при проведении синтетических тестов по решению типовых задач ученики, обученные с использованием этого подхода, показывают выдающиеся результаты, однако в условиях реальных практических задач оказываются неспособными применить заученные знания.

В результате был сделан вывод о необходимости применения смешанного подхода, суть которого может быть изложена следующим образом.

Занятия в группах одарённых учеников следует представлять в виде трёх взаимосвязанных видов деятельности:

1. Лекционные занятия, на которых применяется подход с избытком информации, материал даётся подробно, с большим количеством примеров применения, подвергается тщательному разбору и объяснению.

2. Практические занятия, на которых преобладает самостоятельная деятельность учеников по решению задач, с ролью преподавателя как наставника, дающего подсказки и делающего замечания в случаях ошибок. При этом спектр решаемых задач должен варьироваться от простого к сложному при последовательном участии всех учащихся в работе по публичному решению задач у доски, а «сложные» задачи должны представлять собой заведомо недоступные к решению учениками задачи, представляя собой своеобразное испытание. Факт сложности, однако, озвучивать не следует для предотвращения падения мотивации учащихся.

3. Лабораторные работы, смысл которых должен основываться на предоставлении полной свободы деятельности учащимся, должны проводиться в большом количестве. Ученикам на начальном этапе выдаётся некоторое задание по установлению зависимости, исследованию некоторого явления и ожидаемый результат, который им необходимо достигнуть, получить. Далее преподаватель выполняет функцию наставника, как и в практических занятиях, предостерегая от заведомо тупиковых решений. Полезно также при осуществлении лабораторных работ давать значительный избыток или, при наличии широкой материальной базы, свободный доступ к оборудованию для проведения лабораторной работы. Данная мера позволяет развивать творческое мышление учеников наиболее естественным и полноценным образом.

Домашние работы должны включать в себя весь спектр тем, пройденных на предыдущих этапах. Задание предпочтительно выдавать в виде пересекающихся по темам задач, где каждая следующая домашняя работа частично повторяет ранее пройденные в предыдущих домашних работах темы.

Исходя из всего вышесказанного, следует отметить, что проблема поиска и работы с одарёнными учениками в контексте изучения физики является чрезвычайно сложной и острой в текущей системе образования. Имеющиеся недостатки в обучении в рамках общеобразовательной программы, отсутствие направленной системной деятельности административного состава по поиску и работе с одарённостью при имеющейся объективной невозможности выполнения этой работы рядовым учителем ввиду в том числе чрезвычайной на него нагрузки ставят под сомнение перспективы будущих успехов не только школьников, но и получающихся из них полноценных

единиц общества. При этом описанный спектр проблем, даже при наличии всех возможных благоприятствующих факторов, осложняет работу с учениками из-за их неподготовленности, а также приводит к проблемам в обучении из-за формирования специфичного мышления и ответа лимбической системы. Это ещё раз подчёркивает необходимость принятия срочных, чрезвычайных мер в рассматриваемой области образования, т. к., по личному мнению авторов статьи, дальнейшее равнодушие в этом вопросе может дать необратимые и крайне негативные последствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дьяков, И. Г. Организация работы с одарёнными школьниками на базе университета / И. Г. Дьяков, О. С. Щербинина // Ярославский педагогический вестник. – 2019. – № 1 (106). – С. 23-29.
2. Арсоев, К. Д. Особенности развития одарённых детей в массовой школе / К. Д. Арсоев, А. А. Марушин // Журавлевские чтения. Научно-педагогические основы проектирования личностно-созидающей стратегии образования: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой Году семьи, Году науки и технологий, проводившейся в рамках IX Международного фестиваля науки, Москва, 13 февраля 2024 года. – М.: Государственный университет просвещения, 2024. – С. 87-94.
3. Мигранова, С. Г. Фундаментальные подходы к преподаванию физики в школе / С. Г. Мигранова // Наука и образование в социокультурном пространстве современного общества: сборник научных трудов. – Смоленск: ООО «Смоленский социологический центр», 2022. – С. 47-60.
4. Слепцов, А. И. Обучение учащихся исследовательской деятельности по физике: теория, опыт: моногр. / А. И. Слепцов, А. Е. Слепцова; Северо-Восточный федеральный ун-т им. М. К. Аммосова. – Новосибирск: Изд-во НИПКИПРО, 2010. – 211 с.
5. Наумов, А. Л. Исследование влияния характера проектной деятельности по физике на формирование ключевых компетенций учащихся: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Наумов Алексей Леонидович. – Москва, 2010. – 24 с.
6. Яновская, Г. В. Проблемы и перспективы развития системы образования в современной России / Г. В. Яновская // Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов. – 2018. – № 3 (12). – С. 181-187.
7. Проблема модернизации современной системы образования в России / А. В. Ясучени, С. Е. Романова, Ю. А. Ивахно, О. В. Максимов // Педагогическая наука и современное образование: материалы ежегодной Междунар. науч.-практ. конф., Уфа, 27 ноября 2024 года. – Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2024. – С. 174-177.
8. Быховец, В. С. Проблемы финансирования системы образования в современной России / В. С. Быховец // Материалы межрегиональной научной конференции X ежегодной научной сессии аспирантов и молодых учёных. Вологда, 23 ноября 2016 года. В 4 т. Т. IV. – Вологда: Вологодский государственный университет, 2016. – С. 161-164.
9. Албегова, И. Ф. Информатизация как актуальная проблема развития системы высшего профессионального образования в современной России / И. Ф. Албегова, Г. Л. Шаматонova // Дистанционное и виртуальное обучение. – 2010. – № 8. – С. 4-14.
10. Мачхелян, Г. Г. Актуальные проблемы перестройки системы образования в современной России / Г. Г. Мачхелян // Уровень жизни населения регионов России. – 2023. – Т. 19. – № 1. – С. 47-60.
11. Шукаева, Т. М. Проблемы преемственности в образовательных комплексах / Т. М. Шукаева // Педагогическое образование и наука. – 2017. – № 4. – С. 43-47.
12. Асламов, А. Актуальные проблемы при организации занятий подготовки к ЕГЭ в системе дополнительного образования / А. Асламов // Воспитание школьников. – 2021. – № 7. – С. 31-35.
13. Шевченко, П. В. Изменение статусных характеристик учителя московской школы / П. В. Шевченко // Социологические исследования. – 2022. – № 9. – С. 72-83.
14. Паненкова, И. А. Причины перехода на семейную форму обучения как индикатор проблем в образовательной системе РФ / И. А. Паненкова // Актуальные проблемы начального общего образования: теория и практика: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Чита, 25-26 ноября 2021 года. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2021. – С. 63-67.
15. Алтунин, К. К. Использование системы олимпиадных задач по физике в десятом классе общеобразовательной школы / К. К. Алтунин, Ю. О. Лушникова // Поволжский педагогический поиск. – 2018. – № 2 (24). – С. 95-105.
16. Трубецкая, А. Ю. Креативные индустрии: опыт применения практико-ориентированного подхода в российском современном образовании / А. Ю. Трубецкая // Обсерватория культуры. – 2019. – Т. 16. – № 3. – С. 240-250.

Дербенев А. С., Макарова Е. А.
A. S. Derbenev, E. A. Makarova

**ДИНАМИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ США С БЛИЖНЕВОСТОЧНЫМИ СОЮЗНИКАМИ
В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ В ГАЗЕ**

**DYNAMICS OF U. S. INTERACTION WITH MIDDLE EASTERN ALLIES IN THE CONTEXT
OF THE GAZA WAR**

Дербенев Андрей Сергеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований Института США и Канады им. академика Г. А. Арбатова РАН (Россия, Москва). E-mail: istfak_x_chelovek@mail.ru.

Andrei S. Derbenev – PhD in History, Researcher, Department of Foreign Policy Studies, Georgy Arbatov Institute for the U. S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow). E-mail: istfak_x_chelovek@mail.ru.

Макарова Ева Алексеевна – студентка 4-го курса бакалаврской программы «Зарубежное регионоведение (США и Канада)» факультета Мировой политики Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), лаборант Отдела внутривосточных исследований Института США и Канады им. академика Г. А. Арбатова РАН (Россия, Москва). E-mail: e.makarova@iskran.ru.

Eva A. Makarova – 4th Year Bachelor's Student in the Foreign Regional Studies (USA and Canada) Programme, Faculty of World Politics of State Academic University for Humanities (GAUGN), Research Laboratory Assistant, Department of Domestic Policy Studies, Georgy Arbatov Institute for the U. S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow). E-mail: e.makarova@iskran.ru.

Аннотация. Нарастание напряжённости на Ближнем Востоке несёт немало угроз и вызовов, которые напрямую сказываются на судьбах населения региона. Для укрепления отношений с рядом государств региона США создают оборонительный альянс в сфере противовоздушной обороны для реагирования на различные угрозы, которые, как считают официальные лица США, исходят со стороны Ирана. Об этом свидетельствуют действия Министерства обороны США, позиция Госдепартамента и данные аналитических изданий. Цель статьи – раскрыть роль США в сотрудничестве Израиля с рядом арабских правительств в области противовоздушной обороны на текущий момент. Арабские государства Персидского залива понимают, что у них пока ещё нет сопоставимого с Израилем уровня поддержки со стороны Соединённых Штатов. Последние оказывают помощь израильтянам на протяжении длительного времени, что приветствуется не всеми политическими и гражданскими силами внутри США. Ряд правительств арабских стран рассматривают свою помощь Израилю в отражении воздушной атаки Ирана (апрель 2024 г.) как способ рассчитывать на получение американской поддержки, сопоставимой с Израилем, в будущем. Руководство Королевства Саудовская Аравия (КСА) опасается, что подданные саудовского монарха будут воспринимать действия Эр-Рияда, направленные на сближение с Израилем в условиях неутраченного конфликта в Газе, как угрозу самому королевству, т. к. это может ухудшить и так относительно непростые отношения с Ираном. Вполне вероятно, что конфликт между Ираном и Израилем может обостриться и втянуть в него США. Арабские государства Персидского залива, скорее всего, окажутся перед непростым выбором: позволить американским войскам наносить удары с баз в своих странах, рискуя иранским возмездием, или попытаться максимально дистанцироваться от эскалации напряжённости. Политика США в отношении конфликта в Газе всколыхнула студенческую протестную волну на территории США. Образовательные учреждения из всех сил пытались сдержать усиливающиеся пропалестинские протесты, что, по мнению ряда комментаторов и исследователей, угрожало позициям президента Джо Байдена на предстоящих выборах потерей немалой части избирательного электората или вовсе проигрышем. Об этом свидетельствуют данные американских социологических опросов.

Summary. The growing tension in the Middle East poses many threats and challenges that directly affect the fate of the region's population. The United States is creating a regional defense alliance in the field of air defense to respond to various threats that U.S. officials believe come from Iran. The purpose of the article is to reveal the role of the United States in Israel's cooperation with a number of Arab governments in the field of air defense at the moment. The Arab States of the Persian Gulf understand that they do not yet have a level of support comparable to

Israel from the United States. The latter have been helping Israelis for many years. A number of Arab governments consider their assistance to Israel in repelling an Iranian air attack (April 2024) as a way to count on receiving American support comparable to Israel in the future. The leadership of the Kingdom of Saudi Arabia fears that the subjects of the Saudi monarch will perceive Riyadh's actions aimed at rapprochement with Israel, in the context of the unfolding conflict in Gaza, as a threat to the kingdom itself, since this could worsen the already quite difficult relations with Iran. It is likely that the conflict between Iran and Israel may escalate and involve the United States in it, the Arab states of the Persian Gulf will most likely face a difficult choice: to allow American troops to strike from bases in their countries, risking Iranian retaliation, or try to distance themselves as much as possible from the escalation of tension. The US policy towards the conflict in Gaza has stirred up a student protest wave in the United States. Educational institutions were struggling to contain the growing pro-Palestinian protests which according to a number of commentators and researchers threatened President Joe Biden's position in the upcoming elections with the loss of a significant part of the electoral electorate.

Ключевые слова: США, Иран, Израиль, Саудовская Аравия, ОАЭ, Палестина, Персидский залив, протесты, студенты.

Key words: the United States, Iran, Israel, Saudi Arabia, UAE, Palestine, Persian Gulf, protests, students.

УДК 327.5

Успешные усилия Израия (при помощи США, Иордании, Объединённых Арабских Эмиратов (ОАЭ), Саудовской Аравии) по устранению угрозы с воздуха (иранских ракет и беспилотников) 13 апреля 2024 г. дали понять израильским политикам, что безопасность их страны может быть ещё более усиленной благодаря тесному сотрудничеству с Саудовской Аравией.

Для 46-го президента Джо Байдена этот шаг дал шанс на укрепление позиций среди избирателей в середине 2024 г., когда президентская кампания по выборам США выходила на финишную прямую. Байден стремился расширить «Соглашения Авраама», которые были заключены в период президентства Дональда Трампа. Эти договорённости привели к нормализации отношений между Израилем и ОАЭ, Бахрейном и Марокко. Однако убедить израильского премьер-министра Биньямина Нетаньяху начать переговоры о создании палестинского государства было трудным препятствием, ибо правые члены его правительства и большая часть израильской общественности выступали против этого.

Серьёзной проблемой для Джо Байдена являлись настроения в американском обществе, особенно среди молодёжи, студентов. Проведённый в апреле 2024 г. опрос CNN показал, что только 28 % респондентов одобряют действия президента Байдена в отношении конфликта Газе, а 81 % опрошенных в возрасте до 35 лет не одобряют эту политику [1].

Демонстрация США и их союзниками коллективного отпора Ирану 13 апреля 2024 г. [2] явилась квинтэссенцией долгих и трудозатратных сил Вашингтона по установлению прочных связей, в том числе в военной сфере, между Израилем и рядом арабских стран в попытке успешно противодействовать растущей угрозе со стороны Ирана. Государственный департамент США (Госдепартамент) осудил нападение Ирана на Израиль [3]. Взаимодействие США с региональными союзниками помогло отразить иранскую угрозу (атака беспилотниками и ракетами (с территории Ирана) по Израилю). По сообщениям ряда западных изданий, в частности «The Wall Street Journal» и «The Washington Post», Тегеран запустил более 170 начинённых взрывчаткой беспилотников, около 120 баллистических ракет и около 30 крылатых ракет [4; 5].

Практически все воздушные цели были уничтожены. Этот результат был достигнут благодаря усилиям ПВО Израия и критически важной помощи (технической и информационной), предоставленной США и другими западными и арабскими партнёрами: некоторые арабские государства предоставили важную разведывательную информацию [4]. «Особенно важную роль в уничтожении беспилотников сыграли американские, британские и иорданские военные самолёты. Большая часть иранских беспилотников и ракет была уничтожена ещё до того, как они достигли израильского воздушного пространства» [4].

Принципиальная роль, которую играют арабские партнёры наряду с США и другими странами в предоставлении разведданных, открытии своего воздушного пространства и, как в случае с Иорданией, в фактическом уничтожении иранских беспилотников и ракет, вероятно, даст им рычаги влияния на израильское правительство по мере развития кризиса, чтобы в случае эскалации напряжённости максимально оперативно принять адекватные меры. Власти Иордании заявили, что разрешат использовать своё воздушное пространство военным самолётам США и других стран и использовать свои собственные самолёты для помощи в перехвате иранских ракет и беспилотников, после чего некоторые иорданские подданные вышли на акции протеста [6].

Важно отметить, что Израиль и КСА достаточно давно предпринимают шаги к налаживанию контактов в сфере безопасности в связи с тем, что, по их мнению, Иран представляет собой серьёзную региональную угрозу. «С началом второго десятилетия текущего века Эр-Рияд и Тель-Авив предпринимают осторожные шаги по налаживанию двусторонних отношений. Например, отставной саудовский высокопоставленный военный (генерал) Анвар Ешки, руководитель Ближневосточного центра стратегических и правовых исследований в Джидде, в 2010-2013 гг. неоднократно встречался с Д. Голдом, генеральным директором министерства иностранных дел Израиля, близким другом премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху... обсуждались проблемы региональной безопасности, в том числе последствия арабской весны, – отмечает российский историк А. С. Дербенев, – ...Неотъемлемой частью такого подхода является единодушное мнение, что Иран представляет наибольшую и самую непосредственную угрозу для региональной безопасности на Ближнем Востоке. Будучи не уверены в твёрдой и безусловной поддержке со стороны Соединённых Штатов, политики Иерусалима и монархий Персидского залива намерены искать решение этой проблемы совместными усилиями» [7, 278-279].

Совершённая Ираном в апреле 2024 г. атака беспилотниками и ракетами по Израилю свидетельствует о том, что последний становится всё более зависимым от средств противовоздушной и противоракетной обороны, в том числе от США, для укрепления своей безопасности, а также от инструментов получения актуальной информации и оповещения о воздушных угрозах. Немалую помощь ему могут оказать ряд арабских правительств. Комментируя действия Вашингтона по объединению сил Израиля и ряда арабских государств по отражению воздушной угрозы со стороны Ирана, Мэттью Миллер, пресс-секретарь Госдепартамента США, заявил: «...приверженность Соединённых Штатов безопасности Израиля священна ... нормализация отношений между Саудовской Аравией и Израилем обеспечит мир и безопасность в регионе на долгие годы» [8].

Данная ситуация явилась проверкой на прочность неформальной коалиции арабских государств, включая Саудовскую Аравию, Иорданию и Объединённые Арабские Эмираты, чьё недавнее сотрудничество против Ирана потенциально может нанести им ущерб [9]. Тахани Мустафа, старший аналитик Международной кризисной группы Бельгийского аналитического центра, отмечает, что Саудовская Аравия «хочет заключить пакт о безопасности с США» [9].

По сути, для США не явились непреодолимым препятствием сложные системы обустройства арабского и израильского жизненных пространств. Американцы добились разрешения политических и технических барьеров, которые мешали военному сотрудничеству между Израилем и суннитскими арабскими правительствами. Таким образом, вместо ближневосточной версии альянса НАТО американские элиты сделали ставку на метод движения к большому через малое, что явилось эффективным средством в очень чувствительной по нынешним меркам сфере противовоздушной обороны в масштабах всего региона. США хотят явить миру образец сотрудничества Израиля с некоторыми арабскими правительствами для противодействия растущему военному потенциалу Ирана, который успешно создаёт беспилотники и ракеты, которые были применены 13 апреля 2024 г. против Израиля.

Усилия по созданию отлаженной системы противовоздушной обороны региона предпринимались американцами длительное время. После нескольких лет осторожных, прощупывающих действий, минимального прогресса по данному вопросу, инициатива стала набирать обороты с момента подписания «Соглашений Авраама» [10], заключённых при участии администрации

Д. Трампа. Это событие способствовало налаживанию связей между Израилем с одной стороны и Объединёнными Арабскими Эмиратами и Бахрейном с другой.

Проводимая Вашингтоном политика позволяет говорить о том, что США стремятся объединить усилия ключевых партнёров в регионе для борьбы с общими угрозами на Ближнем Востоке. 15 января 2021 г. Пентагон сообщил об изменении плана Объединённого командования, согласно которому сфера ответственности за Израиль перешла от Европейского командования США (EUCOM) к Центральному командованию США (CENTCOM) [11]. Последнее включает в себя остальную часть Ближнего Востока, что позволило расширить военное сотрудничество с арабскими правительствами под эгидой США [12; 13].

КСА и другие богатые нефтью страны Персидского залива в последние годы занимали осторожную позицию в отношении предпринимаемых США шагов на Ближнем Востоке и в Европе, сохраняя нейтралитет в войне на Украине и выстраивая связи с Китаем [14]. Поскольку Израиль и Иран находятся в открытом конфликте, руководству КСА всё сложнее дистанцироваться от нарастающей эскалации между ними.

КСА и Объединённые Арабские Эмираты пытались остаться в стороне, призывая к максимальной «сдержанности» [15], когда 12 апреля 2024 г. стало известно, что Иран нанесёт удар по Израилю в ответ на ракетную атаку в Сирии [16], в результате которой погибли высокопоставленные иранские военные офицеры.

Эр-Рияд и ОАЭ обменивались разведданными, которые способствовали успешному оборонительному ответу Израиля на иранскую воздушную атаку [17]. Тем не менее арабские правительства не дали Вашингтону всё, что он хотел, отказав США и Израилю в использовании своего воздушного пространства для перехвата ракет и беспилотников [18].

Если израильско-иранский конфликт обострится и втянет в противостояние США, арабские государства Персидского залива, скорее всего, окажутся перед суровым выбором: позволить американским войскам наносить удары с баз в своих странах, рискуя иранским возмездием, или остаться в стороне, как они в значительной степени делали с тех пор, как в октябре 2024 г. события в Газе погрузили Ближний Восток в хаос [19]. После атаки Ирана 13 апреля 2024 г. ОАЭ призывали к сдержанности и необходимости достижения стабильности дипломатическими инструментами [20]. Джо Байден мало что говорил публично об иранской атаке. «Вместе с нашими партнёрами мы отразили эту атаку», – сказал он в своём первом публичном выступлении после удара на встрече в Белом доме с премьер-министром Ирака Мохаммедом Шиа аль-Судани. «Соединённые Штаты привержены безопасности Израиля» [21].

Сложности для КСА добавляют его стремление заключить сделку о твёрдых обязательствах по безопасности со стороны США и помощь в ядерной программе Эр-Рияда в обмен на признание Израиля КСА. Конфликт в Газе заморозил движение в данном направлении, однако КСА дало понять, что оно по-прежнему хочет лучших оборонных гарантий со стороны США, от которых, по их мнению, Вашингтон отказывается в последние годы.

Страны Персидского залива традиционно колеблются между страхом, что они пострадают от действий США, если Вашингтон усилит агрессивную политику в отношении Ирана, с одной стороны, и страхом, что их оставят без поддержки, если США станут более лояльными по отношению к Тегерану и последний решит покуситься на территории арабских стран Залива – с другой. В последние годы КСА и ОАЭ стремились к снижению напряжённости в отношениях с Ираном после непростого периода сложных отношений. Сделка, заключённая при посредничестве Китая год назад [22], восстановила саудовско-иранские отношения, и с самого начала конфликта в Газе королевство пытается удержать Иран и его союзников от усугубления ситуации, предлагая сотрудничество.

Иранские официальные лица проинформировали коллег из Саудовской Аравии и других стран Персидского залива перед широкомасштабными ударами по Израилю 13 апреля о контурах и сроках их плана, чтобы эти страны могли защитить воздушное пространство. Эта информация стала известна в США, что стало важным предупреждением для Вашингтона и Израиля и проде-

монстрировало саудовским чиновникам, что потепление отношений Эр-Рияда с Тегераном (в том числе благодаря Китаю) приносит свои плоды.

«Соединённые Штаты Америки постепенно уходят из региона Ближнего Востока. То, что случилось в эти дни, было невозможно представить двадцать или десять лет назад, ещё недавно невозможно было представить, что руководители Саудовской Аравии и Эмиратов, когда им звонит американский президент Джо Байден, не будут брать трубку, подчёркивая своё неуважение, но это уже случилось. Ещё недавно невозможно было представить, что Иран, который с конца 70-х гг. XX в. живёт под американскими и другими западными санкциями, вдруг стал использовать в таком масштабном порядке свои беспилотники и свои ракеты против кого? Против главного союзника Соединённых Штатов Америки на Ближнем Востоке. Ведь то, что сейчас случилось – это впервые в истории. Впервые в истории Иран нанёс прямые удары по Израилю. Американцы, хотя и помогли своему союзнику, но, по сути, проглотили эту ситуацию», – отметила российский политолог Елена Супонина [23].

Наследный принц Мухаммед ибн Сальман не хочет, чтобы война отвлекала его от амбиций по преобразованию экономики королевства [24]. Нынешняя эскалация напряжённости в регионе подвергает его планы большому риску. Арабские страны Персидского залива пострадают в первую очередь в случае расширения географии конфликта. В частности, саудовское руководство уже упоминало возможность значительного сокращения своих инвестиций в США [25], если последние не предпримут решительных усилий для нормализации ситуации в регионе. После многомесячного тупика между Вашингтоном и йеменскими хуситами атака 13 апреля продемонстрировала, что Иран приближается к паритету безопасности с США на Ближнем Востоке, и ответ США не привёл к существенному снижению военного потенциала Ирана.

Тем не менее эти события не останутся незамеченными региональными союзниками США, которым всё чаще придётся принимать собственные меры безопасности, поскольку США не надёжны в данном вопросе. В частности, ОАЭ и КСА демонстрируют стремление к выработке самостоятельных механизмов обеспечения национальной безопасности и продолжают фокусироваться на своих собственных национальных интересах, на своей собственной безопасности.

Вполне вероятно, что после двух десятилетий неудачных войн американцы ждут, что президент США будет демонстрировать силу с помощью инструментов дипломатии и удержит страну вне прямого вмешательства, а американских военных – от гибели.

Проблема инфляции в США стала одной из ключевых тем предвыборной гонки. На фоне экономических трудностей избиратели всё чаще требуют ответов от властей. А сохраняющаяся напряжённость на Ближнем Востоке только усиливает тревоги граждан США, поскольку она заставляет американцев опасаться роста насилия и неопределённости. В свою очередь, демократическая партия расколота: одни поддерживают Израиль, другие выступают за защиту мирных жителей Газы от страданий. Этот конфликт не только геополитический – он бьёт по настроениям внутри страны.

Кризис на Ближнем Востоке также грозит новым витком роста цен на нефть, что ещё больше ударит по кошельку американцев. Согласно статистическим данным, газ в США стал на 50 % дороже, чем когда Джо Байден вступил в должность. А в 2024 г. тенденция к подорожанию лишь усилилась [26]. Иран своим вмешательством резко изменил расстановку сил. Если раньше Израиль воспринимался как агрессор, то теперь он выглядит жертвой, а его политика получила более широкую поддержку. Это заставило США и ряд арабских стран объединиться с Израилем в вопросах ПРО.

В настоящее время Вашингтон призывает Иерусалим к сдержанности, надеясь замедлить эскалацию. Администрация Байдена рекомендует Израилю не усугублять конфликт с Ираном и ценить усилия США по успешному отражению воздушной атаки со стороны Ирана.

Анализ текущей ситуации позволяет сделать вывод, что США при поддержке своих ближневосточных союзников активно реализуют программу по сближению военно-политических сил и средств региона. Это выражается в создании совместных систем ПВО, таких как интеграция систем ПВО Израиля и ряда арабских стран, а также в обмене разведывательной информацией и ко-

ординации военных операций, которые направлены на противодействие иранской угрозе. Именно эти меры укрепляют коллективную безопасность региона, повышая оперативные возможности стран в условиях эскалации конфликта в Газе. Всё это демонстрирует стратегическую нацеленность на создание более устойчивой системы региональной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Agiesta J. CNN Poll: Trump maintains lead over Biden in 2024 matchup as views on their presidencies diverge // CNN Politics. 28.04.2024. – URL: <https://edition.cnn.com/2024/04/28/politics/cnn-poll-trump-biden-matchup/index.html> (дата обращения: 18.05.2024). – Текст: электронный.
2. Banco E., Seligman L., McLeary P. Iran launches large-scale attack against Israel // Politico. 13.04.2024. – URL: <https://www.politico.com/news/2024/04/13/iran-israel-attacks-00152116> (дата обращения: 14.05.2024). – Текст: электронный.
3. U. S. Response to Iran's Attack on Israel // U. S. Department of State. 14.04.2024. – URL: <https://www.state.gov/u-s-response-to-irans-attack-on-israel/> (дата обращения: 14.05.2024). – Текст: электронный.
4. Trofimov Ya. Analysis: Israel Repelled Iran's Huge Attack. But Only With Help From U.S. and Arab Partners // The Wall Street Journal. 14.04.2024. – URL: <https://www.wsj.com/world/middle-east/analysis-israel-repelled-irans-huge-attack-but-only-with-help-from-u-s-and-arab-partners-a7844065> (дата обращения: 14.05.2024). – Текст: электронный.
5. George S., Granados S., Karklis L., Tabrizy N. What Iran's attack on Israel revealed about its weapons arsenal // The Washington Post. 17.04.2024. – URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2024/04/17/iran-israel-attack-drones-missiles/> (дата обращения: 14.05.2024). – Текст: электронный.
6. Jordan helped Israel against Iran, now locals are protesting // The Times of India. 16.04.2024. – URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/middle-east/jordan-helped-israel-against-iran-now-locals-are-protesting/articleshow/109332440.cms> (дата обращения: 14.05.2024). – Текст: электронный.
7. Дербенев, А. С. Саудовская Аравия в жерновах политической турбулентности / А. С. Дербенев // Вестник Института востоковедения РАН. – 2020. – № 3 (13). – С. 273-285.
8. Department Press Briefing – April 15, 2024 // U. S. Department of State. 15.04.2024. – URL: <https://www.state.gov/briefings/departments-press-briefing-april-15-2024/> (дата обращения: 14.05.2024). – Текст: электронный.
9. Bradley M. An uneasy alliance of Arab states helped defend Israel from Iran. Their resolve may soon be tested // NBC News. 16.04.2024. – URL: <https://www.nbcnews.com/news/world/iran-attack-israel-hamas-war-saudi-arabia-jordan-uae-coalition-rcna147965> (дата обращения: 14.05.2024). – Текст: электронный.
10. President Donald J. Trump is Promoting Peace and Stability in the Middle East // U. S. Embassy in Bahrain. 16.09.2020. – URL: <https://bh.usembassy.gov/president-donald-j-trump-is-promoting-peace-and-stability-in-the-middle-east/> (дата обращения: 16.05.2024). – Текст: электронный.
11. Garamone J. U. S. Aligns Key Partners Against Shared Threats in the Middle East // U. S. Department of Defense. 15.01.2021. – URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2474125/us-aligns-key-partners-against-shared-threats-in-the-middle-east/> (дата обращения: 16.05.2024). – Текст: электронный.
12. Gallindoss A. Pentagon Moves Israel to CENTCOM – Central Command // Jewish Business News. 18.01.2021. – URL: <https://jewishbusinessnews.com/2021/01/18/pentagon-moves-israel-to-centcom-central-command/> (дата обращения: 16.05.2024). – Текст: электронный.
13. US-Led Diplomacy Behind Israel's Stunning Defense // Intercissors for America. 16.04.2024. – URL: <https://ifapray.org/blog/us-led-diplomacy-behind-israels-stunning-defense/> (дата обращения: 16.05.2024). – Текст: электронный.
14. Дербенев, А. С. Саудовская Аравия – Китай: стратегия партнёрства / А. С. Дербенев // Новая и новейшая история. – 2022. – № 3. – С. 216-229.
15. Khraiche D., Dagher S. Saudis, UAE Warn of Dangers of a War Spreading in the Region // Bloomberg. 17.04.2024. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-04-17/saudis-and-uae-warn-of-war-dangers-as-israel-iran-tensions-boil> (дата обращения: 18.05.2024). – Текст: электронный.
16. Brock J. Iran attack on Israel adds to airline troubles in Middle East // Reuters. 15.04.2024. – URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/iran-attack-israel-adds-airline-troubles-middle-east-2024-04-15/> (дата обращения: 18.05.2024). – Текст: электронный.

17. The UAE and Saudi Arabia exchanged Intelligence to help intercept Iranian Drones // Sarajevo Times. 16.04.2024. – URL: <https://sarajevotimes.com/the-uae-and-saudi-arabia-exchanged-intelligence-to-help-intercept-iranian-drones/> (дата обращения: 18.05.2024). – Текст: электронный.
18. Tsukanov I. Game Over? Persian Gulf Powers Reportedly Refuse to Give US Access to Bases for Anti-Iran Strikes // Sputnik International. 13.04.2024. – URL: <https://sputnikglobe.com/20240413/game-over-persian-gulf-powers-reportedly-refuse-to-give-us-access-to-bases-for-anti-iran-strikes-1117907501.html> (дата обращения: 18.05.2024). – Текст: электронный.
19. Report: 7 October testimonies strike major blow to Israeli narrative // Middle East Monitor. 30.10.2023. – URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20231030-report-7-october-testimonies-strikes-major-blow-to-israeli-narrative/> (дата обращения: 18.05.2024). – Текст: электронный.
20. UAE calls for restraint and to halt escalation in the region // Khaleej Times. 14.04.2024. – URL: <https://www.khaleejtimes.com/uae/uae-calls-for-restraint-and-to-halt-escalation-in-the-region> (дата обращения: 18.05.2024). – Текст: электронный.
21. Baker P. A Diplomatic Victory of Uncertain Staying Power // The New York Times. 16.04.2024. – URL: <https://www.nytimes.com/2024/04/16/us/politics/biden-diplomatic-victory-israel-iran.html> (дата обращения: 18.05.2024). – Текст: электронный.
22. Беленькая, М. На Ближнем Востоке пошли на сближение / М. Беленькая // Коммерсантъ. 10.03.2023. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5872914> (дата обращения: 22.05.2024). – Текст: электронный.
23. Супонина, Е. Ответственность за произошедшее на Ближнем Востоке лежит на США / Е. Супонина // Международная жизнь. 16.04.2024. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/45587> (дата обращения: 22.05.2024). – Текст: электронный.
24. Saudi Crown Prince: We don't want war but we won't hesitate to deal with threats // Al Arabiya News. 16.06.2019. – URL: <https://english.alarabiya.net/News/gulf/2019/06/16/Saudi-Crown-Prince-We-don-t-want-war-but-we-won-t-hesitate-to-deal-with-threats> (дата обращения: 18.05.2024). – Текст: электронный.
25. Лебедева, О. Саудовская Аравия может сократить инвестиции в США / О. Лебедева // Правда.Ру. 04.03.2022. – URL: https://www.pravda.ru/news/world/1687666-saudovskaja_aravija/ (дата обращения: 22.05.2024). – Текст: электронный.
26. US Regular Conventional Gas Price // Federal Reserve Bank of St. Louis. – URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/GASREGCOVW> (дата обращения: 22.05.2024). – Текст: электронный.
27. Salvanto A., Backus F., De Pinto J., Khanna K. CBS News poll: Rising numbers of Americans say Biden should encourage Israel to stop Gaza actions // CBS News. 14.04.2024. – URL: <https://www.cbsnews.com/news/biden-israel-gaza-poll-cbs-news/> (дата обращения: 22.05.2024). – Текст: электронный.

Гулевич Д. П., Федирко О. П.
D. P. Gulevich, O. P. Fedirko

ИЗМЕНЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ЛАНДШАФТА КИТАЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

CHANGES IN THE RELIGIOUS LANDSCAPE OF CHINA AT THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY

Гулевич Диана Петровна – магистрант кафедры истории России и специальных исторических дисциплин Благовещенского государственного педагогического университета (Россия, Благовещенск); 675004, г. Благовещенск, ул. Ленина, 104. E-mail: diana_gulevich@mail.ru.

Diana P. Gulevich – Master's Degree Student, Department of History of Russia and Special Historical Disciplines, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Russia, Blagoveshchensk); 675004, Blagoveshchensk, Lenin str., 104. E-mail: diana_gulevich@mail.ru.

Федирко Оксана Петровна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов ДВО РАН (Россия, Владивосток); 670000, Владивосток, ул. Пушкинская, 89. E-mail: fedirkoop@mail.ru.

Oksana P. Fedirko – D. Phll. in History, Leading Researcher of the Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology, The Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences Institute of History, Archeology and Ethnography (Russia, Vladivostok); 670000, Vladivostok, Pushkinskaya str., 89. E-mail: fedirkoop@mail.ru.

Аннотация. В статье представлен обзор изменения религиозного ландшафта Китая, произошедшего под воздействием процесса становления и трансформации новых подходов в системе китайских государственно-конфессиональных отношений начала XX в. Заявленная проблема проанализирована с использованием принципа историзма, проблемно-хронологического метода и регион-ориентированного подхода. Авторы раскрывают историю развития буддизма, конфуцианства, ислама, христианства и даосизма после Синьхайской революции 1911 г. и до образования Китайской Советской Республики в 1931 г. Отмечается, что в этот период китайское правительство делает первые попытки осуществления политики свободы вероисповедания в стране, повышается активность верующих.

Summary. The article presents an overview of the change in the religious landscape of China, which occurred under the influence of the process of formation and transformation of new approaches in the system of Chinese state-confessional relations of the early twentieth century. The authors reveal the history of the development of Buddhism, Confucianism, Islam, Christianity and Taoism in the post-Xinhai It is noted that during this period the Chinese government made the first attempts to implement the policy of freedom of religion in the country, and the activity of believers increased.

Ключевые слова: Китай, религиозный ландшафт, религиозные учения, государство, религиозная политика, идеология.

Key words: China, Religious landscape, religious teachings, states, religious policy, ideology.

УДК 94

XX в. стал переломным в истории Китая. В результате Синьхайской революции пала династия Цин, правившая Китаем чуть менее четырёх веков. Падению империи способствовали собственная отсталость, уверенность в непоколебимости страны, опирающейся на вековые традиции. Однако контакты с международным сообществом позволили Китаю впервые сформировать новые принципы по выстраиванию взаимоотношений с различными конфессиями, в результате чего произошло изменение религиозной ситуации в Китае. Изучение опыта становления государственно-

конфессиональных отношений Китая в сложных внешнеполитических условиях представляется очень актуальным.

Целью данного исследования является изучение изменения религиозного ландшафта Китая в начале XX в.

Цель определила решение конкретных задач:

- охарактеризовать основные принципы религиозной политики Китая в начале XX в.;
- проанализировать состояние основных конфессий Китая и динамику их изменения под воздействием религиозной политики.

Методологической основой исследования стал принцип историзма (события рассматриваются с учётом государственного строя, политики и идеологии конкретного этапа развития Китая), использованы проблемно-хронологический метод (выделение этапов в осуществлении религиозной политики Китая и последовательное их рассмотрение) и регион-ориентированный подход (изучение проблемы в территориальных рамках Китая с учётом его специфических особенностей).

Историография рассматриваемой проблемы достаточно обширна, она включает религиозно-ведческие исследования и историю религий [1; 2; 3; 5; 6; 7; 8; 11; 12; 13; 15], работы по истории Китая [9; 14] и публикации, затрагивающие взаимоотношения государства и отдельных конфессий [4; 16]. В качестве источниковой базы выступают нормативно-правовые акты Китая [10].

Революция 1911 г. открыла доступ в Китай многим идеям, которые начали завоёвывать своих последователей. Падение Цин дало толчок развитию общественной мысли [9, 50-51]. Это касалось не только развития социально-экономической и политической направленности, но и духовной.

Впервые в истории Китая предпринимались попытки создания условий для веротерпимости и свободы вероисповедания вне зависимости от религиозных предпочтений. Другой особенностью стал подъём самосознания и активности верующих, предпринимались попытки создания общенациональных объединений. Росла роль различных общественных слоёв в духовной жизни страны. Началась борьба с конфуцианством и традициями, на их место вставали марксизм и анархизм, разные социалистические течения и западные философские концепции [1, 635].

Наравне с этим начало XX в. можно охарактеризовать как период становления и расцвета китайского религиоведения. Это произошло именно по причине проникновения западных научных идей [14, 128].

После Синьхайской революции появилось «движение за новую культуру». Это движение по своей сути было демократическим, призывало к обновлению культуры и общества. Считалось, что конфуцианство является препятствием на пути построения конституционального республиканского Китая [9, 82].

Был отменён государственный культ Конфуция. А предпринимаемые попытки вновь объявить конфуцианство государственной идеологией встречали сопротивление. Попытка Юань Шикая насадить вновь государственный культ Конфуция не увенчалась успехом. Активно против выступили представители других конфессий, а также китайская интеллигенция [9, 83].

Но со временем к конфуцианству стали возвращаться. В учении Конфуция видели массовую идеологию и опору. Акцент делался на этическом элементе. Так, в 1934 г. гоминьдановским правительством было инициировано «движение за новую жизнь» – возрождение традиционных ценностей. Основано оно было на некоторых положениях конфуцианства. Также был восстановлен культ Конфуция [12, 11].

После низвержения монархии в условиях политических изменений религиозные общины получили некоторую свободу. Была официально прекращена практика проведения государственных культов, но в то же время новые власти предприняли попытки установления контроля над религиозной жизнью в стране. Основной фокус был направлен на буддистов и даосов, прежде всего для них были разработаны положения «Временные правила по контролю над монастырями» и «Правила по контролю над монастырями и храмами». Была восстановлена практика предшествовавших властей по контролю над религиозными общинами [9, 546].

В 1927 г. правительством Гоминьдана началась работа по составлению государственной политики в области религии. Гоминьданом декларировалась свобода вероисповедания, на деле она ограничивалась. Данная двойственность объяснялась тем, что власти стремились урегулировать и уладить обстановку в сфере религии. Также в правительственных кругах Гоминьдана была сильна идея секуляризации общества. Секуляризационные настроения выражались на практике в требованиях конфискации земли, передачи части доходов на нужды общества и т. д. По большей части это коснулось буддистской общины [9, 546].

В 1928-1929 гг. был введён ряд нормативных актов, частично регулирующих жизнь религий, в основном это касалось даосизма и буддизма. Такими актами были: «Правила регистрации монастырей и храмов», «Правила по управлению монастырями и храмами», «Правила по контролю над монастырями и храмами». В основном эти акты контролировали хозяйственную и финансовую деятельность монастырей и общин. В религиозную или культовую практику они не вмешивались [9, 547].

Важным уточнением является то, что эти акты не относились к тибетскому буддизму.

В сентябре 1932 г. правительством был создан нормативный акт «Способы ведения монастырями и храмами общественно полезной или благотворительной деятельности». Акт регулировал порядок выплат монастырями средств на общественные нужды и благотворительность. Средства отправлялись в госорганы. Всё это также касалось исключительно даосов и буддистов [9, 548].

Наравне с правительственными существовали органы партийные, которые занимались вопросами религии. В партии Гоминьдан был создан отдел по делам религии при ЦИК. В правительстве при министерстве внутренних дел и министерстве социального обеспечения создавались отделы по делам религии [9, 548].

В китайском буддизме в начале XX в. главным лейтмотивом стало его реформирование. Буддизм сталкивался с трудностями во многих аспектах. В частности, его последователи не играли важной роли в социальной жизни, за исключением проведения погребальных церемоний. Большинство представителей буддийской общины имели низкий уровень образования и могли выполнять только самые простые религиозные обряды. После Синьхайской революции буддизм вновь поднимает голову, оказывая влияние на культуру Китая. Главной движущей силой стала группа реформаторов. Инициатором этих процессов стал Ян Вэньхуэй, а также его сподвижники и ученики Оуян Цзинью, Тайсью и др. [3, 32-33].

Главными целями реформ стали: обеспечение постоянного образования, создание буддийской периодической печати, формирование системы образовательных учреждений, предоставляющих религиозные знания в области буддизма, создание объединённой буддийской организации [9, 38]. Смысл реформ был в создании объединённой буддийской организации в масштабах всего Китая, что повысило бы важность и статус буддизма в глазах народа, а также определило бы положение в правовом поле [4, 65].

Но, как отмечалось выше, власти в то же время усиливали нажим на буддийскую общину. В этих условиях цели реформ буддизма немного трансформировались. К ним добавились формирование масштабного движения мирян, подготовка монахов-проповедников. Другой не менее важной целью ставилось донесение мысли до китайского народа, что буддизм – неотъемлемая часть китайской культуры [3, 40].

Один из реформаторов Тайсью выдвинул идею социально ориентированного буддизма – буддизма, направленного на общество. На него оказала влияние идея «Трёх народных принципов» Сунь Ятсена. На их основе он создал свои принципы реформирования буддизма: религиозного вероучения, религиозной системы и религиозной собственности [4, 66].

По сути, Тайсью призывал к тому, чтобы буддизм соответствовал духу времени. Он считал, что учение Будды обладает потенциалом для того, чтобы принести благо обществу и улучшить жизнь людей. Имущество общины должно принадлежать всем верующим.

На протяжении более чем десятилетия с момента Синьхайской революции китайское буддийское сообщество добивалось признания со стороны государства, что у неё в принципе и получилось: многие принимаемые законы и попытки конфискации монастырской земли сталкивались с противодействием со стороны буддийской общины. В этой обстановке государству приходилось идти на некоторые уступки. Только в 1929 г. был образован Китайский буддийский союз в Шанхае [4, 85], который определил, что целью «объединённых верующих буддистов всей страны является распространение спасительного духа махаяны, всемирное распространение буддизма, служение людям» [3, 46].

Благотворительные акции, просвещение простых людей, отстаивание прав рабочих и крестьян, а также популяризация буддийских учений и формирование исследовательских обществ с этой целью, активное участие буддийской общины в социально-политической жизни страны – вот что было в центре внимания [3, 56].

В даосской среде, в отличие от буддизма, не началось какой-либо реформации, наоборот, наблюдалась некая закрытость общины, но с периодами оживления [9, 560].

Очень слаб был и процесс организационного объединения даосских общин и школ. Созданные организации в основном состояли из представителей двух крупных школ. В 1912 г. в Пекине было создано Центральное объединение последователей даосизма, в 1927 г. – Всеобщий даосский союз Китая [9, 561].

В начале XX в., после падения династии Цин, происходит рост числа последователей синкретических религий. Уже в республиканский период началась активная борьба с ними в рамках модернизации общества. Позже, в начале правления Гоминьдана, если какая-либо синкретическая религия не выступала открыто против существующей власти, то деятельность её допускалась. В 1920-е гг. в Китае начинается этап борьбы с рядом синкретических религий в рамках борьбы с суевериями. Наиболее показательна в этом плане борьба с Туншаньшэ – «Обществом единения в добре», которая воспринималась Гоминьданом и КПК как реакционная сила [13, 41].

Политика в религиозной сфере выражалась не только в принятии различных законодательных актов, но и в разработке Конституции. В Конституции Бэйянского правительства от 1923 г. в статье 5 говорилось о равноправии граждан вне зависимости от их религии, в статье 12 было положение о свободе почитать Конфуция или исповедовать всякую другую религию без установления каких бы то ни было ограничений, иначе как согласно закону [29, 28]. Во временной Конституции гоминьдановского правительства от 1931 г. существовало положение, что граждане равны перед законом вне зависимости от их вероисповедания, и провозглашалась свобода вероисповедания [9, 548].

Такое же положение было в проекте Конституции от 1931 г. в Китайской Советской Республике, подконтрольной коммунистам части Китая. В статье 4 декларировалось равенство граждан перед законом без различия религии, в статье 13 декларировались свобода совести, отсутствие финансирования какой-либо религии, использование гражданами антирелигиозной пропаганды, а также допускалось существование религиозных учреждений империалистов, если они подчинялись законам от 1931 г. [10, 68]. Здесь наблюдалось влияние практики СССР в религиозном вопросе, что также отразится в будущем уже во время Китайской Народной Республики.

Изложенные нормативно-правовые акты, регулирующие отношения между правительством Гоминьдана и религиозными общинами, по большей части касались буддистов и даосов. Ислам является той религией, внимание к которой в первое время не уделялось, и принятые законы и акты не относились к исламу [9, 549].

В провинциях, где большинство населения было представлено мусульманами, росла напряжённость. Усиливались сепаратистские настроения, росло влияние панисламизма. Причиной подобного являлась непродуманная политика Гоминьдана в данном вопросе. В частности, это касается упомянутого ранее изъятия религиозных дисциплин из учебных планов государственных школ. Ограничивался хадж в Мекку [9, 550].

На деле гоминьдановскому правительству не всегда удавалось соответствовать декларируемым положениям, фактически проводилась дискриминационная политика в отношении мусульман [11, 37].

Не сложились отношения с мусульманской общиной и у коммунистов. В ходе Великого похода путь пролегал через районы проживания мусульман, что осложнило их отношения с коммунистами [9, 550].

В Китае возникают разнообразные исламские организации, связанные с религией, политикой, наукой и благотворительностью. Они представляют ислам и стремятся сделать его более известным в китайском обществе, привлекая к нему как можно больше людей. Благодаря усилиям этих организаций и союзов исламское образование в Китае начинает активно развиваться [11, 37].

Отношение гоминьдановского правительства к христианству, особенно к католицизму и протестантизму, было немного другим. С 1912 по 1927 гг. антихристианское движение было на высоте. К концу эры милитаристов и с установлением правительства Гоминьдана в 1927 г. антихристианские настроения пошли на спад [16, 21-23].

Существующие организации, общины и объединения католиков и протестантов были в зависимом положении от западных стран, получая от них материальную поддержку. Влияние гоминьдановского правительства было невелико. В рамках уже существующих законов были разработаны «Способы руководства объединениями зарубежных миссионеров», которые ограничивали миссионерскую деятельность иностранцев, вводился государственный контроль над ней [9, 552].

Недаром начало XX в. называют «золотым веком» христианской миссионерской деятельности. Сразу же после Синьхайской революции новые власти в лице самого Юань Шикая благожелательно относились к христианским миссионерам, расширили их права и возможности [5, 142-143].

Создавались объединения христиан, католиков и протестантов. Например, «Общекитайский совет церквей» и «Церковь Христа в Китае» объединяющие протестантов, католиков, были организованы и подчинялись Ватикану. Но единой структуры, объединяющей всех протестантов или католиков в единую организацию, пока создано не было [5, 141-142].

Благоприятное отношение со стороны гоминьдановских властей было связано с тем, что многие революционеры, которые устраивали Синьхайскую революцию, были либо положительно настроены насчёт христианства, либо сами были христианами.

Первый президент Китайской республики, основатель партии Гоминьдан Сунь Ятсен был протестантом. В детстве он обучался в английских миссионерских школах. Он сочетал христианскую веру и революционную теорию, делая сильный акцент на этике. Сунь Ятсен полагал, что христианство как социально-экономическая концепция способно помочь в решении проблем Китая [8, 62-63]. Но при этом он разграничивал государственную власть и религию [8, 64]. Под влиянием антизападных и антихристианских движений, выступающих за независимость Китая от колониальных держав, Сунь Ятсен выступал за независимость христианских организаций в Китае [8, 68]. Как и его преемник Чан Кайши, в условиях, когда в обществе и в политической организации преобладали антихристианские настроения, он принял христианскую веру [8, 73].

В начале XX в. многие китайские революционеры имели отношение к христианству. В 1931 г. две трети членов правительства Гоминьдана получили образование в христианских миссионерских учебных заведениях [5, 145].

Российская духовная миссия в начале XX в. получила стимул для миссионерской деятельности. Так, 1900 г. называют рубежом для миссии [6, 9].

В это время были открыты школы в Тяньцзине и Шанхае, открывались новые церкви. Началась активная хозяйственная деятельность. Впервые были основаны православные станы на юге Китая. Под покровительство миссии перешли русские, отправленные в Маньчжурию строить и обслуживать КВЖД. Но со временем КВЖД и Харбин были отторгнуты из ведения российской духовной миссии, т. к. начальники КВЖД и многие русские предприниматели боялись осложнений в отношениях с китайскими властями и местным населением из-за миссионерской деятельности. К 1917 г. российская духовная миссия добилась наивысшего расцвета [15, 25].

К этому времени православных в Китае насчитывалось более 5 тыс. человек в более 650 населённых пунктах [5, 154-162]. Центром русской православной культуры в Китае стал Харбин [2, 221].

После революции 1917 г. миссия оказалась в затруднительном положении. Связь с Московским патриархатом была потеряна. Прекратилось финансирование, закрылись все миссионерские станы. После окончания гражданской войны руководство российской духовной миссии не подчинилось советской власти [5, 162].

Миссия перешла в подчинение Русской православной церкви за границей (РПЦЗ). На плечи миссии легла забота о прибывших беженцах из России. После разгрома белогвардейцев в Туркестане и на Дальнем Востоке в Китай хлынуло, по разным подсчётам, около 500 тыс. беженцев [15, 25]. Большинство православных составляли русские беженцы [7, 59].

В 1924 г. Иннокентий (Фигуровский), глава Пекинской и Китайской епархии, образованной в 1922 г., заявил, что на территории Китая образована православная церковь [2, 232].

На фоне создания Китайской православной церкви наметился раскол внутри неё. Китайский священник Сергей Чан в 1931 г. потребовал от правительства Китайской республики назначить его руководителем Китайской православной церкви вместо архиепископа Симона, назначенного РПЦЗ, а затем преемника Симона архиепископа Виктора. Своё выдвижение он обосновывал необходимостью начала проповеди среди китайцев, т. к. церковь занималась исключительно нуждами русских беженцев. Данное требование не получило одобрения прихода, т. к. он состоял в большинстве своём из русских, но получило одобрение со стороны китайских властей [2, 239-241].

Первая половина XX в. изменила религиозный ландшафт Китая. В это время начался процесс трансформации религиозной ситуации. Господствовавшее на официальном уровне конфуцианство теперь находилось в подавленном состоянии. Разрушены многие традиционные устои в религиозной политике. В это же время новое китайское республиканское правительство делает первые попытки осуществления политики свободы вероисповедания в стране. Общины верующих сами принимают активное участие в общественно-политической жизни страны. Верующими создаются религиозные организации. Активно реформируются существующие конфессии. В буддизме возобладали идеи реформирования учения для большей социальной направленности. Начинается процесс активной китаизации христианства, появились идеи обособленности китайских христианских организаций от западных. Возникают исламские организации и развивается исламское образование в Китае.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев, Л. С. История религий Востока / Л. С. Васильев. – М.: КДУ, 2006. – 704 с.
2. Головин, С. А. Российская духовная миссия в Китае: исторический очерк / С. А. Головин. – Благовещенск: БГПУ, 2013. – 284 с.
3. Горбунова, С. А. Буддийские объединения в истории Китая XX в. (10-90-е годы): информационный бюллетень № 2 / С. А. Горбунова. – М.: ФГБУН Институт Дальнего Востока РАН, 1998. – 161 с.
4. Горбунова, С. А. Китай: религия и власть. История китайского буддизма в контексте общества и государства / С. А. Горбунова. – М.: ИД «ФОРУМ», 2008. – 320 с.
5. Дацышен, В. Г. Христианство в Китае: история и современность / В. Г. Дацышен. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. – 240 с.
6. Ефремова, Ю. Р. Христианство в Китае: история и современность / Ю. Р. Ефремова // Россия и Китай: аспекты взаимодействия взаимовлияния: материалы IV Международной заочной научно-практической конференции / под ред. Н. Л. Глазачевой, О. В. Залесской. – Благовещенск: БГПУ, 2013. – С. 7-13.
7. Захарьин, А. Б. Буддизм и христианство в Китае. Религия и власть. История и современность / А. Б. Захарьин // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. – 2011. – Т. 13. – № 4. – С. 50-65.
8. Иванов П. М. Из истории христианства в Китае / П. М. Иванов. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2005. – 222 с.

9. История Китая с древнейших времён до начала XXI века. В 10 т. Том VII / Н. Е. Боровская, О. Н. Борох, А. Л. Верченко [и др.]; Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН. Гл. ред. академик РАН С. Л. Тихвинский. – М.: Наука; Восточная литература, 2013. – 863 с.
10. Конституционные акты Китая: хрестоматия / сост. Д. В. Кузнецов. – Благовещенск: БГПУ, 2014. – 190 с. – URL: https://kuznetsov.ucoz.org/books/konstitucionnye_akty_kitaja.pdf (дата обращения: 15.01.2025). – Текст: электронный.
11. Ли Синь. Ислам на северо-востоке Китая: философско-религиоведческий анализ: автореф. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Ли Синь. – Благовещенск, 2009. – 49 с.
12. Мартынов, Д. Е. Конфуцианское учение в политической теории и практике КНР (60-90-е гг. XX в.): автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Мартынов Дмитрий Евгеньевич. – Казань, 2004. – 23 с.
13. Тertiцкий, К. М. Китайские синкретические религии в XX в.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / Тertiцкий Константин Маркович. – Москва, 2001. – 359 с.
14. Усов, В. Н. История КНР. В 2 т. Т. 2 / В. Н. Усов; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки, Ин-т дальнего Востока РАН. – М.; АСТ; Восток-Запад, 2006. – 718 с.
15. Хмыров, Д. В. Спорные вопросы истории РПЦЗ (1920-1945) / Д. В. Хмыров. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2014. – 480 с.
16. Чжан Си. Изучение религии в Китае и развитие религиоведения в новый период / Чжан Си // Science Time. – 2020. – № 12 (84). – С. 5-8.

Караваев Д. Г., Федирко О. П.
D. G. Karavaev, O. P. Fedirko

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-ЯПОНСКОГО РАЗГРАНИЧЕНИЯ КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

HISTORIOGRAPHICAL REVIEW OF THE PROBLEM OF RUSSIAN-JAPANESE DELIMITATION OF THE KURIL ISLANDS

Караваев Денис Григорьевич – магистрант кафедры истории России и специальных исторических дисциплин Благовещенского государственного педагогического университета (Россия, Благовещенск); 675004, г. Благовещенск, ул. Ленина, 104. E-mail: karavaevden.97@mail.ru.

Denis G. Karavaev – Master's Degree Student, Department of Russian History and Special Historical Disciplines, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Russia, Blagoveshchensk); 675004, Blagoveshchensk, Lenin St., 104. E-mail: karavaevden.97@mail.ru.

Федирко Оксана Петровна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов ДВО РАН (Россия, Владивосток). E-mail: fedirkoop@mail.ru.

Oksana P. Fedirko – D. Phl. in History, Leading Researcher of the Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology, The Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences Institute of History, Archeology and Ethnography (Russia, Vladivostok). E-mail: fedirkoop@mail.ru.

Аннотация. В статье представлен историографический обзор публикаций российских исследователей, рассматривающих российско-японские проблемы территориальных разграничений в отношении Курильских островов. Историография рассматриваемой проблемы проанализирована с использованием проблемно-хронологического метода, позволяющего расчленить широкие темы на ряд узких проблем, каждая из которых рассматривается в хронологической последовательности. Авторы выделяют следующие проблемные поля: процесс формирования границ Российской империи и Японии; историю развития отношений СССР и Японии; анализ аргументации японских претензий на российские территории и контраргументы к ним; подходы к решению российско-японского территориального вопроса и перспективы урегулирования спора о Курилах.

Summary. The article presents a historiographical review of the publications of Russian researchers considering the Russian-Japanese problems of territorial delimitation in relation to the Kuril Islands. The historiography of the problem under consideration is analyzed using the problem-chronological method, which makes it possible to divide broad topics into a number of narrow problems, each of which is considered in chronological sequence. The authors identify the following problem areas: the process of forming the borders of the Russian Empire and Japan; the history of the development of relations between the USSR and Japan; the analysis of the arguments of Japanese claims to Russian territories and counterarguments to them; approaches to solving the Russian-Japanese territorial issue and the prospects for resolving the dispute over the Kuril Islands.

Ключевые слова: историография, российско-японские отношения, территориальный спор, Курильские острова.

Key words: historiography, Russian-Japanese relations, territorial dispute, Kuril Islands.

УДК 303.446.4

Отношения между Россией и Японией на современном этапе включают комплекс проблем, требующих решения. Одна из ключевых задач, стоящая перед странами, это решение территориального вопроса. Несмотря на территориальные противоречия, сохраняющиеся на протяжении всего XX в., существует возможность экономического и культурного сотрудничества между странами.

Вопросы, касающиеся Курильских островов, остаются острыми и влияют на политическую повестку обеих стран. Актуальность исследования проявляется в необходимости анализа этих споров в контексте современной международной политики.

В условиях изменяющейся геополитической обстановки в Восточной Азии, а также усиливающегося влияния других стран, таких как США и Китай, исследование представляет интерес для понимания динамики отношений между Россией и Японией.

Несмотря на территориальные споры, обе страны заинтересованы в развитии экономических и культурных отношений.

Целью статьи является историографический обзор публикаций российских исследователей, рассматривающих российско-японские проблемы территориальных разграничений.

Историография рассматриваемой проблемы может быть проанализирована с использованием проблемно-хронологического метода, позволяющего расчлнить широкие темы на ряд узких проблем, каждая из которых рассматривается в хронологической последовательности.

Первично мы совершим исторический экскурс в процесс формирования границ Российской империи и Японии.

Востоковед А. Е. Жуков в трудах «История Японии с древнейших времён до 1868 г.» [6] и «История Японии 1868-1998» [7] даёт системную картину развития Японии. Труды А. Е. Жукова включают в себя главы о русско-японских отношениях и содержат сведения о первых попытках установить дипломатические отношения, в том числе упоминается миссия в Японию Путятин.

А. А. Кошкин в статье «От союза до интервенции. Российско-японские отношения в начале XX в.» [13] рассматривает период с начала XX в. до заключения Портсмутского договора и интервенции на Дальнем Востоке России. Автор проводит анализ интересов России, описывает внешнюю политику России и Японии, а также России и Кореи, России и Китая. В статье представлены этапы интервенции и отпор русских силами регулярных войск и партизанских отрядов ДВР, в том числе описаны претензии и планы японцев на территорию Дальнего Востока России.

Один из крупнейших востоковедов, доктор исторических наук и политолог, а также преподаватель Э. Я. Файнберг в круг своих профессиональных интересов включает вопрос международных отношений России и Японии. В одной из своих работ «Внутреннее и международное положение Японии в середине XIX в.» [29] исследует политическое, культурное и социально-экономическое положение Японии в XIX в. Автор, основываясь на исторических документах, анализирует историю взаимоотношений и объясняет позицию России в политике по отношению к Японии. Э. Я. Файнберг в своих работах исследует деятельность консулов в Японии. Труд содержит сведения о роли западных стран в открытии Японии и их политике по отношению к данной стране.

И. И. Ростунов в работе «История русско-японской войны 1904-1905 гг.» [23] комплексно рассматривает историю русско-японской войны; труд включает иллюстративный материал, фото-материал, картографический материал, военные чертежи и планы. В книге можно найти портреты участников военных действий, а также биографические сведения. Работа И. И. Ростунова построена на исследовании воспоминаний участников событий, вырезках газет, в том числе западных. Исследователь описывает итоги военных действий для Японии и России, рассматривает территориальные потери по итогу заключения мира.

Д. Б. Павлов посвятил свои труды русско-японским отношениям. Среди работ данного автора можно выделить монографию «Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны» [19], в которой комплексно изучены русско-японские отношения в этот период. Для воссоздания полной картины русско-японских отношений автор собрал документы центральных архивов, выстроил последовательную историческую цепочку.

Для раскрытия заявленной темы требуется рассмотреть, как оценивают исследователи историю развития отношений СССР и Японии.

В книге «Мировая политика и международные отношения» под ред. С. А. Ланцова, В. А. Ачкасова [16] освещены проблемы в международных отношениях XX столетия до совре-

менного этапа. Издание включает рассмотрение глобальных проблем мировой политики и перспективы их урегулирования.

Е. Л. Катасонова в статье «Исследования в области истории российско-японских отношений» [11] исследует военные и дипломатические отношения России и Японии, а также спорные моменты в истории международных отношений XX в. Статья затрагивает вопросы становления отношений СССР и Японии, а также итоги Второй мировой войны и разграничение территорий. Статья даёт основы историографии проблемы русско-японских отношений. В другой своей статье «Российско-японские отношения: тернистый путь длиной в полвека» [12] Е. Л. Катасонова делает акцент на становлении отношений России и Японии после завершения Второй мировой войны, обращая внимание на трансформацию взглядов с обеих сторон.

Монография Б. Н. Славинского «СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история, 1937–1945 гг.» [27] посвящена отношениям между Россией и Японией, военным действиям и дипломатии. Монография разделена на семь глав, каждая из которых описывает определённый этап истории развития отношений в период 1937-1945 гг.

В следующей группе публикаций авторы дают анализ аргументации японских претензий на российские территории и контраргументы к ним.

В статье С. С. Ходовой «Особенности российско-японских политических отношений в период после окончания Второй мировой войны до начала 2000-х гг.» [32] были рассмотрены отношения между СССР и Японией после Второй мировой войны до конца XX в. Позиция автора относительно отношений с Японией заключается в понимании необходимости заключения прочных деловых взаимоотношений в Дальневосточном регионе, ведь он богат природным потенциалом. Согласно автору статьи, отсутствие мирного договора не является тормозящим фактором для развития отношений.

А. С. Савин в монографии «Японский милитаризм в период Второй мировой войны 1939-1945 гг.» [25] изучает и анализирует сущность японского милитаризма, планы и действия в период ведения войны, а также методы ведения войны (фашизм). В труде обозначена важная роль Советского Союза для разгрома милитаристской Японии. В монографии обозначены итоги военных действий.

Хаттори Такусиро в книге «Япония в войне 1941-1945 гг.» [28] раскрывает внутреннее содержание и характер действий вооружённых сил Японии, в том числе условия капитуляции.

Исследователи достаточно часто обращаются в своих публикациях к проблеме решения российско-японского территориального вопроса.

А. Н. Панов в статье «Советско-японская Совместная декларация 1956 года: сложный путь к подписанию, нелёгкая судьба после ратификации» [21] прослеживает путь развития отношений СССР и Японии в области территориальных проблем с момента окончания Второй мировой войны до заключения Совместной декларации 1956 г. Статья включает описание договорённостей между странами относительно границ Японии. В статье отмечается, что позиция США в связи с территориальными положениями Ялтинских соглашений 1945 г. до и после подписания Сан-Францисского мирного договора с Японией неоднократно менялась, с одной стороны, по мере ухудшения отношений с СССР, а с другой – с целью «обезопасить» себя от требований Японии вернуть оккупированные американцами японские территории. Статья описывает отношение Японии к притязаниям на о. Сахалин и Курильские острова, в том числе изменения позиции страны. Важно, что статья подробно описывает процесс советско-японских переговоров 1955-1956 гг. [21].

Подробно рассматривает процесс становления отношений между Россией и Японией А. Л. Анисимов в статье «К вопросу о русско-японском разграничении на Сахалине в 50-60-е годы XIX в.» [1]. Автор рассматривает территориальные разграничения и договор 1956 г., а также его влияние на развитие отношений в последующем.

А. Н. Кутаков в труде «История советско-японских дипломатических отношений» [15] также касается истории подписания Совместной декларации 1956 г.

Вопрос территориальных претензий Японии к России является один из важнейших в сфере современных международных отношений, в связи с чем его изучением занимается множество со-

временных авторов, например: М. К. Горшков [4], П. А. Гюлазян, Д. Э. Мазлумян, Д. В. Беленков [5], В. К. Зиланов, А. Ю. Плотников [8], О. И. Ильинская [9], В. В. Кузьминков [14], Р. К. Надби-тов, Л. К. Хохолкина [18], С. А. Пономарев [22], В. О. Попова, В. В. Рушания [24], К. С. Флорен-цева, В. В. Рыкина [30] и др.

Вопрос территориальных споров и разграничения территорий исследовали П. А. Гюлазян, Д. Э. Мазлумян, Д. В. Беленков, в статье «Территориальный вопрос в российско-японских отно-шениях» [5] они рассмотрели современное состояние вопроса о решении территориального спора и подписания мирного договора. Статья В. В. Рушания «Территориальный спор между Россией и Японией» рассматривает юридические и фактические аспекты спора о Курильских островах, ана-лизирует международные договоры и исторические данные, касающиеся территориальных пре-тензий, а также международно-правовые формы урегулирования этого конфликта [24]. К. С. Фло-ренцева и В. В. Рыкина в статье «Российско-японские территориальные разногласия: отношение общества к возможной передаче Россией Японии части Курильской гряды» [30] рассматривает проблему принадлежности Южно-Курильских островов в свете территориальной целостности России.

Проблема решения российско-японского территориального спора занимает важное место в исследованиях современных учёных.

А. А. Горкуша в статье «Трансформация российско-японских отношений в период прези-дентства Б. Н. Ельцина (1991-1999 гг.)» [3] демонстрирует общие и различные черты в российско-японских отношениях и изменения, происходящие в конце XX столетия. М. А. Казаков, М. С. Лы-сцев в статье «История российско-японских оборонных отношений на Курильских островах и её современные политические импульсы» [10] приходят к выводам, что современный «прорыв» в диалоге между Россией и Японией в области обороны и внешнеполитической связи крайне необ-ходим и возможен. Авторы полагают, что Сахалин и Хоккайдо также должны иметь возможность устанавливать социально-экономические связи.

В. В. Нелидов в статье «Новая неопределённость в российско-японских отношениях» [19] отражает события 2020 г. и последствия для России и Японии. Отношения, которые установились в данный период, автор определяет как «новая неопределённость». Неопределённость вызвана по-ниманием невозможности склонить Россию к уступкам относительно территорий, а также прихо-дом правительства Ё. Суга с более жёсткими территориальными требованиями; сказалось также и уменьшение экономических связей после пандемии COVID-19. В статье рассмотрен один из вари-антов тактики России в сложившихся условиях по отношению к Японии.

С. В. Севастьянов, А. Л. Лукин, С. О. Шишмаков [26] и Н. А. Харюшина [31] своих статьях рассматривают период взаимоотношений с Японией в президентство В. В. Путина и его тактику политического урегулирования российско-японских отношений.

Одной из самых острых проблем, поставленных исследователями в ряде публикаций, стали проблема и перспективы урегулирования спора о Курилах.

Т. Г. Антропов, А. А. Саакян в статье «Современное состояние и перспективы российско-японских экономических отношений» [2] делают акцент на современных экономических отноше-ниях между Россией и Японией, роли Японии как торгового партнёра. Авторы отмечают, что со-трудничество с Японией способствует улучшению экономических показателей и налаживанию экспорта и импорта. В статье указано, что после событий 2022 года экономические отношения между странами ухудшились. Тем не менее существующий ретроспективный экономический ба-зис и значительный потенциал дальнейшего партнёрства требуют поддержания политических кон-тактов на высшем уровне для сохранения переговорного пространства и поиска оптимального де-лового паритета для обеих стран. Т. Е. Горчаков, О. И. Казаков также отмечают изменения, про-изошедшие в отношениях между Россией и Японией с 2020 г., и влияние на экономику России. В статье отмечено, что смена правительства Абэ на Суга отразилась на социально-экономическом сотрудничестве стран.

К. А. Марцинкевич, Д. А. Волжанин, Д. В. Литвиненко в статье «Российско-японские от-ношения: курс премьер-министров и перспективы на восстановление» [17] обозначают важность

решения вопроса о Курильских островах Кунашире, Шикотане, Итуруп и гряде Хабомаи, а также отсутствие мирного договора между странами, которое не позволяет идти на более близкий контакт. В работе рассматривается исторический контекст российско-японских отношений по поводу Курильского вопроса. Кроме того, проводится анализ политики японских премьер-министров в отношении спорных территорий. Исследуются причины невозможности решения проблемы в обозримом будущем.

Таким образом, проблема российско-японских территориальных разграничений в отношении Курильских островов современными исследователями рассмотрена широко и с различных аспектов. Это способствует не только раскрытию обозначенной темы, но и улучшению понимания перспектив решения этого сложного международного вопроса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов, А. Л. К вопросу о русско-японском разграничении на Сахалине в 50-60-е годы XIX века. Часть 1 / А. Л. Анисимов // Власть и управление на Востоке России. – 1999. – № 1 (6). – С. 7-8.
2. Антропова, Т. Г. Современное состояние и перспективы российско-японских экономических отношений / Т. Г. Антропова, А. А. Саакян // Вестник Университета мировых цивилизаций. – 2024. – Т. 15. – № 2 (43). – С. 61-67.
3. Горкуша, А. А. Трансформация российско-японских отношений в период президентства Б. Н. Ельцина (1991-1999 гг.) / А. А. Горкуша // Актуальные проблемы современности: материалы 6-й Всероссийской научно-практической конференции «Альтернативный мир» / отв. ред. Д. В. Буяров. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. – С. 55-61.
4. Горшков, М. К. Курилы: острова в океане проблем / М. К. Горшков, В. В. Журавлев. – М.: РОССПЭН, 1998. – 519 с.
5. Гюлазян, П. А. // Территориальный вопрос в российско-японских отношениях / П. А. Гюлазян, Д. Э. Мазлумян, Д. В. Беленков // Аллея науки. – 2018. – № 6 (22). – С. 225-235.
6. Жуков, А. Е. История Японии с древнейших времён до 1868 г. Т. 1 / А. Е. Жуков. – М.: Институт востоковедения РАН, 1998. – 659 с.
7. Жуков, А. Е. История Японии 1868-1998. Т. 2 / А. Е. Жуков. – М.: Институт востоковедения РАН, 1998. – 703 с.
8. Зиланов, В. К. Курилы в российско-японских отношениях / В. К. Зиланов, А. Ю. Плотников // Обозреватель. – 2007. – № 1 (204). – С. 31-39.
9. Ильинская, О. И. Правовые основы территориального размежевания между Россией и Японией / О. И. Ильинская // Журнал российского права. – 2016. – № 5 (233). – С. 129-141.
10. Казаков, М. А. История российско-японских оборонных отношений на Курильских островах и её современные политические импульсы / М. А. Казаков, М. С. Лысцев // Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева, 2017. – С. 16-20.
11. Катасонова, Е. Л. Исследования в области истории российско-японских отношений / Е. Л. Катасонова // Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиною в четверть века / Ассоциация японоведов; Институт востоковедения РАН; Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ; под ред. Д. В. Стрельцова. – М.: АИРО-XXI, 2015. – С. 285-303.
12. Катасонова, Е. Л. Российско-японские отношения: тернистый путь длиной в полвека / Е. Л. Катасонова // Азия и Африка сегодня. – 2006. – № 11. – С. 2-12.
13. Кошкин, А. А. От союза до интервенции. Российско-японские отношения в начале XX в. / А. А. Кошкин // Проблемы Дальнего Востока. – 2009. – № 1. – С. 140-155.
14. Кузьминков, В. В. Японская историография проблемы территориального размежевания между Россией и Японией / В. В. Кузьминков // Японские исследования. – 2018. – № 1. – С. 60-70.
15. Кутаков, Л. Н. История советско-японских дипломатических отношений / Л. Н. Кутаков. – М.: Изд-во ИМО, 1962. – 447 с.
16. Мировая политика и международные отношения: учеб. пособие / под ред. С. А. Ланцова, В. А. Ачкасова. – СПб.: Питер, 2007. – 448 с.
17. Марцинкевич, К. А. Российско-японские отношения: курс премьер-министров и перспективы на восстановление / К. А. Марцинкевич, Д. А. Волжанин, Д. В. Литвиненко // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12. – № 12 (88). – С. 4467-4473.

18. Надбитов, Р. К. Российско-японский спор о территориальной принадлежности островов южно-курильской гряды: исторические аспекты развития проблемы и её современное состояние / Р. К. Надбитов, Л. К. Хохолкина // Вестник Калмыцкого университета. – 2023. – № 3 (59). – С. 57-65.
19. Нелидов, В. В. Новая неопределённость в российско-японских отношениях / В. В. Нелидов // Японские исследования. – 2020. – № 4. – С. 119-136.
20. Павлов, Д. Б. Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны / Д. Б. Павлов. – М.: РОССПЭН, 2014. – 274 с.
21. Панов, А. Н. Советско-японская Совместная декларация 1956 года: сложный путь к подписанию, нелёгкая судьба после ратификации / А. Н. Панов // Японские исследования. – 2019. – № 2. – С. 63-94.
22. Пономарев, С. А. Южные Курилы: проблемы экономики, политики и безопасности. Парламентские слушания, проведённые 18 марта 2002 года в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации (Обзор выступлений участников парламентских слушаний) / С. А. Пономарев // Вестник сахалинского музея. – 2003. – № 1 (10). – С. 167-184.
23. Ростунов, И. И. История русско-японской войны 1904-1905 гг. / И. И. Ростунов. – М.: Наука, 1977. – 384 с.
24. Рушания, В. В. Территориальный спор между Россией и Японией: история вопроса и международно-правовые формы урегулирования / В. В. Рушания // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – № 4 (11). – С. 40-45.
25. Савин, А. С. Японский милитаризм в период Второй мировой войны 1939-1945 гг. / А. С. Савин. – М.: Наука, 1979. – 239 с.
26. Севастьянов, С. В. Дипломатия Путина и Абэ: перспективы политического урегулирования российско-японских отношений / С. В. Севастьянов, А. Л. Лукин, С. О. Шишмаков // Известия Восточного института. – 2018. – № 4 (40). – С. 54-67.
27. Славинский, Б. Н. СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история, 1937–1945 гг. / Б. Н. Славинский. – М.: ЗАО «Япония сегодня», 1999. – 540 с.
28. Такусиро, Х. Япония в войне 1941-1945 гг. / Х. Такусиро. – СПб.: ООО «Издательство Полигон», 2000. – 880 с.
29. Файнберг, Э. Я. Внутреннее и международное положение Японии в середине XIX века / Э. Я. Файнберг. – М.: МИВ, 1954. – 59 с.
30. Флоренцева, К. С. Российско-японские территориальные разногласия: отношение общества к возможной передаче Россией Японии части Курильской гряды / К. С. Флоренцева, В. В. Рыкина // Вестник Камчатского политехнического техникума. – 2021. – № 23. – С. 23-36.
31. Харюшина, Н. А. Российско-японская территориальная проблема в президентство В. В. Путина (2004-2008) и Д. А. Медведева (2008-2012) / Н. А. Харюшина // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2012. – № 4 (17). – С. 25-34.
32. Ходова, С. С. Особенности российско-японских политических отношений в период после окончания Второй мировой войны до начала 2000-х гг. / С. С. Ходова // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2009. – № 2 (2). – С. 13.

Юрченко Е. С.
ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА США ЗА МЕЖСОЮЗНОЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ
СОГЛАШЕНИЕ В КОНЦЕ 1918 – НАЧАЛЕ 1919 ГОДОВ

Юрченко Е. С.
E. S. Yurchenko

**ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА США ЗА МЕЖСОЮЗНОЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ
СОГЛАШЕНИЕ В КОНЦЕ 1918 – НАЧАЛЕ 1919 ГОДОВ**

**THE DIPLOMATIC STRUGGLE OF THE UNITED STATES FOR THE INTER-UNION
RAILWAY AGREEMENT IN LATE 1918-EARLY 1919**

Юрченко Екатерина Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент Высшей школы педагогики и истории Тихоокеанского государственного университета (Россия, Хабаровск); тел. 7(914)150-26-22. E-mail: y-k22@yandex.ru.

Ekaterina S. Yurchenko – PhD in History, Associate Professor, Higher School of Pedagogy and History, Pacific State University (Russia, Khabarovsk). E-mail: y-k22@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена борьбе американской дипломатии за Межсоюзное соглашение по контролю над российскими железными дорогами перед началом Парижской мирной конференции в конце 1918 – начале 1919 гг. Особое внимание в работе уделено изучению позиции американского правительства по вопросу о статусе, изменении системы управления железными дорогами и порядке их финансирования. Изучено стремление руководства официального Вашингтона добиться реализации принципа «открытых дверей и равных возможностей» в отношении КВЖД и Транссиба, а также передать контроль над управлением дорогами Дж. Ф. Стивенсу. Автор также акцентирует внимание на роли посла США в Японии Р. С. Морриса и главы Российского корпуса железнодорожной службы Дж. Стивенса в выработке ключевых положений соглашения с Японией. Также анализируются значение данного соглашения в японо-американском противостоянии на Дальнем Востоке и в Китае, его роль в «русской» политике США в этот период, отношение американской дипломатии к участию антибольшевистских сил в разработке и реализации международного соглашения по контролю над железными дорогами.

Summary. The article is devoted to the struggle of American diplomacy for an Inter-Union agreement on the control of Russian railways before the Paris Peace Conference in late 1918 – early 1919. Special attention is paid to the study of the position of the American government on the status, changes in the railway management system and the procedure for their financing. The desire of the leadership of official Washington to achieve the implementation of the principle of «open doors and equal opportunities» in relation to the CER and Transsib, as well as to transfer control over the management of roads to J. F. Stevens. The author also focuses on the role of the US Ambassador to Japan, R. S. Morris, and the head of the Russian Railway Service Corps, J. P. Morgan. Stevens participated in the development of key provisions of the agreement with Japan. The significance of this agreement in the Japanese-American confrontation in the Far East and China is also analyzed. His role in the «Russian» policy of the United States during this period. The attitude of American diplomacy towards the participation of anti-Bolshevik forces in the development and implementation of an international agreement on railway control.

Ключевые слова: Межсоюзное соглашение по контролю над КВЖД и Транссибирскими железными дорогами, дипломатическая борьба, политика «открытых дверей и равных возможностей».

Key words: Inter-Union agreement on control of the CER and Trans-Siberian Railways, diplomatic struggle, policy of «open doors and equal opportunities».

УДК 94(73).091.3

Современная американская политическая элита, вне зависимости от партийной принадлежности, отдаёт предпочтение силовому давлению в качестве метода борьбы за национальные интересы. Однако в первой четверти XX века официальный Вашингтон ещё не располагал достаточными ресурсами для реализации подобного подхода, что предопределило вынужденный выбор Белого дома в пользу дипломатии. История борьбы за заключение Межсоюзного железнодорожного соглашения по контролю над КВЖД и Транссибом во многом является ключом к пониманию особенностей внешнеполитического курса США в период президентства В. Вильсона.

Историография проблемы представлена исследованиями американских авторов, посвящёнными деятельности Дж. Стивенса на посту главы американской железнодорожной миссии и истории Российского корпуса железнодорожной службы. Немногочисленные работы акцентируют внимание на ключевых отличиях железнодорожной стратегии правительства В. Вильсона. Так, в исследовании Р. Куссманна подчёркивается, что, в отличие от Японии, стремившейся захватить Маньчжурию, США основной задачей видели реализацию «принципа открытых дверей и равных возможностей» в отношении российских железных дорог [7]. Ж. Д. Сент-Джон в своей диссертации обращает внимание на то, что для руководства Белого дома борьба за КВЖД являлась приоритетной, поскольку от этого зависела реализация программы «открытых дверей» в Китае [8]. Американские исследователи неизменно подчёркивают решающий вклад Дж. Ф. Стивенса в формирование и реализацию железнодорожной политики США в России и Китае в этот период [3; 6; 7; 8].

Борьба между союзниками за контроль над российскими железными дорогами активизировалась в августе-сентябре 1918 г. после решения правительства США направить войска на Дальний Восток. Первоначально американское руководство рассчитывало на передачу российских железных дорог под управление главы американской железнодорожной миссии Дж. Стивенса. Соглашение, заключённое с Временным правительством России в 1917 г., предусматривало передачу станции Владивосток под его управление и привлечение американских железнодорожников в качестве консультантов для налаживания эффективной работы транспортной системы. После смены власти в Петрограде в ноябре 1917 г. и начала гражданской войны официальный Вашингтон попытался использовать это соглашение, чтобы добиться от союзников признания права Стивенса на сосредоточение в своих руках контроля над Китайско-Восточной и Транссибирской железными дорогами. В отсутствие в России признанного правительства Белый дом намеревался отстранить от управления российских директоров [4, 241-243]. Однако намерения правительства Вильсона шли вразрез с планами японского руководства, стремившегося использовать ситуацию для того, чтобы расширить сферу своего влияния в Маньчжурии и взять под контроль КВЖД [3].

В 1918 г. правительство США исходило из того, что железнодорожный вопрос состоит из трёх отдельных аспектов: юридического, военного и эксплуатационного. С юридической точки зрения позиция Белого дома предполагала сохранение имущественных прав России и всех существующих соглашений по железным дорогам в Восточном Китае. В условиях начала вооружённой интервенции такой подход позволял заблокировать передачу прав на КВЖД и Транссиб иностранным державам.

Эксплуатационный аспект подразумевал, что управление железными дорогами должно осуществляться под единоличным контролем Дж. Стивенса при помощи служащих Корпуса Российских железных дорог. Государственный секретарь США Р. Лансинг в переговорах с союзниками настаивал на том, что американские железнодорожники являются гражданскими специалистами на службе российского государства, их работа была санкционирована последним легитимным правительством [4, 247].

Военный аспект оказался единственным, по которому Госдепартамент не смог чётко сформулировать свою позицию. США согласились направить в Россию 7000 солдат для помощи в эвакуации чехословацкого корпуса и охраны линий коммуникаций. С этого момента вопрос о военной охране железных дорог стал частью проблемы участия США в иностранной интервенции. Масштабы военного присутствия, характер взаимодействия с войсками других держав, отношение с представителями российских противоборствующих сторон – решение этих проблем было сопряжено с преодолением разногласий как внутри правительства Вильсона, так и с союзниками. В период активного обсуждения участия США в совместной с Японией интервенции в июле 1918 г. Государственный департамент дал понять, что не против передачи общего командования межсоюзными силами японцам. Однако американское военное ведомство эту позицию не поддержало [2, 275-278]. Командующий американским экспедиционным корпусом генерал-майор У. Грейвс, прибыв в Россию, отказался подчиняться японскому генералу Отани [1]. В свою очередь, японские военные стремились вытеснить американцев с железных дорог. Они либо размещали там свои контингенты, либо позволяли захватывать железные дороги казачьим атаманами, получавшим помощь от Японии. К осени 1918 г. японские войска заняли все ключевые станции вдоль КВЖД. В

конце октября посол США в Японии Р. С. Моррис сообщил в Вашингтон, что численность японских войск, размещённых на главной линии, включая Харбин, составляет примерно 12 000 человек. «Кроме того, – писал посол, – мне сообщили, что 20 000 человек готовятся к зимовке в Чите, командуя узлом Амурской железной дороги, который тщательно охраняется японскими солдатами. Японские гарнизоны также размещаются в стратегических точках на железной дороге между Харбином и Владивостоком» [4, 279].

В период с августа по ноябрь 1918 г. все попытки американского руководства добиться от японских властей признания полномочий Стивенса встречали категорический отказ. В октябре посол Р. Моррис направил Р. Лансину проект соглашения, который поддержали управляющий КВЖД Д. Л. Хорват и бывший помощник министра путей сообщения Л. А. Устругов, который взял на себя руководство железными дорогами Транссибирской магистрали. Соглашение предусматривало создание Межсоюзного комитета по контролю за железными дорогами в зоне действия войск союзников. При этом «техническое, административное и экономическое управление всеми железными дорогами в указанной зоне будет возложено на Джона Ф. Стивенса». Предполагалось, что он получит должность генерального директора, но во главе каждой железной дороги останется русский управляющий [4, 275]. Несмотря на то что союзные представители в России поддерживали данный проект, правительство Японии утвердить его отказалось.

В начале ноября глава японского МИД в беседе с английским послом заявил, что его правительство и Генеральный штаб готовы рассмотреть три варианта решения проблемы: 1) создание железнодорожного комитета союзников исключительно для консультирования нынешнего российского руководства железных дорог; 2) осуществление совместного руководства железными дорогами американским и японским представителями; 3) управление железными дорогами в Восточном Китае Япония будет осуществлять самостоятельно [4, 283]. Ни один из этих вариантов не устраивал Белый дом.

11 ноября 1918 г. завершилась Первая мировая война, и руководство официального Вашингтона сосредоточилось на подготовке к началу мирной конференции. Президент США В. Вильсон стремился к тому, чтобы союзники заранее не получили фактического преимущества в спорных вопросах. Вместе с тем нельзя было допустить ухудшения отношений с Японией, которая могла повлиять на реализацию планов американской делегации в Париже. Решение этих задач было возложено на посла США в Японии Р. С. Морриса. Дипломат должен был убедить японское правительство, что передача права на управление дорогами Стивенсу необходима исключительно для их эффективного функционирования. Также нужно было доказать невозможность разделения управления системой железных дорог, поскольку это неминуемо привело бы к параличу железнодорожного сообщения. В инструкциях Госдепартамента подчёркивалось: «Необходимо прояснить, что наша цель – предоставить Стивенсу эффективный контроль, чтобы ускорить восстановление нормальных экономических условий в Сибири, и это временная мера» [4, 285-286].

Другим фактором, повлиявшим на позицию США, стал приход к власти 18 ноября в Омске А. В. Колчака. Японские военные усилили поддержку казачьих атаманов И. П. Калмыкова и Г. М. Семенова, не признавших власть адмирала. В конце ноября британцы и французы, ранее демонстрировавшие намерение поддержать американский план, отказались теперь обсуждать вопрос о передаче железных дорог под контроль Стивенса. Официальный Лондон и Париж, формально выражая согласие с американскими инициативами, давали своим военным и дипломатическим представителям противоречивые инструкции. Французский посол в Японии получил в конце ноября указание «выразить министру иностранных дел озабоченность французского правительства в связи с численностью японских войск в Сибири и Маньчжурии». Он не стал этого делать, поскольку несколькими днями ранее французское правительство выступило с заявлением о необходимости присутствия японских войск в Сибири.

Британский посол в Токио ознакомил американского коллегу с телеграммами командира британской железнодорожной миссии на Транссибирской магистрали полковника А. Джека. Из них следовало, что А. Джек, который ранее рьяно поддерживал американский план, изменил своё мнение и теперь выступал за отстранение Стивенса и передачу железных дорог под контроль

Л. А. Устругова, возглавившего Министерство путей сообщения в правительстве Колчака [4, 288]. 24 декабря британский поверенный в делах в Вашингтоне выдвинул ноту, в которой говорилось о том, что военное министерство Великобритании крайне обеспокоено тем, что США и Япония намерены принять план, идущий вразрез с предложениями полковника Джека [4, 300].

Переговоры с членами японского правительства и послами союзных держав в Японии привели Морриса к неутешительному выводу: Соединённым Штатам, возможно, придётся отклониться от первоначального плана в пользу более прагматичных решений [4, 288]. Но для выработки компромиссного варианта требовалось согласие Стивенса, на которого американское руководство возлагало основную ответственность по практической реализации железнодорожной политики.

Дж. Стивенс был убеждён в том, что отсутствие у него реальной власти и сохранение за русскими чиновниками права принимать решения сведут на нет все усилия по налаживанию транспортного сообщения. Он настаивал на том, что должен иметь право отдавать приказы и увольнять служащих, сохранять единоличный контроль над экономической и технической частью. По мнению Стивенса, Амурскую, Восточно-Китайскую и Транссибирскую дороги необходимо было рассматривать как часть единой российской железнодорожной системы и не допускать разделения управления. Также он полагал, что в соглашении с союзниками должны быть чётко оговорены сроки «надзора и помощи союзников». Стивенс был уверен, что, получив необходимые полномочия, сможет наладить работу железных дорог, после чего её управление снова вернётся под контроль российского правительства. Глава американского железнодорожного корпуса опасался усиления японского присутствия и настаивал на необходимости расположения американских войск на всём протяжении линии дорог до Иркутска. Однако японская сторона в своих предложениях стремилась свети роль Стивенса к тому, что он будет только консультировать русских управляющих.

К декабрю 1918 г. большая часть ключевых железнодорожных узлов находилась либо под непосредственным контролем японских военных, либо прояпонски настроенных казачьих атаманов. Стивенс опасался, что в подобных условиях он не только не сможет выполнить возложенные на него обязанности, но и станет объектом манипуляций. 3 декабря он получил от посла Морриса проект соглашения с Японией, который предусматривал создание Технического совета из железнодорожных экспертов стран, имеющих вооружённые силы в Сибири, для консультирования и оказания помощи в вопросах технического, административного и экономического управления всеми железными дорогами. Союзный военный транспортный совет должен был координировать военные перевозки. Охрана железных дорог должна быть возложена на вооружённые силы союзников, в то время как управление железными дорогами должно было оставаться в руках русских. Японцы были согласны с тем, что Стивенс станет президентом Технического совета [4, 289]. Моррис был убеждён, что данный план позволит сдвинуть переговоры с мёртвой точки. Однако получив данный проект, Стивенс категорически отказался его поддержать. «Согласно предлагаемому плану, – негодовал глава американской железнодорожной миссии, – председатель будет номинальным главой, правление превратится в фарс» [4, 292]. Глава железнодорожной миссии искренне недоумевал, почему посол Моррис начал поддерживать японский проект, тогда как посол понимал, что дальнейшие попытки отстаивать позицию Стивенса окончательно заведут переговоры в тупик. Дипломат был убеждён в том, что при содействии японской стороны Стивенс сможет выполнить поставленные задачи, в то время как сам глава железнодорожной миссии в то, что японцы будут ему содействовать, не верил [4, 296].

Моррис решил попробовать внести коррективы в японский проект с учётом мнения Стивенса. Основное изменение коснулось пункта о полномочиях Технического совета и его президента. В новом варианте прописывалось, что президенту поручаются экономические и технические аспекты эксплуатации железных дорог. Он должен обладать полномочиями отдавать приказы, назначать помощников и инспекторов и определять их обязанности. Американский посол представил свой вариант японскому министру иностранных дел Утида вместе с комментарием Государственного департамента, в котором подчёркивалось, что «никакое соглашение не может быть успешным, если не удастся добиться того, чтобы русские следовали советам и выполняли инструкции, и это правительство отказалось бы поставить Стивенса в положение, при котором его особые способности не могут быть использованы эффективно». Министр воспринял изменения

без энтузиазма, предвидя сопротивление Генерального штаба. Моррис полагал, что японская сторона теперь либо откажется от дальнейшего ведения переговоров, либо союзники сообщат реализуют план, фактически отстраняющий Стивенса [4, 298].

К концу 1918 г. обстановка на железных дорогах складывалась крайне неблагоприятно. 14 декабря консул США во Владивостоке Дж. Колдуэлл доложил Р. С. Моррису: «Условия на железных дорогах в Сибири невыносимы. Дорога перестала функционировать для всех практических целей. Если в ближайшее время не произойдут перемены к лучшему, будет невозможно обеспечить поставки, ожидаемые из Америки» [4, 299].

25 декабря консул США в Омске Э. Харрис встретился с Л. А. Уструговым и министром иностранных дел Ю. В. Ключниковым. Оба заверили его в том, что «искренне желают передать железную дорогу в руки Стивенса, и не могут понять, почему препятствия на этом пути не преодолеваются». При этом они настаивали, что штаб-квартира Межсоюзнического комитета по железным дорогам должна находиться в Омске, а не во Владивостоке [4, 301]. Харрис сообщил в Вашингтон: «Безоговорочно признаётся, что русские не обладают ни техническими возможностями, ни административными качествами, которые необходимы в это критическое время для поддержания работы железной дороги, и если нынешние условия продлятся ещё на два месяца дольше, загруженность будет такой, что вся линия будет безнадежно разрушена, что повлечёт за собой все возможные сопутствующие последствия. Правительство Омска не ставит никаких условий, оно выполнит любую просьбу; оно просто обращается за помощью» [5, 238]. Харрис настоятельно рекомендовал не игнорировать существование Омского правительства «во избежание будущих неприятностей» [5, 245]. Однако попытка добиться того, чтобы Межсоюзный комитет располагался в Омске, провалилась. Моррис и Стивенс заявили, что в текущей ситуации это невозможно и Устругову надлежит приехать во Владивосток. Оба они воспринимали Колчака и его правительство как группу реакционеров, «временно утвердившихся в России и стремящихся реставрировать старый режим» [4, 271].

Омское правительство не получило признания со стороны США. Американская дипломатия не рассматривала позицию Омского руководства как значимый фактор в железнодорожной политике. Это вело к росту недоверия к политике Вашингтона, особенно среди российских военных, характеризовавших американскую политику как «мирно завоевательную» и имеющую своей целью «установление доминирующего значения Америки в железнодорожном деле Сибири и создание возможности глубокого экономического проникновения американского капитала» (см. прим. 1). Но руководство Белого дома мнение членов Омского правительства во внимание не принимало. Наиболее значимым фактором в вопросе о железных дорогах оставалась позиция Японии.

Официальный Токио перед началом мирной конференции в Париже решил не допускать нарастания конфликта по вопросу о железных дорогах, поскольку нерешённым оставался вопрос о передаче Японии территорий в Китае, захваченных в ходе мировой войны. Мнение американской делегации по этому вопросу могло стать решающим. 27 декабря министр иностранных дел Японии вручил американскому послу новый проект договора, который содержал поправки с учётом требований Стивенса. Он включал в себя следующие положения:

«1. Общий надзор за железными дорогами в зоне, в которой в настоящее время действуют союзные войска, будет осуществляться специальным Межсоюзническим комитетом, который будет состоять из представителей каждой союзной державы, имеющей вооружённые силы в Сибири, включая Россию, и председателем которого будет русский.

Должны быть созданы следующие комиссии, которые будут переданы под контроль межсоюзнического комитета:

(a) Технический совет, состоящий из железнодорожных экспертов стран, имеющих вооружённые силы в Сибири, с целью осуществления технического и экономического управления всеми железными дорогами в указанной зоне;

(b) Союзный военный транспортный совет, созданный для координации военных перевозок под руководством соответствующих военных властей.

2. Охрана железных дорог возлагается на вооружённые силы союзников. Во главе каждой железной дороги остаётся русский управляющий или директор, наделённый полномочиями, предусмотренными действующим российским законодательством.

3. Технический совет избирает председателя, которому поручается техническое управление железными дорогами. В вопросах такого технического управления председатель может давать указания русским чиновникам, упомянутым в предыдущем пункте. Он может назначать помощников и инспекторов из числа граждан держав, имеющих военные силы в Сибири, прикреплять их к центральному офису совета и определять их обязанности. При необходимости он может направить корпус железнодорожных экспертов на более важные станции. При направлении железнодорожных экспертов на любую из станций должны быть учтены интересы соответствующих союзных держав, отвечающих за военную охрану таких станций.

4. Канцелярский персонал межсоюзнического комитета назначается председателем комитета, который имеет право распределять работу между такими сотрудниками, а также увольнять их.

5. Настоящее соглашение прекращает свое действие после вывода иностранных вооружённых сил из Сибири, и все иностранные железнодорожные эксперты, назначенные в соответствии с этим соглашением, должны быть немедленно отозваны» [4, 302].

Также японский министр информировал американского посла о том, что 13 880 японских солдат уже выведены из России и что 1 января 1919 г. начнётся вывод ещё 34 000 солдат. Моррис полагал, что это свидетельствует о смене вектора японской политики, которую «надо всячески поощрять». Он считал это настоящим прорывом в переговорах и надеялся, что Стивенс одобрит данный вариант. Однако тот счёл, что в предложенном варианте слишком много двусмысленных формулировок. Он настаивал, что президент Технического совета не должен находиться под контролем межсоюзного совета и должен обладать правом отдавать приказы всем без исключения российским железнодорожным чиновникам [4, 304]. Моррис счёл требования Стивенса чрезмерными и попытался урезонить его, понимая, что японцы не пойдут на дальнейшие уступки. «Я согласен с вами, что формулировка могла бы быть более простой и прямолинейной, но затронутые вопросы были непростыми, и методы их решения не всегда были прямолинейными», – настаивал посол. Государственный департамент одобрил новый вариант соглашения, однако оставил право окончательного решения за Стивенсом. Понимая бесперспективность дальнейшего противостояния, Стивенс согласился [4, 305-307].

Получив наконец одобрение Стивенса, Моррис решил действовать незамедлительно. Американский посол связался с министром Утида. Совместно они одобрили меморандум, в котором подчёркивалось, что японское правительство поддерживает назначение Стивенса председателем Технического совета, который должен состоять из экспертов Китая, Франции, Великобритании, Италии, Японии, России и Соединённых Штатов, при этом вопрос о чехословаках ещё подлежал обсуждению. «Этот план следует интерпретировать как искреннее стремление объединить *[временно для эксплуатации]* Китайско-Восточную и Транссибирскую железные дороги в интересах российского народа с целью их окончательного возвращения заинтересованным лицам без ущемления каких-либо существующих прав», – подчёркивалось в документе [5, 243].

9 января американский посол доложил в Вашингтон об успешном завершении переговоров. Сведения о достигнутом соглашении были переданы в Лондон и Париж. В конце февраля было получено официальное одобрение союзников [5, 255].

Президент Вильсон распорядился, чтобы военное ведомство как можно скорее подготовило соответствующие инструкции для генерала У. Грейвса. Председатель совета по военной торговле В. Маккормик подготовил рекомендации для Русского бюро о выделении аванса в размере 1 млн долларов для Стивенса для выплаты заработной платы американским железнодорожникам и приобретения необходимого оборудования. Предполагалось, что эти деньги вернутся в казну, как только союзники утвердят план совместного финансирования [5, 244]. Однако вопрос о выделении средств осложнялся изменениями во внутриполитической ситуации в США. В ноябре 1918 г. республиканцы одержали победу на выборах в Конгресс. Заняв большинство в обеих палатах, они подвергали постоянным нападкам внешнеполитический курс президента. Заместитель госсекретаря Ф. Полк счёл необходимым предупредить Вильсона, что в текущих условиях добиться от Конгресса выделения значительных сумм на решение железнодорожного вопроса невозможно [5, 246].

Посовещавшись с Р. Лансингом, президент сформулировал план, который мог бы позволить смягчить оппозицию в Конгрессе. Он предложил Ф. Полку выступить по железнодорожному вопросу перед одним из комитетов Сената. Заместитель государственного секретаря должен был максимально откровенно донести до членов комитета информацию по ситуации в Сибири. Особо подчеркнуть стратегическое значение Транссиба и КВЖД не только для снабжения союзников, чехословаков, но и для экономического развития западных регионов США. Полк должен был уделить внимание в докладе действиям Японии, «которая практически захватила Китайско-Восточную железную дорогу, тем самым фактически контролируя все перевозки в Россию и из России через Тихий океан». Наиболее весомым аргументом должен был выступить пункт о том, что финансирование проекта будет осуществляться совместно с союзниками. Реализация межсоюзного соглашения по железным дорогам, по мнению президента, могла обеспечить «практическое применение принципа открытых дверей». Полк провёл консультации с экспертами госдепартамента и вынес вопрос на заседание кабинета министров. Члены правительства США единодушно выступили против. По их мнению, имели место два наиболее значимых фактора, которые не позволяли обратиться к Конгрессу за выделением средств. Первый заключался в огромных затратах на европейскую политику, в частности, выделение Американской администрацией помощи в размере 100 млн долларов на поставки продовольствия и медикаментов европейским странам. Тем более что соглашение с союзниками по совместному финансированию железных дорог ещё только предстояло заключить [5, 247-249].

Другим фактором являлось негативное отношение республиканцев к «русской политике» Вильсона в целом. Они требовали отчёта о целях, ради которых американские солдаты гибли в России. Вице-президент Т. Маршалл был уверен, что любое обращение к Конгрессу по русскому вопросу в текущий момент «поставило бы под угрозу все законопроекты об ассигнованиях». Ему с огромным трудом удалось заблокировать резолюцию Сената с требованием вывода войск США из России [10, 203-204].

В. Вильсон согласился с доводами членов своего кабинета, но призвал Ф. Полка не сбрасывать со счетов возможность наладить взаимодействие с Конгрессом. Он полагал, что вопрос о железных дорогах можно рассматривать отдельно от общей российской политики. Вне зависимости от развития ситуации в России, США должны были бороться за реализацию принципа «открытых дверей» в отношении Сибирской и особенно Китайско-Восточной железной дороги». Ф. Полку было поручено передать послу Моррису инструкции немедленно начать переговоры об эксплуатации железных дорог. Русское бюро должно было изыскать возможность выделить деньги на неотложные нужды из имеющихся фондов. Вильсон распорядился использовать американские войска для поддержки Стивенса [5, 250, 254].

Началась работа по реализации соглашения. Технический совет собрался 5 марта 1919 г. в полном составе и утвердил кандидатуру Стивенса на пост председателя. Генерал Такеучи возглавил Военный транспортный совет. В этот же день Устругов был утверждён на пост председателя Межсоюзного комитета. Американцы настаивали на том, что решения в Межсоюзном комитете и Техническом совете должны приниматься простым большинством, тогда как японцы и китайцы настаивали на единогласном голосовании [5, 259]. В результате было принято решение, что по общим вопросам голосование будет осуществляться большинством. Исключение должны были составлять проблемы, непосредственно находящиеся в сфере компетенции держав. Также было принято решение о том, что Технический совет будет располагаться в Харбине. Омское правительство выразило свою поддержку соглашения, особенно подчеркнув тот факт, что оно «носит характер технической помощи и не нарушает прав России» [5, 242].

Вопрос об охране железных дорог был решён путём разделения полномочий. К западу от озера Байкал дороги должны были охранять чехословаки. Американцам поручили охранять некоторые участки железной дороги в Восточной Сибири и участок дороги, примыкавший с востока к озеру Байкал. Несмотря на противодействие японской стороны, Стивенс добился того, чтобы охрана КВЖД осталась за Китаем.

Предварительно было достигнуто соглашение о том, что финансирование возьмут на себя Соединённые Штаты в размере 5 млн долларов, Япония – 4,5 млн долларов и Китай – 500 тыс.

долларов. Контроль за расходованием средств осуществлял Стивенс. Деньги, выделенные США на Межсоюзное соглашение, были переведены на именные счета Стивенса в Национал Сити банке и Риггс Национал банке в Вашингтоне. Он распоряжался ими лично [7, 26-27].

Достигнутое компромиссное соглашение должно было ослабить противоречия с Японией, позволить американцам закрепиться на наиболее значимых стратегических участках Амурской и Транссибирской железных дорог и осуществить реорганизацию транспортной системы под контролем Стивенса. Однако к маю 1919 г. стало понятно, что Межсоюзное соглашение не работает. По воспоминаниям генерала У. Грейвса, развернулась негласная борьба за то, чтобы вытеснить американцев с железных дорог [1]. Япония продолжила поощрять казачьих атаманов, которые действовали в зоне ответственности американских военных. Доклады генерала Грейвса служили основанием для обвинений со стороны президента Вильсона в адрес Японии в стремлении столкнуть между собой американские и российские войска. В мае на заседании Совета Четырёх Парижской конференции он заявил, что американские военные при таких обстоятельствах не могут обеспечивать охрану железных дорог в Сибири, и «их дальнейшее пребывание в России лишено смысла» [11, 578].

Несмотря на приложенные усилия, американская дипломатия не смогла реализовать задачу по передаче контроля над железными дорогами в России Стивенсу и специалистам американского Корпуса российских железных дорог. Намерения США шли вразрез с планами Японии, имевшей значительное военное превосходство в регионе. Временные уступки со стороны японского руководства призваны были лишь смягчить позицию американского президента в Париже на переговорах о судьбе Китая. Отсутствие сколь-нибудь эффективного взаимодействия с российскими властями и постоянные конфликты между американскими военными и представителями антибольшевистских сил стали дополнительным фактором, не позволившим Стивенсу выполнить возложенные на него обязанности. Реализация соглашения оказалась под вопросом с момента подписания, продемонстрировав отсутствие у официального Вашингтона понимания характера политических процессов в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грейвс, У. Американская интервенция в Сибири. 1918–1920: воспоминания командующего экспедиционным корпусом / У. Грейвс. – М.: Центрполиграф, 2018. – 285 с.
2. Дэвис, Д. Э. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях / Д. Э. Дэвис, Ю. П. Трани. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 479 с.
3. Delanty, James John. John F. Stevens and His Role in the Struggle for the Control of the Chinese Eastern Railway, 1917–1922. Fullerton: California State College, 1980. – 258 p.
4. Fuller, Joseph V. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia, Vol. III. Washington: U. S. Government Printing Office, 1932. – 754 p.
5. Fuller, Joseph V. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. Russia. Washington: U. S. Government Printing Office, 1937. – 560 p.
6. Giffin, Frederick C. An American Railroad Man East of the Urals, 1918–1922. URL: <https://www.thefreelibrary.com/An+American+railroad+man+east+of+the+Urals%2C+1918-1922.-a021058929>.
7. Kussmann, Roger W. John F. Stevens in Russia, 1917–1922. (Ph. D. diss., Wisconsin State University – La Crosse Graduate College, 1968). URL: <https://minds.wisconsin.edu/handle/1793/54683>.
8. St. John, Jacqueline D. John E Stevens: American Assistance to Russian and Siberian Railroads, 1917–1922. (Ph.D. diss., University of Oklahoma, 1969).
9. The Papers of Woodrow Wilson: vol. 47. March 12–May 12, 1918 / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst. Princeton, New Jersey: Princeton univ. press., 1984. – 651 p.
10. The Papers of Woodrow Wilson: vol. 55. February 8–March 16, 1919 / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst. Princeton, New Jersey: Princeton univ. press, 1987. – 592 p.
11. The Papers of Woodrow Wilson: vol. 59. May 10–31, 1919 / A. S. Link. Ed. J. Wells Davidson and D. W. Hirst. Princeton, New Jersey: Princeton univ. press., 1989. – 744 p.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 542. Л. 73.

Content

CULTURAL STUDIES AND ART STUDIES

A. S. Breitman

YAKUT MYTHOLOGICAL COSMOGONY IN THE SCREEN SPACE:
ABOUT THE WORLD PHENOMENON OF YAKUT CINEMA (1990 – 2020S) 4

S. Yu. Gamaley

ABOUT THE PERFORMANCES STAGED ON THE STAGE
OF THE RUSSIAN NATIONAL THEATER OF BIROBIDZHAN. 1958–1992 12

Guo Tingting

INHERITANCE OF CHINESE GUQIN CULTURE AND ART 20

A. Y. Zavalishin, N. Y. Kosturina

CHILDREN'S SUBCULTURES – TERRA INCOGNITA
OR ENFANT TERRIBLE? 25

E. V. Klimova

THE ROLE OF TRADITIONAL TOYS IN SHAPING THE CULTURE AND CULTURAL
HERIAGE OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE RUSSIAN FAR EAST 32

T. E. Nalivaiko, V. V. Ivanov

CULTURE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGY
APPLICATION IN HIGHER EDUCATION 36

E. A. Rad, E. A. Sivozhelezova

THE BIBLICAL TEXT IN THE STRUCTURE OF A.M. STOLYAROV'S
NOVEL «THE MERCY OF THE LORD» 41

I. I. Smirnova

SOCIOCULTURAL ASPECTS OF THE FORMATION AND REPRESENTATION
OF A CHILD'S IMAGE IN THE HORROR GENRE (BASED ON LITERARY TEXTS) 46

I. G. Usanov, G. I. Usanov

GENESIS AND EVOLUTION OF ENTREPRENEURIAL CULTURE 54

M. A. Sheremetyeva, E. V. Savelova

A RETROSPECTIVE STUDY OF THE FEATURES
OF IDENTIFICATION THROUGH THE GAME 64

E. A. Shchelkina

THE HOUSE OF FOLK ART AS A COORDINATOR
OF AMATEUR ART ACTIVITIES IN THE REGION
(USING THE EXAMPLE OF THE Khabarovsk Territory) 71

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGY

G. I. Burdakova, T. E. Nalivaiko, A. S. Byankin

VOLUNTEERING AS A FORM OF IMPLEMENTATION
OF THE PEDAGOGICAL APPROACH «LEARNING BY SERVICE» 76

Y. G. Larchenko

FINAL QUALIFICATION WORK IN THE FORMAT OF A PUBLIC PROJECT:
RELEVANCE, PRACTICAL SIGNIFICANCE, DEVELOPMENT ALGORITHM 81

A. A. Pukhov, N. A. Novgorodov, J. I. Tkacheva

THE DEVELOPMENT OF GIFTEDNESS IN THE CONTEXT
OF MODERN GENERAL EDUCATION SYSTEM: PROBLEMS,
APPROACHES AND PROSPECTS 87

HISTORY

A. S. Derbenev, E. A. Makarova

DYNAMICS OF U. S. INTERACTION WITH MIDDLE EASTERN ALLIES
IN THE CONTEXT OF THE GAZA WAR 97

D. P. Gulevich, O. P. Fedirko

CHANGES IN THE RELIGIOUS LANDSCAPE OF CHINA
AT THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY 104

D. G. Karavaev, O. P. Fedirko

CHANGES IN THE RELIGIOUS LANDSCAPE OF CHINA
AT THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY 111

E. S. Yurchenko

THE DIPLOMATIC STRUGGLE OF THE UNITED STATES
FOR THE INTER-UNION RAILWAY AGREEMENT IN LATE 1918-EARLY 1919 117

Научное издание

Учёные записки КНАГТУ
2025 № IV (84)
Науки о человеке,
обществе и культуре

Выпускающий редактор
Г. А. Шушарина

Подписано в печать 27.06.2025
Дата выхода в свет 30.06.2025

Формат А4.
Бумага офисная 80 г/м².
Усл. печ. л. 14,64.
Уч.-изд. л. 13,52.
Тираж 200. Заказ 31325

Отпечатано:
в типографии КНАГУ
681013,
г. Комсомольск-на-Амуре,
пр. Ленина, д. 27;
в типографии «Агора»
681024,
г. Комсомольск-на-Амуре,
пр. Ленина, д. 39.

